

Has been issued since 1863. ISSN 2408-9621
2015. Vol. (7). Is. 1. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr. Krinko Evgeny – Institute of Social-Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Editor in Chief)

PhD Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Dr. Khlynina Tatiana – Institute of Social-Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Levendorskaya Lyudmila – Documentation Center of the Recent History of the Rostov Region, Rostov-on-Don, Russian Federation

PhD Urushadze Amiran – Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

PhD Vlaskina Nina – Institute of Social-Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Dr. Bugai Nikolai – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Dr. Cherkasov Aleksandr – Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Dr. Holmes Larry – University of South Alabama, Mobile, USA

Dr. Fieseler Beate – Heinrich Heine University Dusseldorf, Dusseldorf, Federal Republic of Germany

Dr. Kolesnikova Marina – North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Dr. Markvik Rodzher – University of Newcastle, Newcastle, Australia

Dr. Menjkovsky Vyacheslav – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Dr. Shneer Aron – National Institute of Remembrance of the Victims of Nazism and the Heroes of Resistance "Yad Vashem", Jerusalem, Israel

Dr. Zherebtsov Igor – Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Syktyvkar, Russian Federation

Journal is indexed by: **CiteFactor** (Canada), **CrossRef** (UK), **Electronic Scientific Library** (Russia), **Global Impact Factor** (Australia), **International Society of Universal Research in Sciences** (UAE), **Journal Index** (USA), **Journals Impact Factor** (JIF), **Open Academic Journals Index** (Russia), **ResearchBib** (Japan), **Sherpa Romeo** (Spain), **Universal Impact Factor** (Australia), **ULRICH's WEB** (USA).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitucii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal16.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 15.03.15.
Format 21 × 29,7/4.
Enamel-paper. Print screen.
Headset Georgia.
Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Circulation 500 copies. Order № 207.

© Russkii Arkhiv, 2015

Издается с 1863 г. ISSN 2408-9621
2015. № 1 (7). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кринко Евгений – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (Главный редактор)
Власкина Нина – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина
Левендорская Людмила – Центр документации новейшей истории Ростовской области, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Урушадзе Амиран – Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Хлынина Татьяна – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бугай Николай – Институт российской истории РАН, Москва, Российская Федерация
Жеребцов Игорь – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра РАН, Сыктывкар, Российская Федерация
Колесникова Марина – Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация
Марквик Роджер – Ньюкаслский университет, Ньюкасл, Австралия
Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Физелер Беате – Дюссельдорфский университет имени Генриха Гейне, Дюссельдорф, Федеративная Республика Германия
Холмс Ларри – Университет Южной Алабамы, Мобил, США
Черкасов Александр – Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация
Шнеер Арон – Национальный институт памяти жертв нацизма и героев сопротивления «Яд ва-Шем», Иерусалим, Израиль

Журнал индексируется в: **CiteFactor** (Канада), **CrossRef** (Великобритания), **Global Impact Factor** (Австралия), **International Society of Universal Research in Sciences** (ОАЭ), **Journal Index** (США), **Journals Impact Factor** (JIF), **ResearchBib** (Япония), **Научная электронная библиотека** (Россия), **Open Academic Journals Index** (Россия), **Sherpa Romeo** (Испания), **Universal Impact Factor** (Австралия), **ULRICH's WEB** (США).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal16.com/>
E-mail: sochioo3@rambler.ru

Подписано в печать 15.03.15.
Формат 21 × 29,7/4.
Бумага офсетная.
Печать трафаретная.
Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.
Тираж 500 экз. Заказ № 207.

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» –
Academic Publishing House *Researcher*

© Русский архив, 2015

The Daily Life of Soviet Russia in Biographical Narratives and Documents

CONTENTS

Column by chief editor	4
Articles and Reports	
Information Bulletins of the Political Oversight Organizations as a Source for the Study of Contemporary Folklore (Meteorological Magic of 1920–1930s) Natalya S. Petrova	6
Publications Sources	
“I Live in the Place Where the Troopers Wait, and Alexander Pushkin Is Walking...”: Memories of Vyacheslav Vs. Ivanov and Tatiana M. Nikolaeva about Moscow in 1930–1950s Nikita V. Petrov (Preparation to publication, introduction and commentary)	15
Trans-Don Region in the First Decades of the Soviet Regime: Memoirs of Evdokia Dubinskaya Nina A. Vlaskina (Preparation to publication, introduction and commentary)	27
The Role of Biographical Stories in the Ethnographic Research: The Case of Interview with Fedora Kravchenko Irina A. Kuznetsova (Preparing the material for publication and introduction)	47
The Interview with Anna Yakovlevna Chumakova Svetlana V. Martynova (Preparation to publication, introduction and commentary)	53
Reviews	
Demtchenko, I.N. (comp.). Uninvented Stories Prompted by Human Memory: 30, 40, 50s of the 20 th Century in the Recollections of Children Having Grown Up Long Ago. Yekaterinburg: Autograph, 2013. 200 p. Natalia B. Gramatchikova	64

Column by chief editor**Обращение к читателям**

Вот и прошел еще один год, а вместе с ним перевернута новая страница в истории «Русского архива» – журнала, биография которого насчитывает уже полтора с лишним столетия. На фоне этих полутора веков два года издания возобновленного журнала кажутся совсем незначительным отрезком времени. И всё-таки можно утверждать, что и после возобновления в 2013 г. «Русский архив» постепенно находит свое место казалось бы, в безбрежном море научной периодики. Особенно важным для нас был минувший год, в течение которого не раз возникали обстоятельства, в той или иной степени угрожавшие реализации намеченных планов. Тем не менее большинство из них было выполнено. Опубликованы документальные свидетельства и статьи, рассказывающие о разнообразии и возможностях различных комплексов источников, современных исследовательских методиках их сбора и обработки. География авторов включает Москву, Ростов-на-Дону, Краснодар, Челябинск, Муром, Тель-Авив, Донецк, Сумы. «Русский архив» стал ежеквартальным, выпущены первые специальные (тематические) номера.

Представляя наши планы на 2015 год, не могу не отметить размещения в ближайшем будущем на нашем сайте дореволюционных номеров «Русского архива». Опубликованные в них источники по истории и культуре России XVIII–XIX вв. до сих пор сохраняют свою ценность для исследователей. Но главное внимание, безусловно, будет уделяться введению в научный оборот новых источников и осмыслению методов работы с ними. Поэтому обращаю внимание на расширение состава редакционного совета как общественного органа, определяющего основные принципы и направления нашей редакционной политики. В него включены ведущие специалисты не только из России, но и из других стран – США, Германии, Израиля, Австралии, хорошо знающие состояние корпуса источников по российской истории и представляющие возможности и перспективы развития современного источниковедения. Новые имена появились и в составе редакционной коллегии.

Надеюсь, что эти перемены позволят нам не только выпускать журнал на высоком профессиональном уровне, но и придадут его изданию новые импульсы. По крайней мере, об этом свидетельствует уже данный номер, в который вошли материалы этнографов, этнолингвистов и фольклористов из Москвы, Ростова-на-Дону, Екатеринбурга и Краснодара. Тема номера – повседневность Советской России в биографических нарративах и документах, а ответственным за его выпуск является кандидат филологических наук Н.А. Власкина.

Советское прошлое все явственнее становится уходящей эпохой, память о которой постепенно исчезает вместе с ее носителями. В номере представлены различные материалы, характеризующие советскую повседневность, в том числе и такой ее малоизученный аспект, как народную метеорологию. Информационным сводкам органов политического надзора как источникам изучения представлений о погодных явлениях и магических практик, направленных на управление погодой в интересах человека, посвящена статья Н.С. Петровой. Немало интересных сведений о жизни и быте столичной интеллигенции содержат подготовленные к публикации Н.В. Петровым тексты интервью с известными лингвистами Вячеславом Всеволодовичем Ивановым и Татьяной Михайловной Николаевой, рассказавшими о своем детстве в довоенной Москве. Разительно отличаются от них три последующих материала, подготовленные Н.А. Власкиной, И.А. Кузнецовой и С.В. Мартыновой. Их респонденты – Евдокия Назаровна Дубинская, Федора Федоровна Кравченко и Анна Яковлевна Чумакова – сельские женщины, представляющие совершенно другую социальную группу и обладающие вследствие этого другим социальным и личным опытом. Поэтому их воспоминания отражают совсем иной взгляд на события в стране – и по содержанию, и по форме изложения. Завершает номер рецензия Н.Б. Граматчиковой на книгу воспоминаний и документальных материалов об одном из индустриальных гигантов, построенных в годы первых пятилеток, – Уралмаше и судьбах уралмашевцев. Критический

разбор рецензируемой книги, выявление различных напластований в воспоминаниях, анализ сочетания в них идеологии и семейной истории в полной мере позволяют причислить данную публикацию к работам исследовательского характера.

Раскрывая мозаику советской повседневности сквозь призму ее восприятия непосредственными участниками и очевидцами событий, данный номер в определенной степени перекликается с одним из тематических номеров прошлого года, который был посвящен отражению в воспоминаниях частной жизни советского человека в годы Великой Отечественной войны (2014, № 3). Немало общего и в методике проводившихся полевых исследований, хотя их программы, безусловно, значительно различаются. Именно поэтому материалы данного номера в большей степени насыщены этнографическими сведениями (рассказами о станичном быте, свадебной обрядности и т.п.), отражающими исследовательские приоритеты авторов. Значительно шире и их хронологические рамки, уводящие нас от военного времени к первым советским десятилетиям. Впрочем, ряд материалов выходит за рамки 1920–1930-х гг. Да и отличия, обусловленные хронологией и содержанием разных эпох, оказываются не столь велики: социальная напряженность в «мирные» двадцатые и тридцатые годы порой мало отличалась от экстремальных условий войны вследствие радикального характера происходивших преобразований. Несмотря на все социальные и индивидуальные различия респондентов, тональность их рассказов также достаточно близка: во многих звучит самооправдание прожитой жизни. По словам А.Я. Чумаковой, пережившей немало трагических событий, «это ж моя жизнь, я ее прожила недаром». И это придает дополнительный смысл публикации нарративов как историй о *прожитом* и *пережитом*.

Тематическим будет и следующий номер, посвященный 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Большую его часть составят ранее не публиковавшиеся архивные документы по малоисследованным и дискуссионным аспектам истории Великой Отечественной войны. В третьем и четвертом номерах будут представлены различные в содержательном отношении источники и исследования. Среди готовящихся к публикации материалов, в частности, документы по истории Гражданской войны в Сибири и административно-территориальным преобразованиям в Приазовье в 1920-е гг. Указанные сюжеты широко разрабатываются в современной историографии, и перспективы их дальнейших исследований тесно связаны с возможностями источниковой базы. И еще один важный с точки зрения заявленных направлений нашей деятельности сюжет обязательно найдет место в этом году на страницах журнала – история местных и региональных архивов, проблемы и специфика их работы. Искренне надеюсь на то, что все указанные начинания будут представлять интерес для наших читателей.

Главный редактор «Русского архива»,
д.и.н. **Е.Ф. Кринко**

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
Vol. 7, Is. 1, pp. 6–14, 2015

DOI: 10.13187/ra.2015.7.6
www.ejournal16.com

Articles and Reports

UDC 398.3

Information Bulletins of the Political Oversight Organizations as a Source for the Study of Contemporary Folklore (Meteorological Magic of 1920–1930s)

Natalya S. Petrova

Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies
Russian State University for the Humanities, Russian Federation
Off. 168, 6, Miusskaya Square, GSP-3, Moscow, 125993
E-mail: pena.talya@gmail.com

Abstract

The research is based on the material of the information bulletins of the Communist Party and the VChK-OGPU-NKVD' departments and memoirs of 1920–1930. Texts describing the meteorological magic rites in the Soviet countryside are analyzed. Comparative analysis of these practices and the pre-revolutionary tradition is carried out and changes in connection with the new socio-political context are identified.

Keywords: reports; popular meteorology; Soviet folklore; authority and society.

Информационные сводки партийных органов и органов ВЧК-ОГПУ-НКВД – это долгое время остававшиеся секретными документы о ситуации в стране (о политических настроениях населения, действиях и высказываниях в отношении власти и т.п.), предназначенные для узкого круга высших государственных и партийных чиновников. Массовые по территориальному (от докладов районных осведомителей до республиканских и общесоюзных обзоров) и временному (от ежедневных госинформсводок до ежемесячных и годовых аналитических справок) охвату, эти источники были крайне «малотиражными» – как правило, тексты распространялись лишь в нескольких десятках (а иногда и единицах) экземпляров с грифом «Совершенно секретно».

С 1990-х гг. расширились возможности работы историков в фондах Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации, архивах субъектов Российской Федерации. Открытия (огромный массив структурированных документов о различных аспектах социально-политической жизни в СССР) и сложности (запутанная организация фондов, физическое состояние бумаг), ожидавшие «первооткрывателей», описали участники проекта «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939 гг.» [1]. Подборки информационно-аналитических сводок публиковались как в виде собраний документов по стране в целом [2, 3], так и в формате региональных сборников [4, 5].

К безусловным достоинствам этого исторического источника специалисты относят «огромный объем и дифференцированность информативного материала, поставляемого “наверх” органами политического контроля и расправы» [6]. В то же время немало нареканий со стороны исследователей вызывает, например, то обстоятельство, что данные документы «в основном отражают оценки общественных настроений со стороны соответствующих органов, а не сами эти настроения» [7], а также наличие общей схемы, которая ограничивала круг рассматривавшихся вопросов, и лаконичность языка, способствовавшая формированию повторяющегося набора стереотипных оценок и идеологических клише [8].

Содержится в сводках немало данных, крайне интересных и для фольклористики. Неизбежная в советский период идеологизация науки для исследований «народного творчества» вылилась в избегание пристального рассмотрения тех сторон традиционной культуры, которые не соответствовали «правильному» образу советского народа. В связи с этим, например, «народное православие» или магические практики зачастую игнорировались при собирании и анализе актуального фольклорного материала (см. об этом [9, 10]). При недостатке традиционных фольклорных записей (экспедиционных интервью и т.п.) информационные сводки, детально фиксировавшие многие моменты советской повседневности, в том числе и обрядовые практики или популярные фольклорные сюжеты, выступают в качестве важного альтернативного источника. Продуктивность их использования в фольклористических исследованиях показана в недавних работах: А. Архипова проанализировала советские вариации легенды о царе-избавителе на материале слухов, отмеченных осведомителями как контрреволюционные [11], а М. Мельниченко учел случаи упоминания в сводках политических анекдотов для своего масштабного систематизированного собрания [12].

В данной статье будут рассмотрены содержащиеся в информационных сводках 1920–1930-х гг. описания метеорологических магических практик в советской деревне. Народная метеорология – это совокупность представлений о сущности разнообразных погодных явлений и магических практик (в том числе и религиозных), направленных на управление погодой в интересах человека, т.е. создание благоприятных условий и избегание (реже – насыщение) всяческих бедствий [13].

С точки зрения рационализации сознания и борьбы с суевериями, провозглашенных с приходом советской власти, эта сфера крестьянского быта подлежала серьезной корректировке. Так, например, в резолюции XIII съезда ВКП(б) «О работе в деревне» (1924 г.) отдельно оговаривалось, что «антирелигиозная пропаганда в деревне должна носить характер исключительно материалистического объяснения явлений природы и общественной жизни, с которыми сталкивается крестьянин. Разъяснение происхождения града, дождя, грозы, засухи, появления вредителей, свойств почвы, действия удобрения и т.п. является наилучшим видом антирелигиозной пропаганды» [14]. Пропаганда осуществлялась путем чтения публичных научно-просветительских лекций, распространения брошюр и периодических изданий естественнонаучной направленности.

Журнал «Безбожник у станка» применял, например, такой способ дискриминации ненаучных взглядов, как «вызов»: в качестве конкурса всем желающим предлагалось при помощи молитв, заклинаний и т.п. выполнить некую формулу невозможного – вырастить из ржаного зерна гречиху [15] или вывести цыпленка из печеного яйца [16] (в этом «задании» использована поговорка «из печеного яйца живого цыпленка высидит» [17]). Дошла очередь и до метеорологии:

«Вызов Московского общества безбожников всем служителям культа и верующим. В тот день, когда на карте физической ленинградской обсерватории будет видно, что обширный циклон охватил запад России, крепнет ветер, идя в Ю-В направлении, усиливаются облака, – остановить циклон и заменить его сразу при помощи божественного изволения антициклоном т.-е. хорошей погодой. Способы колдования, молитвословия, заклинания безразличны. Премия – исполнение любого требования выполнившего конкурс» [18].

Щедрость вознаграждения дополнительно подчеркивала принципиальную невыполнимость условий спора. Сами же формулы имеют четкие аналогии в текстах «народной Библии» на сюжет посрамления неверующих путем сотворения чуда. Вспомним,

например, галицийскую колядку о еврее, заявившем, что Христос воскреснет не раньше, чем взлетит и запоет печеный каплун, что тут же и произошло [19], или вариацию этого сюжета в архангельской легенде:

«Он уж как святой, петушок. Когда разбойники вот Иисуса-то Христа распяли, пришли, сели за стол и петуха-то принесли, што как зажарен петух. Вот говорят, што Иисус Христос уйдет с распятия, а один разбойник говорит: «Как это уйдет? Он распятен. Вот петух зажарен, дак куда уйдет?» Говорят, петух вдруг склотыхнулся, захлестал этими вот, крыльями, и скукорекал. Да, жареный, вот из этого света и дорожат петушком-то» [20].

Если в приведенных текстах реализация формулы невозможного служит доказательством религиозного постулата, то в «вызовах» журнала «Безбожник» логика прямо противоположная: невозможность воплотить их в жизнь доказывает правоту атеистов.

Насколько эффективными были все означенные меры борьбы с т.н. «народными» верованиями? Привели ли они к полному отказу крестьян от магических метеорологических практик? И как в целом повлияла разоблачительная и запретительная политика властных элит на восприятие этого явления?

Информационные сводки органов политического надзора свидетельствуют о распространенности различных форм народной метеорологии в советском государстве в первые два десятилетия его существования (и до настоящего времени она является одной из продуктивных форм фольклора). Другие источники подкрепляют зафиксированные в сводках данные: в «письмах во власть», прессе и мемуарах также достаточно широко представлены похожие рассказы о попытках воздействия на погоду (в частности, борьбе с засухой) через молебны, крестные ходы, освящение водоемов и т.п. способы, известные и до революции (см., например, об этом [21]):

[Ростовская область, 1923 г.] «...Была сильная засуха. Хуторяне то и дело обращались к священникам церковей Степановки, Белогоровки и Позднеевки с просьбой отправить общественный молебен [...]. В конце июля приехал из Позднеевки священник со своими певчими и хоругвями, с иконами, и все население хутора вышло в поле. Дошли до ближайшей балки, где была криница. Там после моления стали обливаться друг друга водой» [22].

[Казахстан, 1930-е гг.] «Вспомните, граждане православные, прошлое лето. Долго стояла засуха. Разгневался Бог, не дал дождя. Мы тогда без священника, с богородицей¹ пошли в поле, окропили его святой водой и Бог смилостивился — дождик полил на наши поля» [23].

[Одесская область, 1932 г.] «В колхозе “Красный яр” месяц тому назад явились попы из с. Арбузники [...]. Под влиянием этих же попов две колхозницы святили колодезь и собирали деньги для организации молебна на поле» [24].

Магические принципы, отраженные в приведенных примерах, вполне очевидны и традиционны. Обход полей с иконой и молебном носит охранительный характер и применяется не только в народной метеорологии, но также в случае многих других общественных бедствий [25]. Кропление страдающей от засухи земли святой водой можно трактовать двояко: с одной стороны, это имитативная магия, так как пролитая вода символизирует будущий дождь; с другой стороны, действует христианская апотропейная символика святой воды. Освящение колодца – это воздействие на водную стихию в целом через один наиболее доступный источник, т.е. магия гомеопатическая.

Чтобы выяснить, что нового появляется в метеорологической магии в советское время, сопоставим детали доступных описаний. Возьмем опять же тексты, рассказывающие о действиях во время засухи:

[Рязанский округ, 1930 г.] «В некоторых селениях устраиваются крестные ходы и молебны о дожде (май месяц был очень засушлив, что отразилось на посеве)» [26].

[1924 г.] «Угроза неурожая вызвала сильный рост религиозных настроений. Почти везде крестьяне приглашают попов для устройства молебнов и освящения полей; при этом в ряде губерний отмечается сильное озлобление действиями ячеек РКП и волисполкомов, не

¹ Имеется в виду икона.

дающими разрешения на устройство крестных ходов (Тамбовская губ., Донская обл. и т.д.)» [27].

В первом случае никакого взаимодействия с властью не предполагалось, магические практики совершались по устоявшемуся порядку, во втором же советская администрация выступает в качестве органа, санкционирующего ритуальные действия – дающего разрешение на устройство крестных ходов. Нельзя говорить о каких-то четких хронологических этапах, когда менялась степень «учитывания» новой власти при совершении традиционных действий. Скорее, здесь мы видим разные, но сосуществующие тенденции.

Следующие примеры затрагивает вопрос о том, что именно считалось грехом, за которым следует Божья кара в виде природного бедствия:

[Екатеринославская губерния, 1923 г.] «Духовенство развивает религиозную пропаганду. В Александрийском округе Троицким райисполкомом за незаконное опечатано 8 церквей. После этого выпал сильный град, уничтоживший около 20 тыс. дес. посева. Попы и антисоветский элемент истолковали это как божье наказание, что вызвало тревожное настроение крестьян» [28].

[Северный Кавказ, 1932 г.] «Засуха широко используется к.-р. элементом для а/с и религиозной агитации. В ауле Эрсаконе почетный старик, инспектор по качеству (быв. мулла, за к/р работу арестовывался ОГПУ) Петыжев Эльмурза говорил колхозникам: «Все стали коммунистами, безбожниками и аллах наказал нас, не дает дождей» [29].

[Северный Кавказ, 1932 г.] «В селах Верхний и Нижний Шир-Юрт группа колхозников организовала жертвоприношение, для чего собирались продукты. Та же группа занимается к/р антиколхозной агитацией: “Бог разгневался на колхозников и не дает дождя, если бы не было колхозов, то был бы дождь”» [30].

Разница между данными текстами – в осмыслении понятия греховности и причин, вызвавших божий гнев. Первый пример полностью вписывается в интерпретационный сценарий носителей массовой православной культуры: наказание в виде негативного природного явления, уничтожившего посева, пришло за недостаточное религиозное рвение и за осквернение (закрытие) церкви. Советская антирелигиозная кампания породила немало текстов о том, что разрушители храмов или уничтожители священных предметов карались смертью либо увечьями (см. об этом: [31, 32]). Сам же мотив наказания святотатцев является устойчивым и встречается в различных религиозных и этнических традициях.

Во втором и третьем примерах появляется новое «преступление» против Бога – принадлежность к коммунистам / вступление в колхоз. Понятно, что путем логических построений можно объяснить, какие именно грехи приписываются коммунистам и колхозникам – участие в разрушении церквей, несоблюдение мусульманских или христианских обрядов и т.п., но тем не менее такое умолчание кажется достаточно значимым, превращающим наименования «коммунист» и «колхозник» в синонимы слова «грешник». Представители или даже просто сторонники новой власти противопоставляются верующим, оказываются включенными в оппозицию «свой / чужой».

В ситуации крайнего разочарования в организационной эффективности советской власти в ее адрес звучали угрозы, призывающие «кары небесные» (и оттого метеорологические). Так, во время «продовольственных затруднений» 1932 г. в дальневосточных колхозах, как фиксирует спецсправка секретно-политического отдела ОГПУ СССР, звучали такие антиколхозные высказывания: «Хоть бы гром такой ударил, чтобы провалилась эта власть. Вот бы было хорошо, чтобы эти мерзавцы коммунисты сели бы в лужу, тогда они поменьше ввали» [33].

Идея божьего наказания активных последователей советской власти, воплощающих в жизнь ее мероприятия, входит в комплекс эсхатологических представлений периода коллективизации, когда радикальное изменение социально-экономических условий существования сельского сообщества в тесном взаимодействии с антирелигиозной пропагандой воспринималось многими верующими как крушение привычного мира и начало конца света, советское государство объявлялось царством антихриста, а любые мероприятия власти провозглашались небогоугодными (см. об этом подробнее: [34, 35]).

Анализ имеющихся источников позволяет на материале народной метеорологии говорить о сосуществовании в советской деревне 1920–1930-х гг. нескольких форм взаимодействия (диалога) с властью.

Во-первых, сохраняются традиционные ритуальные практики при игнорировании социополитических изменений и при отсутствии диалога с новой властью (действия совершаются без согласования с администрацией любого уровня):

[Одесская область, 1932 г.] «В колхозе “Призыв Ильича” колхозницы выкопали гроб самоубийцы и полили его водой, а так как на следующий день пошел дождь, то колхозницы стали проводить агитацию религиозного характера» [36].

Д.К. Зеленин объяснял такой способ борьбы с засухой тем, что обливание замещает перенесение трупа во влажное пространство. Земля не принимает нечистого покойника, в то время как вода считается местом обитания всевозможной нечисти – следовательно, заложному покойнику естественно находиться в одном месте с другими демоническими существами. Вода также представляет собой препятствие для душ умерших, следовательно, поместить покойника в воду – значит затруднить ему возможность вернуться и навредить живым. Наконец, поливание как трупов, так и людей – это проявление имитативной магии вызывания дождя [37].

Любопытную замену могилы заложного покойника могилой коммунистов можно найти в рассказе Н. Степ, по уверениям автора, основанном на дневниковых записях ее бабушки о Тамбовщине 1920-х гг.: «В 1925 году я, приехав в Алексеевку из Московской области, пошла на кладбище и обнаружила, что какие-то изуверы залили могилу водой и вбили осиновый кол (от засухи)» [38]. Этот пример вписывается в рассмотренную выше семантическую парадигму *коммунист – грешник – демонический персонаж*, причем описанные действия направлены не только на борьбу с засухой, но также на нейтрализацию «неправильного» покойника, предотвращение его посмертной негативной активности.

Обеспокоенность новой власти устойчивостью традиционных практик выливалась в обличительные статьи, перечисляющие случаи «вопиющего суеверия» и требующие немедленно прекратить это. В журнале «Безбожник у станка», например, порицались «благочестивые кооператоры», которые, прослушав лекцию агронома, послали за священником, чтобы окропить поля [39], или же священник, во время засухи предложивший пронести по полям «Плакующую Богородицу» – «статую женщины из мастики, с короной на голове» [40].

Во-вторых, происходит приспособление традиционных форм к новой общественно-политической ситуации, когда учитывается появление новых властных структур и с ними согласовываются обрядовые действия при сохранении изначальных функций и структуры последних. Это дает «внешнюю видимость» диалога:

[Северный Кавказ, 1934 г.] «Быв. белогвардейцы Демин, Безсонов и Мальцев явились в стан[ичный] совет и просили разрешения устроить молебен “о даровании дождя”» [41].

Наконец, осуществляется трансформация традиционных форм через включение новых реалий в обрядовые тексты (изменение интерпретаций, нетрадиционные действующие лица и т.п.) и активное взаимодействие традиции и власти:

[Северный Кавказ, 1932 г.] «Председатель [колхоза] Дауров (кандидат ВКП(б)) и председатель сельсовета – быв. мулла, на колхозные средства отремонтировали межгет: на следующий день их жены организовали “черный курман”, во время которого председателя сельсовета обливали водой, “чтобы пошел дождь”» [42].

Представитель новой администрации, включенный в имитативный магический обряд, может выступать, с одной стороны, в качестве высокостатусной персоны, воздействие на которую влечет за собой последствия, важные для всего сообщества, с другой – в качестве полудемонического существа, которое необходимо нейтрализовать для восстановления благополучного миропорядка (по аналогии с обрядами, направленными на носителей духовной или светской власти либо на заложных покойников или людей с демоническими свойствами).

[Западная область, 1929 г.] «Близ дер. Семилович Рогнединского рика, Рославльского окр., Западной обл., на поле ходит огненный мяч¹, величиной с футбольный мяч [...].

¹ Вероятно, речь идет о шаровой молнии.

Но меня поражает то, что это случилось не над крестьянской землей, а над артельской землей, где только закончилось землеустройство землемером Греновским. Вот почему это поразило граждан дер. Семилович» [43].

Здесь необычное природное явление (имеющее скорее негативную, чем позитивную окраску) связывают с хозяйственным нововведением – выделением земли сельскохозяйственной артели. Таким образом, совпадение событий во времени служит поводом установить между ними причинно-следственную связь.

В изменении метеорологических обрядов в советское время можно было бы видеть искажение «древней», «исконной» традиции, однако более разумным кажется расценивать нововведения как проявления естественного развития продуктивной фольклорной формы, предполагающего включение в устойчивые модели новых социально-политических реалий.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-00590 «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование»).

Примечания

1. Берелович А., Данилов В. Документы ВЧК-ОГПУ-НКВД о советской деревне (1918–1939 гг.) // Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. Т. 1. 1918–1922 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. С. 7–22.
2. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 1999–2006.
3. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 годы). Т. 1–9 / под ред. Г.Н. Севастьянова. М.: Институт российской истории РАН, 2001–2013.
4. Рязанская деревня в 1929–1930 гг. Хроника головокращения: документы и материалы / отв. ред.-сост. Л. Виола, С.В. Журавлев и др. М.: РОССПЭН, 1998. 749 с.
5. Тренин Б.П. 1936–1937 гг. Конвейер НКВД: Из хроники «большого террора» на томской земле. Томск; М.: Водолей Publishers, 2004. 432 с.
6. Берелович А., Данилов В. Указ. соч. С. 8.
7. Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России в 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН, 2010. С. 27.
8. Калинина Ю.В. Политотделы в системе политического контроля на Балтийском флоте: 1919–1921: автореф. дис... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2007. С. 12–13.
9. Иванова Т.Г. История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 516–539.
10. Архипова А.С., Неклюдов С.Ю. Фольклор и власть в «закрытом обществе» // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 84–108.
11. Архипова А.С. Последний «царь-избавитель»: Советская мифология и фольклор 20–30-х гг. XX в. // Антропологический форум. 2012. № 12. Online. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_arkhipova.pdf (дата обращения: 07.03.2015).
12. Мельниченко М. Советский анекдот (Указатель сюжетов). М.: Новое литературное обозрение, 2014. 1104 с.
13. Толстая С.М. Метеорология // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 248–252.
14. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть I. 1898–1925. Изд. 7-е. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. С. 859.
15. Вызов // Безбожник у станка. 1925. № 1. С. 30.
16. Вызов // Безбожник у станка. 1925. № 4. С. 27.
17. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1. С. 213.
18. Вызов // Безбожник у станка. 1925. № 6. С. 14.
19. Костомаров М.И. Слов'янська міфологія / упоряд., приміт. І.П. Бетко, А.М. Полотай. К.: Либідь, 1994. С. 105.
20. У истоков мира. Русские этиологические сказки и легенды / сост. и коммент. О.В. Беловой и Г.И. Кабаковой. М.: Форум; Неолит, 2014. С. 179.
21. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Полисет, 1994. С. 187–207.

22. Давиденко Г.С. Политически неблагонадежный (автобиографическая повесть) / публикация Н. Орленко // Сахаровский центр. URL: <http://www.sakharov-center.ru/museum/library/unpublished/?t=davidenko> (дата обращения 15.01.2015).
23. Викторенко И.С. Страшные годы // Эхо массовых политических репрессий: Судьбы людские / сост. В.М. Гринев, Т.В. Гринева. Астана: Ассоц. жертв незакон. репрессий г. Астана и Акмол. обл., 2005. С. 163.
24. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т. 3. Ч. 2. 1932–1934... М.: РОССПЭН, 2005. С. 578.
25. Толстой Н.И., Толстая С.М. Заметки по славянскому язычеству. 2. Вызывание дождя в Полесье // Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1978. С. 98.
26. Рязанская деревня в 1929–1930 гг... С. 561.
27. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т. 2. 1923–1929... М.: РОССПЭН, 2000. С. 204–205.
28. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т. 2. С. 121–122.
29. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т. 3. Ч. 2. С. 577.
30. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т. 3. Ч. 2. С. 579.
31. Мороз А.Б. Устная история русской церкви в советский период (народные предания о разрушении церквей) // Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. 2000. Вып. 6. С. 177–185.
32. Штырков С.А. Рассказы об осквернении святынь // Традиционный фольклор Новгородской области: пословицы и поговорки, загадки, приметы и поверья, дет. фольклор, эсхатология: по записям 1963–2002 гг. СПб.: Тропа Троянова, 2006. Вып. 3. С. 208–230.
33. Голод в СССР. 1929–1934. Т. 1: 1929 – июль 1932: в 2 кн. / отв. сост. В.В. Кондрашин. Кн. 2. М.: МФД, 2011. Док. 507. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1017509> (дата обращения 04.02.2015).
34. Бессонов И.А. Слухи и толки времен коллективизации и раскулачивания // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 3. С. 23–25.
35. Петрова Н.С. Сезонная активность антихриста (Эсхатологические настроения в Рязанском округе в 1929–1930-м гг.) // Фольклористика. Антропология. Социоллингвистика: сб. тезисов конференции студентов и аспирантов (22–24 марта 2012 г.). СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2012. С. 74–77. URL: http://www.eu.spb.ru/images/et_dep/conf/tezisy_fa_22-24.03.2012.pdf (дата обращения 15.01.2015).
36. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т.3. Ч. 2. С. 578.
37. Зеленин Д.К. Обливание могил заложных водою // Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественною смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. С. 112–114.
38. Степ Н. Подкова. URL: <http://www.proza.ru/2013/05/09/87> (дата обращения 03.02.2015).
39. Зритель. Благочестивые кооператоры // Безбожник у станка. 1925. № 2. С. 29.
40. Савонин А. Плакущая богородица // Безбожник. 1924. С. 23.
41. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т.3. Ч. 2. С. 577.
42. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т. 3. Ч. 2. С. 579.
43. Тепцов Н.В. В дни великого перелома. История коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) по письмам и воспоминаниям. 1929–1930 годы. М.: Звонница, 2002. С. 99.

References

1. Berelovich A., Danilov V. Dokumenty VChK-OGPU-NKVD o sovetskoy derevne (1918–1939 gg.) // Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy. Т. 1. 1918–1922 / pod red. A. Berelovicha, V. Danilova. М.: ROSSPEN, 2000. S. 7–22.
2. Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy: v 5 t. / pod red. V. Danilova, R. Manning, L. Violy. М.: ROSSPEN, 1999–2006.
3. “Sovershenno sekretno”: Lubyanka — Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gody). Т. 1–9 / pod red. G.N. Sevast’yanova. М.: Institut rossiyskoy istorii RAN, 2001–2013.
4. Ryazanskaya derevnya v 1929–1930 gg. Khronika golovokruzheniya: dokumenty i materialy / otv. red.-sost. L. Viola, S.V. Zhuravlev i dr. М.: ROSSPEN, 1998. 749 s.
5. Trenin B.P. 1936–1937 gg. Konveyer NKVD: Iz khroniki “bol’shogo terror” na tomskoy zemle. Tomsk; М.: Vodoley Publishers, 2004. 432 s.
6. Berelovich A., Danilov V. Ukaz. soch. S. 8.
7. Livshin A.Ya. Nastroeniya i politicheskie emotsii v Sovetskoy Rossii v 1917–1932 gg. М.: ROSSPEN, 2010. S. 27.
8. Kalinina Yu.V. Politotdely v sisteme politicheskogo kontrolya na Baltiyskom flote: 1919–1921: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. SPb.: Sankt-Peterburgskiy institut istorii RAN, 2007. S. 12–13.

9. Ivanova T.G. Istoriya russkoy fol'kloristiki 20 veka: 1900 – pervaya polovina 1941 g. SPb.: Dmitriy Bulanin, 2009. S. 516–539.
10. Arkhipova A.S., Neklyudov S.Yu. Fol'klor i vlast' v "zakrytom obshchestve" // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2010. № 101. S. 84–108.
11. Arkhipova A.S. Posledniy "tsar'-izbavitel'": Sovetskaya mifologiya i fol'klor 20–30-kh gg. XX v. // *Antropologicheskii forum*. 2012. № 12. Online. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_arkhipova.pdf (data obrashcheniya 07.03.2015).
12. Mel'nichenko M. *Sovetskii anekdot (Ukazatel' syuzhetov)*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 1104 s.
13. Tolstaya S.M. *Meteorologiya // Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t. T. 3. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2004. S. 248–252.
14. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuzha v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TsK. Chast' I. 1898–1925. Izd. 7-e. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury*, 1953. S. 859.
15. *Vyzov // Bezbozhnik u stanka. 1925. № 1. S. 30.*
16. *Vyzov // Bezbozhnik u stanka. 1925. № 4. S. 27.*
17. Dal' V.I. *Poslovitsy russkogo naroda*. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1989. T. 1. S. 213.
18. *Vyzov // Bezbozhnik u stanka. 1925. № 6. S. 14.*
19. Kostomarov M.I. *Slov'yans'ka mifologiya / uporyad., primit. I.P. Betko, A.M. Polotay. K.: Libid'*, 1994. S. 105.
20. *U istokov mira. Russkie etnologicheskie skazki i legendy / sost. i komment. O.V. Belovoy i G.I. Kabakovoy. M.: Forum; Neolit*, 2014. S. 179.
21. Maksimov S.V. *Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila*. SPb: Poliset, 1994. S. 187–207.
22. Davidenko G.S. *Politicheski neblagonadezhnyy (avtobiograficheskaya povest') / publikatsiya N. Orlenko // Sakharovskiy tsentr*. URL: <http://www.sakharov-center.ru/museum/library/unpublished/?t=davidenko> (data obrashcheniya 15.01.2015).
23. Viktorenko I.S. *Strashnye gody // Ekho massovykh politicheskikh repressiy: Sud'by lyudskie / sost. V.M. Grinev, T.V. Grineva. Astana: Assots. zhertv nezakon. repressiy g. Astana i Akmol. obl., 2005. S. 163.*
24. *Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD... T. 3. Ch. 2. 1932–1934... M.: ROSSPEN, 2005. S. 578.*
25. Tolstoy N.I., Tolstaya S.M. *Zametki po slavyanskomu yazychestvu. 2. Vyzyvanie dozhdya v Poles'e // Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. M.: Nauka*, 1978. S. 98.
26. *Ryazanskaya derevnya v 1929–1930 gg... S. 561.*
27. *Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD... T. 2. 1923–1929... M.: ROSSPEN, 2000. S. 204–205.*
28. *Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD... T. 2. S. 121–122.*
29. *Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD... T. 3. Ch. 2. S. 577.*
30. *Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD... T. 3. Ch. 2. S. 579.*
31. Moroz A.B. *Ustnaya istoriya russkoy tserkvi v sovetskiiy period (narodnye predaniya o razrushenii tserkvey) // Uchenye zapiski Rossiyskogo pravoslavnogo universiteta ap. Ioanna Bogoslova. 2000. Vyp. 6. S. 177–185.*
32. Shtyrkov S.A. *Rasskazy ob oskvernenii svyatyn' // Traditsionnyy fol'klor Novgorodskoy oblasti: poslovitsy i pogovorki, zagadki, primety i pover'ya, det. fol'klor, eskhatologiya: po zapisyam 1963–2002 gg. SPb.: Tropa Troyanova, 2006. Vyp. 3. S. 208–230.*
33. *Golod v SSSR. 1929–1934. T. 1: 1929 – iyul' 1932: v 2 kn. / otv. sost. V.V. Kondrashin. Kn. 2. M.: MFD, 2011. Dok. 507. URL: http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1017509* (data obrashcheniya 04.02.2015).
34. Bessonov I.A. *Slukhi i tolki vremen kollektivizatsii i raskulachivaniya // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2009. № 3. S. 23–25.*
35. Petrova N.S. *Sezonnaya aktivnost' antikhrista (Eskhatologicheskie nastroyeniya v Ryazanskom okruge v 1929–1930-m gg.) // Fol'kloristika. Antropologiya. Sotsiolingvistika: sb. tezisov konferentsii studentov i aspirantov (22–24 marta 2012 g.). SPb.: Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge, 2012. S. 74–77. URL: http://www.eu.spb.ru/images/et_dep/conf/tezisy_fa_22-24.03.2012.pdf* (data obrashcheniya 15.01.2015).
36. *Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD... T.3. Ch. 2. S. 578.*
37. Zelenin D.K. *Oblivan'e mogil zalozhnykh vodoyu // Zelenin D.K. Izbrannye trudy. Ocherki russkoy mifologii: umershie neestestvennoyu smert'yu i rusalki. M.: Indrik, 1995. S. 112–114.*
38. Step N. Podkova. URL: <http://www.proza.ru/2013/05/09/87> (data obrashcheniya 03.02.2015).
39. *Zritel'. Blagochestivye kooperatory // Bezbozhnik u stanka. 1925. № 2. S. 29.*
40. Savonin A. *Plakushchaya bogoroditsa // Bezbozhnik. 1924. S. 23.*

41. Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD... Т.3. Ch. 2. S. 577.
42. Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD... Т. 3. Ch. 2. S. 579.
43. Teptsov N.V. V dni velikogo pereloma. Istoriya kollektivizatsii, raskulachivaniya i krest'yanskoy ssylki v Rossii (SSSR) po pis'mam i vospominaniyam. 1929–1930 gody. M.: Zvonitsa, 2002. S. 99.

УДК 398.3

**Информационные сводки органов политического надзора
как источник для изучения актуального фольклора
(на примере метеорологической магии 1920–1930-х гг.)**

Наталья Сергеевна Петрова

Центр типологии и семиотики фольклора
Российского государственного гуманитарного
университета, Российская Федерация
125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, 6, каб. 168
E-mail: pena.talya@gmail.com

Аннотация. В статье на материале информационных сводок партийных органов и ВЧК-ОГПУ-НКВД и мемуаров 1920–1930-х гг. рассматриваются тексты, содержащие описания обрядов метеорологической магии (совершаемых с целью воздействия на погоду) в советской деревне. Проводится сравнительный анализ данных практик и дореволюционной традиции и выявляются изменения, произошедшие в связи со сменой социополитического контекста.

Ключевые слова: сводки; народная метеорология; советский фольклор; власть и общество.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
Vol. 7, Is. 1, pp. 15–26, 2015

DOI: 10.13187/ra.2015.7.15
www.ejournal16.com

Publication of Sources

UDC 929/908

“I Live in the Place Where the Troopers Wait, and Alexander Pushkin Is Walking...”: Memories of Vyacheslav Vs. Ivanov and Tatiana M. Nikolaeva about Moscow in 1930–1950s

Preparing the material for publication, introduction, and commentary
Nikita V. Petrov

Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies
Russian State University for the Humanities, Russian Federation
Off. 168, 6, Miusskaya Square, GSP-3, Moscow, 125993
PhD (Philology)
E-mail: nik.vik.petrov@gmail.com

Abstract

The interview with Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov and with Tatiana Mikhaylovna Nikolaeva was dedicated to their private life during 1930–1950s, their pre-military childhood and the everyday life of postwar Moscow. Elements of old Moscow’s architectural images and some urban legends are mentioned in the interview. Memoirs contain an unofficial oral version of Soviet history.

Keywords: Vyach.Vs. Ivanov; T.M. Nikolaeva; childhood; old Moscow; urban folklore; oral history; everyday life; 1930s; 1940s; 1950s.

Интервью с Вячеславом Всеволодовичем Ивановым и Татьяной Михайловной Николаевой проводилось 17 июня 2014 г. в Москве в Институте славяноведения РАН. Продолжительность составила 45 минут. Интервьюер – Н.В. Петров (при участии О.В. Беловой), расшифровка, подготовка комментариев и вступительное слово Н.В. Петрова. Вопросы интервьюеров выделены полужирным шрифтом. Интервью публикуются с сохранением авторского стиля повествования, текст дается в дословной расшифровке аудио; там, где это необходимо, в квадратных скобках вставляются поясняющие слова и выражения. Смысловые акценты выделяются курсивом. Интервью подготовлено к публикации в рамках серии проектов по изучению устной истории, фольклорных нарративов и практик современного мегаполиса (участники – О.В. Белова, А.Б. Мороз, Н.В. Петров). Мы задавали, во-первых, вопросы, связанные с воспоминаниями детства, которые неотделимы от эпохи 1930–1950-х гг. и от быта старой Москвы; во-вторых, вопросы о фольклорных сюжетах, имевших хождение в то же время¹.

¹ Из замечательных текстов о Москве 1930-х гг. («Мифология» Москвы 1930-х гг.) особенный интерес представляют выдержки из воспоминаний В.Н. Топорова 1988 г. [1].

Описания окружающего пространства в этом двучастном интервью разнятся. Различаются воспоминания многими деталями, но сходны в одном: память о прошлом воспроизводится через пространство, через детские прогулки, взгляд ребенка. Огромный ботанический сад – маленькому мальчику всё кажется большим. Сосисочная в Безбожном переулке и французская гувернантка, покупавшая и тут же съедавшая сырые сосиски – это не вяжется с образом культурной дамы из Франции, православная няня, ведущая мальчика в церковь в пасхальное время, иллюминация улиц перед выставками достижений народного хозяйства на площадях. Незавершенное строительство Дворца Советов осмысливается через роман Уэллса «Война миров», по улицам ходит отголосок старой Москвы – юродивый Витюша. Это старая Москва в воспоминаниях Вяч.Вс. Иванова.

Детство Татьяны Михайловны Николаевой проходило в районе Киевского вокзала, где она жила с родителями сразу после переезда из Ленинграда. Отсюда противопоставление двух районов, двух миров: европейского Петербурга, где друг другу можно звонить и приходить в гости очень поздно, и старой провинциальной Москвы. Один мир – это огромные ЦКовские дома, где есть *квартиры*, другой мир – буквально через дорогу – мир бараков, где есть *комнаты*. Позвать в гости соученицу, которая не знает, что такое квартира, не представляется возможным. Татьяна Михайловна помнит, как подчищали историю – когда меняли таблички на Бородинском мосту: героями войны 1812 г. становились старостиха Василиса, крестьянин Тихон. Пространство в воспоминаниях Татьяны Михайловны предстает как своего рода хроника-экскурсия: это и прогулки с отцом по военной Москве, где всё небо в дирижаблях, это и картинки богатой трофейной жизни послевоенной Москвы – благополучие, которое потом лопается, как воздушный шарик. Отдельная линия воспоминаний Татьяны Михайловны – это Москва Пушкина, где «стоит на улице извозчик», где церковь, в которой он венчался.

1.

Вячеслав Всеволодович Иванов (род. 21 августа 1929 г., Москва) – лингвист, семиотик, антрополог. Исследования Вяч.Вс. Иванова посвящены исторической и сравнительной лингвистике, психолингвистике, семиотике, математической лингвистике, литературоведению, истории культуры, антропологии. Вяч.Вс. Иванов – действительный член нескольких академий, директор Института истории мировой культуры МГУ и Русской антропологической школы РГГУ, профессор Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе (UCLA).

Я понимаю, что вас интересует очень старая Москва.

Не очень старая. Вы говорили о пространственной памяти.

Ранние воспоминания мои связаны с избой, в которой я жил с моим отцом и всей его семьей. Это воспоминания, начиная с самых ранних. Я родился в 1929 году, значит, я помню что-нибудь с 1930–1931 года. Изба стояла на Старой Мещанской, и там было тогда много изб. Почему-то потом в избе помещалось издательство, которое много издавало мемуаров, потом закрылось. Но это было с левой стороны, а мы жили близко к Безбожному переулку¹ – переулку¹ – к Ботаническому саду... старому². Значит, я помню вот хорошо нашу избу. Наша изба была настоящая деревенская изба, которую купил мой отец (у него были деньги за постановку «Бронепоезда» во МХАТе). Он купил эту избу, там разместилась его огромная библиотека, и вот сравнительно большая наша семья... Мы там жили, наверное, до 1934 года, когда там началась реконструкция и, я думаю, всю эту часть снесли, в частности эти избы. Гуляли мы с братом с гувернанткой-французенкой в старый Ботанический сад, который мы именовали *jardin botanique*, – это были занятия французским языком. Физически что я помню? Я помню тот район, где были избы и вообще старые дома, старый Ботанический сад, который тогда казался огромным. Всякие экзотические растения, вроде [нрзб.], огромные эти листья – всё было в очень хорошем состоянии. Много людей туда ходило – хорошее место для прогулок было. Абсолютно не помню саму улицу, вот кроме

¹ Безбожный переулок (1924–1992 гг.), до 1924 г. и после 1992 г. – Протопоповский переулок в Центральном административном округе.

² Аптекарский огород на проспекте Мира – филиал Ботанического сада Московского университета.

Ботанического сада, только помню, что в Безбожном была сосисочная, где продавали сосиски. И наша гувернантка родом из Эльзаса покупала эти сосиски и ела их сырыми. Я помню, было потрясающее впечатление от ее малокультурности при том, что она нас обучала французскому языку. Вот это самое раннее воспоминание. В 1934 году, когда сносили это место в Москве... И вот что я помню этого же времени, я помню праздники: октябрьские, майские – может быть. Нас возили по городу с иллюминацией. Была огромная иллюминация – начало сталинского времени – первая пятилетка. Огромное количество таких вот декораций. Машинная реклама тогдашней техники на всех улицах, улицы хорошо освещенные. Иллюминация плюс выставка достижений народного хозяйства – на всех больших площадях – вот это я хорошо помню. Я не помню даже улиц, но помню, что это производило впечатление – гигантская реклама тогдашнего успеха хозяйства.

Вот, а потом это место сносят, и мы переезжаем на улицу, которая тогда уже была улицей Фурманова – старый Нащокинский переулоч¹. Там Дом писателей – какая-то часть его сохранилась. Я однажды видел документальный фильм, где такая искусствоведка Женя... Евгения Львова² – специалистка по болгарскому искусству. Она живет в какой-то части флигеля или где-то, что не снесено. Вообще весь дом снесен. Это дом, который был построен для писателей – кооперативный, то есть они платили за это. Это потом государство стало давать важным писателям [квартиры] – об этом я еще скажу. Это был такой довольно скучный [период] – строительство тридцатых годов – такое нудное строительство тридцатых годов. Не очень прочное. Нас вселили... Значит, сносили вот эту часть квартала в Безбожном переулке, и нужно было срочно переехать, поэтому нас вселили в уже законченный дом, и там была пристройка – над какими-то этажами пристроен еще один или два этажа. У отца огромная библиотека, он всё перевез, и просел пол под его книгами. И пришлось целый грузовик книг... Он подобрал книги по истории партии, потом очень жалел, он не думал, что это все запретят скоро – и он думал, что это вся текущая литература, которую можно про... Нашим соседом был писатель Маркиш³ – потом расстрелянный член антифашистского еврейского комитета – поэт хороший, его жена дружила с моей мамой. Где-то близко к нам жил Мандельштам, на втором этаже, по-моему, дали квартиру Андрею Белому (он умер в этот момент). Можно точно сказать, когда дом вступил в строй – это было начало тридцать четвертого года. В этом году вышел... «Мастерство Гоголя» Белого – уже посмертное издание. Он умер где-то зимой. Можно посмотреть по Мандельштаму – у него цикл стихов «Памяти Белого», вот это, я думаю, январь тридцать четвертого года. Я думаю, что это время, когда точно можно датировать мой переезд. Значит, мне примерно четыре с половиной года.

¹ Название присвоено по фамилии капитана Нащокина, одного из местных домовладельцев XVIII в. В 1933–1993 гг. переулоч назывался улица Фурманова в память о советском писателе Дмитрие Андреевиче Фурманове (1891–1926). В 1919 г. он был комиссаром 25-й дивизии, которой командовал В.И. Чапаев. В 1923 г. опубликовал роман «Чапаев», на основе которого был создан известный одноименный кинофильм.

² Евгения Петровна Львова – культуролог, специалист по искусству Болгарии, автор книги «Люди и образы старой Москвы» [2]. См. воспоминания Е.П. Львовой, где она рассказывает о доме Фурманова: «Однажды – это было в 1932 году – папа пришел вместе со мной в этот дом. Когда мы поднялись на первую площадку, то увидели спускавшегося к нам навстречу улыбающегося человека небольшого роста с орденом Красного Знамени на груди. Это был известный венгерский писатель Матэ Залка, который являлся председателем писательского кооператива. Он-то и помог нам вселиться, хотя почти все квартиры были уже распределены. Так мы стали жить в доме писателей в окружении совершенно необыкновенных людей. Смотрите сами – здесь жили: семья Михаила Булгакова, Мандельштам, Платонов, Ильф и Петров, Всеволод Иванов, Юрий Олеша, Файко, Михалков, Фурманов, Архангельский, Ардов, Нагибин... В этом доме мы прожили по 1964 год, и это были самые интересные годы» [3].

³ Перец Давидович Маркиш (1895–1952) – советский поэт и писатель, писавший на идише. Маркиш входил в руководство Союза писателей СССР, был избран руководителем Еврейской секции Союза писателей, в 1939 г. был награжден Орденом Ленина. В ночь с 27 на 28 января 1949 г. он был арестован как член президиума Еврейского антифашистского комитета. После пыток, истязаний и тайного суда 12 августа 1952 г. он был расстрелян.

Я помню этот Нащокинский. Мы гуляли и бегали с друзьями, детьми и так далее на Гоголевский бульвар – к памятнику Гоголю, тот старый памятник, который потом поставили¹. Наше место... интересно, что у Андрея Белого в «Котике Летаеве» описано то же место – именно как его воспоминания детства². По-видимому, это какое-то специфическое место для детей. Вот гуляли в районе арбатских переулков. То, что я читал у Белого, очень похоже на мои ранние воспоминания. Оттуда мы всей компанией двигались в Дом ученых³, в Доме ученых нас обучали чему-то... Наверное, какой-то вид спорта, какое-то было интересное слово, какой-то гимнастике нас обучали – это была детвора соседних домов. То есть мое детство – это вот Гоголевский бульвар. От Нащокинской улицы (Фурманова) до...

Я помню, конечно, какие-то дома, куда меня возили мои родители, но... это неинтересно, потому что я не помню, как они выглядели – зрительно, сами эти дома. То, что я вам рассказываю, это часть Москвы, которую я помню. Дальше мои хождения и бег, к которому я был склонен, кончаются, меня укладывают на два года неподвижно лежать, еще два года я должен ходить на костылях, то есть я хожу только вокруг дома – а дом новый. Значит, мы в Нащокинском в эпоху моей болезни не живем, мы живем в новом доме – это Лаврушинский [переулок]. Там дом остался, на нем случайным образом одна только мемориальная доска Юзовского⁴, на самом деле, там жили все вообще великие люди: и Федин, и Пастернак, и многие другие⁵. Дом был кооперативный – за него требовались большие деньги, но когда Пастернак внезапно понял, что ему нужна квартира, оказалось, что в этот момент отменили денежные взносы, и просто квартиры раздали писателям. Ну, значит, этот район Москвы я помню очень хорошо, но он, вы знаете, очень мало изменился. Третьяковка там была, сейчас ее собираются достраивать – все эти домики на Набережной были и пока остались, слава Богу. Ну построили только это гигантское Министерство это, атомное которое⁶, в Большом Толмачевском [переулке], рядом с нашим домом. Наш дом тоже образец довольно плохой архитектуры.

Я ходил в школу в Кадашевском переулке, рядом... Ну это старое Замоскворечье. С отцом вместе я там много гулял, и отец любил как раз старую Москву. Он меня водил – ему очень нравился Китай-город. Это я помню – прогулки с отцом, это какой-нибудь... сороковой [год], наверное, – мне одиннадцать лет. Китай-город был очень интересный, [в то время] там уже начинаются какие-то реконструкции, что-то сносят, но все-таки это старый вот этот, старомосковский район, производивший впечатление тем, что это подлинная старина. Вот, пожалуй, основные точки, которые я помню в то довоенное время, а потом, после эвакуации, я возвращаюсь в полупустую Москву сорок третьего года. В нашем районе много разрушений. Разрушили телевизионный узел на Ордынке, попала бомба в наш Лаврушинский дом тоже. Значит, что-то застроено – Москва полупустая.

Ну, пожалуй, интересная часть, которую я могу вспомнить, это несостоявшееся строительство Дворца Советов⁷.

¹ Памятник Н.В. Гоголю скульптора Н. Андреева и архитектора Ф. Шехтеля, установленный на Гоголевском (Пречистенском) бульваре к 100-летию юбилею писателя в 1909 г. В 1952 г. (годовщина смерти Гоголя) на его месте установили новый памятник скульптора Н. Томского, архитектора Л. Голубовского. Первый памятник ныне установлен во дворе Дома-музея Гоголя на Никитском бульваре.

² См. об этом в «Котике Летаеве»: «Каждый день мы идем: на Пречистенский бульвар погулять (на Смоленский бульвар мы не ходим: там дурно воспитаны дети)...» [4].

³ Центральный дом ученых Российской академии наук основан в 1922 г., расположен в доме № 16 на Пречистенке.

⁴ Юзеф Юзовский (1902–1964) – литературовед и театральный критик.

⁵ В Доме писателей в Лаврушинском переулке жили А. Барто, И. Ильф, Е. Петров, Ю. Олеша, А. Макаренко, М. Пришвин, К. Паустовский, В. Катаев и др.

⁶ Госкорпорация «Росатом».

⁷ Дворец Советов – неосуществленный грандиозный строительный проект советского правительства в Москве. Работа над ним велась в 1930–1950-е гг. (в том числе строительство до 1941 г.). Дворец Советов должен был стать кульминацией высотного строительства СССР (самым высоким зданием в мире), девятой, центральной и главной московской сталинской высоткой. В 1958–1960 гг. в фундаменте Дворца Советов был создан самый большой в мире открытый зимний плавательный

Расскажите подробнее.

Я это помню всегда окруженное заборами здание. Знаете, мне казалось... Я тогда увлекался фантастикой – Уэллс «Война миров», как марсиане прилетели в Англию и их огромные корабли стоят – вот впечатление у меня было такое, что это огромные какие-то сооружения, вот эти экскаваторы и что-то в этом роде, поставлены там. И никаких работ. Это обведено все заборами, строгая охрана, то есть проникнуть туда мы не могли, но я интересовался и бегал вокруг и смотрел, да. Ну большой очень район, который потом превратили в водный стадион, много [лет] спустя. Вот это было такое очень страшное ощущение.

Рис. 1. Проект Дворца советов [5]

И эту часть Москвы я хорошо знаю, там жила одна из моих соучениц по университету, поэтому я там часто бывал. У той церкви, рядом с которой, знаете, вот Нормандия-Неман – вот этот дом памяти¹, где жил Фальк, красный дом на набережной². Там что-то относилось к Академии наук, я помню, что приходил в этот дом. Академик Струве³ что-то привозил нам из Ташкента, то есть это начало реэвакуации, он приехал из эвакуированных. Но вот, значит, вот этот район, этот квартал, а дом Фалька, вот красный дом, выходящий, ну, вы понимаете, это теперешний район храма Христа Спасителя. Вот это как-то относилось к Академии наук, я это помню место.

бассейн «Москва». После распада СССР, в 1990-е гг., бассейн был закрыт, а на его месте построен храм Христа Спасителя, визуально повторяющий взорванный старый.

¹ Дом № 29 на Пречистенской набережной – бывший особняк мецената И. Цветкова (1899–1909), построенный по эскизам В. Васнецова, затем художественный музей и Отдел рисунков Третьяковской галереи (1909–1942). Во время войны в доме располагалась Французская военная миссия. На стене здания установлена мемориальная доска в честь летчиков французской добровольческой эскадрильи «Нормандия-Неман», в 1943–1945 гг. воевавших совместно с советскими вооруженными силами.

² Дом № 1 на углу Соймаковского проезда и Пречистенской набережной построен в 1905–1907 гг. (архитекторы Н. Жуков, Б. Шнауберт) – «Дом Перцовой», бывший доходный дом. С 1908 по 1910 гг. в подвале здания располагалось кабаре «Летучая мышь». С 1939 г. в доме находилась мастерская художника Р. Фалька (1886–1958).

³ В.В. Струве (1889–1965) – советский востоковед (египтолог и ассириолог).

Ну что, я помню старые церкви, я помню одну из первых открывшихся «Всех скорбящих радости» около нашего дома на Лаврушинском¹. Наша няня – Маруся – верующая. Она нас повела на первую Пасху – это сорок четвертый год, Пасха сорок четвертого года, если не сорок третьего. Может быть, и сорок третьего. Когда открыто, и когда было очень большое празднование. В Москве вообще очень мало жителей, и очень густая толпа, очень много людей. Там я бывал потом много раз – замечательная церковь. Там я знал и настоятеля, такой был... тогдашний большой человек в церкви, о нем воспоминания Ардова² – он ему помог, так что о нем очень много...

Это Старая Ордынка, где жила Ахматова, в доме у Ардовых. Ордынка – старое место, всё тогда сохранялось, как было. Дом, где потом жил Никита Толстой³, где почта находилась, ну это комплекс, который Щусев отчасти строил. Вот это то место, где я действительно много гулял и много бывал в том время. Пожалуй, что все...

Знаете ли вы про Брюсову башню?

Нет. По поводу фольклора я могу сказать вам вот что... Когда я уже на костылях, но ходил по окрестным переулкам, у нас было большое развлечение – появлялся... Витюша что ли его звали – районный юродивый. Это был страшный шум, гвалт – все мальчишки дворовые бежали впереди, а он шумел, обращаясь к ним, что-то совсем смешное говорил, совсем такую заумь болтал, но они страшно радовались. Был крик невероятный – это было целое событие. Вот это я чувствовал, действительно, старую Москву и старую Россию даже. Тогда это допускалось. Вообще ведь из Москвы вычищали постепенно всех нищих и так далее. Но этот юродивый постоянно появлялся в наших переулках. Пожалуй, из фольклора я помню в основном его.

2.

Татьяна Михайловна Николаева (род. 19 сентября 1933 г., Ленинград) – российский лингвист. Ведущий специалист в области славистики, акцентологии и теории интонации, языковых контактов. Многие ее работы посвящены общим проблемам лингвистики и семиотики, литературоведению и др. Т.М. Николаева – профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Если Вячеславу Всеволодовичу 85 лет будет сейчас, мне 80. Поэтому у меня немножко другие воспоминания. Моя семья, родители, переехали из Ленинграда, где я родилась, в тридцать шестом году, мне было почти три года. Моему отцу предложили кафедру в Первом медицинском институте, он согласился. А тогда был массовый исход интеллигенции из Ленинграда после убийства Кирова⁴. И он... семья наша охотно переехала в Москву. Первые впечатления – это я рассказываю не случайно, когда мы жили на площади Киевского вокзала, дом этот стоит до сих пор – он конструктивистский, сделан в форме корабля, вы, наверное, видели сто раз, наверху такое... Мы жили на восьмом этаже – солярий, куда раньше можно было ходить, читать, загорать, играть даже в волейбол, что мне кажется ужасно. И когда мама моя вошла в квартиру, которую нам предложили, ее первые

¹ Храм иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» (Спаса Преображения), расположенный по адресу ул. Большая Ордынка, 20, был открыт для богослужений в 1948 г.

² Вероятно, имеется в виду протоиерей Константин Егоров (1899–1981), с 1954 по 1981 гг. служивший в храме иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». См. об этом [6]. М.В. Ардов (сын писателя В. Ардова и актрисы Н. Ольшевской) в 1967–1980 гг. служил иподиаконом в храме иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость».

³ Н.И. Толстой (1923–1996) – филолог-славист, фольклорист, академик РАН, инициатор создания словаря «Славянские древности» [7].

⁴ Убийство С.М. Кирова произошло в Ленинграде 1 декабря 1934 г., оно инициировало волну политических арестов. В день, когда Киров был убит, правительство СССР отреагировало на событие официальным сообщением об убийстве Кирова. В нем говорилось о необходимости «окончательного искоренения всех врагов рабочего класса». В тот же день было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик». Это постановление стало основным документом, направлявшим действия государственных карательных органов.

слова были... петербургские: «А где ж здесь квартира?» Потому что там были огромные квартиры, но и здесь была квартира почти из пяти комнат.

Кругом нас была такая своеобразная ситуация. Где сейчас гостиница «Украина» – это были бараки. Сплошные бараки, ну, как сказать, нищенские. Дальше было так: от Киевского вокзала, где было всё – ходили пароходики, поезда гудели, трамваи пересекали площадь, троллейбусы, автобусы, поезда дальнего следования, электрички – все это было. И когда мой муж (когда я вышла замуж) ко мне переехал, а он был житель Чистых прудов, мы оба из центра мегаполиса, он был потрясен, как мы живем в этом шумовом аду Киевского вокзала. Ну дальше было так: кругом были маленькие домишки вплоть до Дорогомиловской заставы. И Дорогомилово было таким блатным хулиганским районом, поэтому я с раннего детства наслушалась и песен блатных, и выражений, и прочего. Но дальше за Дорогомиловским... там я училась в школе... Как двуликий Янус: то, что было лицом к вокзалу (если вы представляете), – это жалкие нищие домишки, сейчас там ничего нет. А дальше начинались ЦКовские дома¹, великолепные по тем временам – тридцатые годы, ЦКовские, генеральские и актерские. Поэтому вот [были те], кто жил по одну сторону, и [те, кто по] другую. Когда я пошла в школу... Я не знаю, с чего начать. Ну детство раннее я не очень помню, пошла в школу, то кругом меня были девочки из бараков, и моя мама, которая очень хотела моего общения, говорит: «Ну, что ж ты, Таня, не приглашаешь подруг из класса в дом?» Я не могла. Потому что они меня спрашивали: «Таня, у вас большая *комната*?» А той мысли, что у нас квартира почти пятикомнатная... Я не могла их позвать, понимаете? Но мама как-то это не очень понимала.

И вот в этой дорогомиловской грязи был такой интересный момент. Значит, Бородинский мост, как вы понимаете, был рядом. И мы с моим отцом выходили смотреть такой интересный процесс. Как подчищали имена графов и князей войны восемьсот двенадцатого года, их вырезали, а вместо них вставляли... «Тихон», «старостиха Василиса», там «крестьянин Тихон» – все это вписывалось уже вот потом.

То есть так подчищалась история?

Подчищалась... да, да. То есть всех аристократов, ну кроме там Кутузова, конечно, а вот такое всё, всё ликвидировали. И значит, [стал героем] простой народ.

Ну, что сказать. Когда началась война, у моего отца был инфаркт, и поэтому мы не поехали в эвакуацию, вот в отличие от Вячеслава Всеволодовича. Дальше происходило следующее. Наш дом заминировали... этот, восьмиэтажный. Потом заминировали мост Бородинский. И нас приютила подруга нашей мамы – в одной комнате на Новинском бульваре. После инфаркта моему отцу нужно было гулять, и мне тогда исполнилось восемь лет уже, и он со мной гулял по Москве. Я хорошо помню Москву там начала сорок первого – конца сорок второго года. Небо все было в этих дирижаблях-цепелинах.

Это сорок первый – сорок второй?

Да, потом уж как-то они исчезли. И стояли эти надолбы² всюду, где можно, а сейчас они сохраняются в районе Химок. Мы с ним очень много гуляли, он мне очень много рассказывал обо всем, в том числе о политическом, о многом. Так что можно сказать, что я выросла в семье, которую можно назвать семьей профессора Преображенского из «Собачьего сердца» соответственным образом. Так что мое мировоззрение не менялось на протяжении семидесяти пяти лет, по крайней мере.

Но дальше... неправильно считать, что перед войной уж так было всё плохо, пожалуй, нет. Например, напротив нашего дома был гастроном, ну тоже в жалком домишке, откуда приходила женщина с коробом. Она у нас ходила по квартирам, записывала, кто что хочет, у моей мамы... Ну там яйца, курицу – такие простые вещи, бесхитростные. И на следующий день она приносила всем нужный заказ. Кроме того, нужно сказать, что все стоило довольно дешево и такие вещи, как икра, осетрина, севрюга – это было доступно любому человеку. Вот такая была своеобразная жизнь. Ну, что сказать.

¹ Элитный жилищный фонд, дома повышенной комфортности, предназначавшиеся для крупных государственных чиновников.

² Противотанковые надолбы – врытые в землю рядами в определенном порядке пирамидальные бетонные или железобетонные конструкции, применяемые в качестве инженерного заграждения фортификационного типа.

Дальше я попала... Да... насчет преданий я знаю только про Болотную площадь. На ней четвертовали Пугачева. Почему там, не знаю. Его четвертовали, и он проклял это место, и сказал, что на этом месте не будет ни одного здания. И так и есть. Всё, что ни пытались строить на этом месте, не получалось. И как видите, там такой садик с фонтаном. И так и есть.

Второе предание, это если вы входите на Красную площадь со стороны Иверской, то есть такое белое здание, где барельеф Радищева в цепях¹.

Ну просто в этом месте там был Радищев. Говорят, до сих пор в этом месте привидение появляется. И поэтому, как ни бились власти со страхом привидений, пришли к такому выводу: туда входят экскурсоводы по Москве, быстро сдают свои путевки, получают новые и выходят. То есть физически они не сидят в этом здании. Ну в данный момент, я не знаю, что... но раньше это было твердое предание.

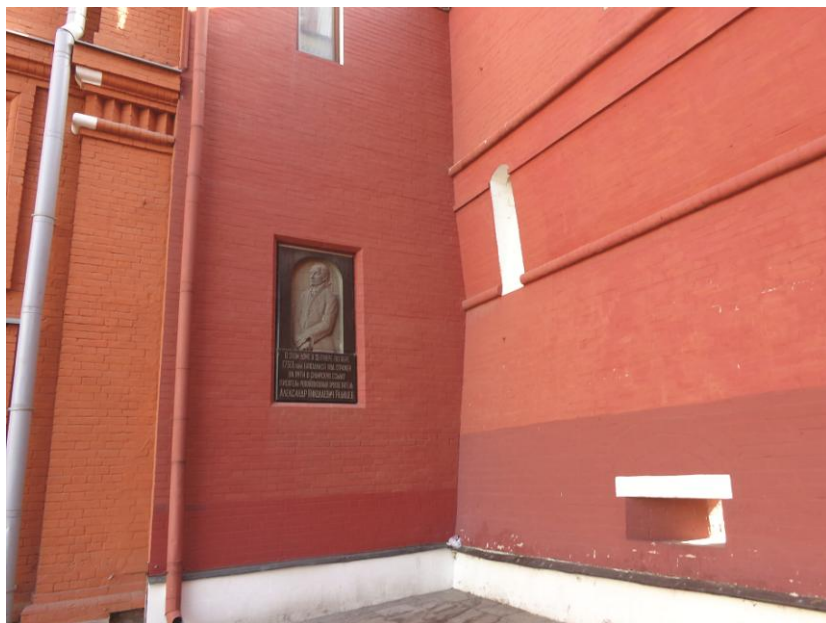

Рис. 2–3. Мемориальная доска с барельефом А.Н. Радищева (фото Н.В. Петрова)

Что могу сказать еще. Конечно, во времена моего детства Петербург казался более европейским, более роскошным, более таким... И когда мои родители ездили туда, ну на конференции – они были учеными, – то это казалось, что они едут, как бы теперь это сказать, в Париж. Поэтому были номера в «Астории», номера где-то еще в прекрасных гостиницах, и одевались соответственно, и даже говорили: «А вот в Ленинграде принято звонить очень поздно по телефону, принято поздно приходить в гости, а Москва – это как бы это вот... деревня».

Москва – провинция?

Москва тогда воспринималась как провинция.

Мой отец из Ленинграда, он говорил про поздние визиты и звонки теми же словами.

Вот видите, вот видите. И считалось, что-то ну очень европейское.

¹ Гранитная мемориальная доска (1962 г., скульптор Г.Г. Сорокин) с изображением А.Н. Радищева, стоящего у зарешеченного окна, и надписью: «В этом доме в сентябре–октябре 1790 года находился под стражей на пути в сибирскую ссылку писатель – революционный просветитель Александр Николаевич Радищев». Установлена на доме № 1 в Историческом проезде на Красной площади. Во времена Радищева в здании бывшего Монетного двора размещалось Московское губернское правление, куда был доставлен под конвоем из Петербурга автор «Путешествия из Петербурга в Москву».

Кроме того, были такие... ну мои родители снимали дачу, имели дачу в Подмосковье. Но мой отец и его мать в свое время снимали дачи – это была Финляндия. И поэтому было какое-то ощущение тоже пониженного статуса после финских дач. Но потом я попала в очень интересный период, уже не девочкой, а так сказать, взрослой почти. В отличие от Вячеслава Всеволодовича. Вячеслав Всеволодович – ровесник моего мужа, тоже двадцать девятого года рождения, он вырос на Чистых прудах. И когда реконструкция временная, видно разницу возраста.

Он был мальчиком трифоновского периода, когда послевоенные, плохо одетые там и прочее... А я была в начале пятидесятых и попала на очень короткий, но яркий период – стилиаги. Тот фильм, который вышел, ничего общего не имеет с тем, что было на самом деле. Стилиаги появлялись, ну как вам сказать, даже не могу сказать... Как из пены Афродита, они появлялись... Поскольку у нас школа выходила на Можайское шоссе, которое приобрело название Можайка-брод, то там на Можайка-брод были, ну, актеры. Я училась в женской школе, но нужно было призвать мальчиков обязательно на вечера. И приходили там Артур Макаров – сын Тамары Макаровой, Пырьев Эдик – сын Пырьева, режиссера. Все они были стилиаги, но учителя не позволяли нам с ними танцевать, а кто протанцует, ну как сказать, потом не плачь, что у тебя тройка или двойка. Поэтому необыкновенная была ситуация – мальчики танцевали парами, обняв друг друга. Но эти мелодии... вот высмеивание стилиаг в кино, травля, их заставляли стричься, их заставляли... И вот одна из таких примет – это поднятый воротник. Это была [примета] стилиаги. Девочек-стилиаг было мало, а мальчиков-стилиаг – очень много.

Это был знак мужского пола – поднятый воротник?

Нет. И женского. Пальто, пиджака...

И вот прошло уже очень много лет, я была уже доктором наук и ехала в Петербург дневным поездом... в Ленинград – быть оппонентом. Около меня сидел человек, знакомый знакомых. И вот он как-то вытянул ноги – вьетнамист, тоже ехал с такой же задачей – и сказал: «Хотите пива?» И я сказала: «Вы в пятьдесят шестом году кончили?» Он говорит: «Да». – «Стилиагой были?» – «Конечно». То есть стилиагу всегда можно узнать. Но потом их так раздавили, что о них писал Андрей Битов, что это были политические герои, гораздо бóльшие, чем можно себе это представить.

Ну вот... Теперь... есть такое представление... Я вот читала много книг английских писательниц про послевоенное время в Англии, в Лондоне там. И была поражена, какая у них была бедная жизнь, как там карточки с трудом, продукты. Аналогичное есть представление о жизни, скажем, Москвы. Оно неверное. Потому что... ну я не знаю, как это сказать, но это уже и по телевизору показали, мягко говоря, много привезли из Европы.

Трофеи?

Назовем это так. Из немецких домов, из... – отовсюду. Все это сдавалось в комиссионные, продавалось, покупалось, поэтому какой-то короткий период Москва жила роскошно, ничуть не хуже, чем сейчас. Был коктейль-холл на улице Горького¹ – в начале, дом четыре, куда было принято ходить молодым людям, танцы – ну я не могу даже объяснить – все всё покупали. Москва кишела богатством. И постепенно, я помню, вот такая у нас была звезда – Валентина Серова, актриса² – она сидела в «Метрополе» и сыпала ассигнациями, то есть это был период, ну как бы сказать, победившего Рима. Вот так. Но это был период не столь долгий. Потом стали сажать, например, Русланову с мужем за награбленное³. И даже Жукова великого сослали в Одессу, что отражено в фильме «Ликвидация». В общем, его сослали за то, что были вагоны награбленного добра. И потом

¹ Кафе «Коктейль-холл» располагалось в доме № 6 по улице Горького (Тверской) с начала 1940-х до конца 1960-х гг.

² В.В. Серова (1917–1975) – советская киноактриса («Девушка с характером», «Сердца четырех», «Жди меня», «Бессмертный гарнизон»), заслуженная артистка РСФСР. Жена легчика А. Серова, поэта К. Симонова.

³ Певица Л.А. Русланова (1900–1973) и ее муж генерал-лейтенант В.В. Крюков (1897–1959) были арестованы в 1948 г. по «трофейному делу»: официальной причиной ареста указывалось присвоение трофейного имущества в больших масштабах. Русланову также обвинили по статье 58 УК РСФСР («антисоветская пропаганда»).

Москва так стала утихать в этом смысле. Но в этот период пели всюду – в ресторанах, джазы, например, Эдди Рознер из Польши¹, Утёсов, вот это всё это было царство... Приехал Вертинский. Я была на концерте Вертинского, правда, не в Москве, на Рижском взморье², в ресторане в Майори³, вот слышала его. Ну, уже немолодого, старающегося сделать карьеру, но не очень, ну не довелось. И была какая-то атмосфера, когда гораздо больше было принято у интеллигенции ходить в театр, в ресторан, какие-то встречи, гости, то есть Москва жила той жизнью, которая, пожалуй, описана до Первой мировой войны. Представляете? Гиляровский⁴ там и прочее. Но потом это все зажималось, зажималось, зажималось, и Москва пришла в такое состояние, я бы сказала, усредненное. Стиляг задавили, привезенное из Германии было продано и пропито, перекуплено много раз, поэтому всё это постепенно кончалось.

Ну что сказать. Эти бараки. Вот, например, наш ученый академик Андрей Анатольевич Зализняк⁵ жил в жутких бараках. Это Красной Пресни... бараки Красной Пресни, где сейчас польский костел, вот это вот... переулки. Он жил в таких условиях, я бы сказала, чудовищных трудностей. Вот он жил в бараках. И постепенно это всё стало исчезать.

Ну что сказать. Закрутка происходила, Москва менялась. Но я живу, не знаю, это легенда или нет, на Малой Никитской, [там,] где она открывается домом Лаврентия Павловича Берии. И, когда мне было лет пятнадцать, уже была взрослая, мама говорила: «Таня, в тот район и не ходи, в тот район – и не приближайся к этому району». Но я была брюнеткой, а Лаврентий Павлович любил золотистых блондинок, поэтому я была в некотором духе в безопасности. Но у нас на курсе была одна из любовниц Берии, со мной она училась. Она рассказала, как они познакомились. Он ее увидел в Большом театре. Ну она просто была слушательница. Ее подозвали, вызвали. У нее были волосы таким – золотым пучком... И выбор был такой: или ее и родителей – вон из Москвы, ну или соглашайся. Ну, в общем, у него было... выяснилось, что двести тысяч, как легенда гласит, возлюбленных, которых жена его выдавала позже за сотрудниц-осведомительниц. Но, как говорят, так мог бы ведь убить. Но нет, вроде бы нет.

Теперь... Я живу в том месте, где, как я понимаю, находился дом Адриана Прохорова – героя «Гробовщика» Пушкина. Я живу там, где церковь, где венчался Пушкин⁶, – наша церковь. Наша улица очень интересная. Она открывается домом Шехтеля, который внесен во все альбомы Европы, как один из самых красивых домов модерна – из первых. Это был дом старовера – купца Рябушинского, я видела его молеблю наверху – старообрядческую. Дом был очень красив, но когда потом его дали Горькому, то Горький, боясь всего, шкафами перегородил... Поэтому красивые мраморные наяды, русалки, феи – и всё это было как-то там (наверное и сейчас) испорчено. Мне удалось даже видеть его легендарную невестку – жену Максима Пешкова, которая сажала цветы на нашей улице. Могу передать такую остроту. Когда я шла из магазина, я увидела Никиту Михалкова, напротив, в садике, окруженным толпой прилипал, который говорил своим «московским» говорком: «Вот это дом миллионера Рябушинского, теперь – квартира Горького. Понимаете, что для миллионера был дом, для пролетарского писателя всего лишь квартира». Ну вот. И это так и было.

Значит, если двигаться дальше, то там церковь, где венчался Пушкин. Но и как я недавно слышала на днях, где он не только венчался, но и женился (молодой человек сказал своей девушке), но я еще не разгадала смысл этих двух глаголов... Ну вот.

Кроме того, скажу не совсем пристойное. Я ехала на такси по нашей улице, и шофер сказал: «Ну а жена его, как вела себя. Ну она открыто, при всех, спала с Дантесом». Я говорю: «А как Вы это себе реально представляете? Где и как это?..» Он говорит: «Ну, это все знают». Так что у нас это церковь Пушкина, я знаю, где он стоял – левый придел. И у него было, как знаете, три вещи: он споткнулся, у него потухла свеча, с головы упал венец.

¹ Э. Рознер (1910–1976) – джазовый музыкант.

² Латвийский приморский курорт.

³ Курортный поселок на Рижском взморье.

⁴ В.А. Гиляровский (1855–1935) – публицист, писатель, создавший детальные описания московского быта конца XIX в.

⁵ А.А. Зализняк (р. 1935) – лингвист, академик РАН.

⁶ Храм Вознесения Господня в Сторожах, у Никитских ворот.

Дальше двигаясь [по улице]... был дом Суворова – Нигерийское посольство¹, еще дальше – дом Гончаровых, но он был потом перестроен. Там была гимназия, где преподавала сестра Булгакова – мать Земской Елены Андреевны², – дом Гончаровых. Дальше идет дом Берии. Внучка Горького – Марфа Максимовна Пешкова – она жива – была замужем за Серго Берия – и они друг к другу ходили по нашей маленькой улице.

Теперь – последнее, что я скажу, – это тут ломали нашу улицу, там, где Вспольный [переулок], и вот была церковь (та, в которой Пушкин [венчался], Большого вознесения), а была другая церковь. И когда вскрыли асфальт – оказалось очень много костей – погост. На самом деле это было кладбищенское захоронение при той церкви, которая была когда-то, то есть им двести лет. Но это было в период перестройки, и диссидентски настроенное окружение считало, что это жертвы Берии, но, честно сказать, даже археологи убеждали, что этого не может быть, что костям больше двухсот лет. Ну и зачем Берии около дома, в доме дикое количество покойников? Но вот население было в этом уверено, что это жертвы Берии – такая легенда.

Вторая наша достопримечательность – это вяз на [улице] Поварской. Но он сейчас погиб. Значит, ему сейчас...

Он недавно же еще был?

Был, был. Его посадил Петр Первый, вот такая легенда.

Ну, что я еще могу сказать. Мне довелось видеть необычайную вещь, которая тоже погибла. Как известно, в Коломенском дворец Алексея Михайловича³, церковь. И я там была с приятельницей, но экскурсовод мне вдруг тихо сказала: «Не хотите посмотреть древнее капище славян?» Ну а что? Она отвела меня немного дальше дворца и церкви, и я увидела овал, который окружали дубы, но дубы имели вид... ну как из фильма ужасов, потому что, как... один листочек был на дубе или два... И меня уверяли, что им тысяча триста лет. А в центре были руины камня, на котором будто бы древние славяне приносили человеческие жертвы. Но я не знаю, это, может быть, и сейчас. Моя дочь ходила туда и говорит, что дубы уже погибли, ну как-то так. Антураж довольно страшный. Но что вам сказать, мы любим наш район, больше ничего не могу сказать. И вот, когда мне исполнилось восемьдесят лет, я даже хотела сказать, что я живу в том месте, где извозчик стоит, а Александр Сергеевич прогуливается, но боялась это сказать, чтобы не заплакать.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-00590 «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование»). Тексты интервью опубликованы с любезного разрешения Т.М. Николаевой. Особенная благодарность Наталье Сергеевне Петровой (аспирант ЦТСФ РГГУ) и Ольге Владиславовне Беловой (д.филол.н., Институт славяноведения РАН), без помощи которых комментарии к текстам интервью был бы неполным.

Примечания

1. Топоров В.Н. Из Московских текстов. 2. «Мифология» Москвы 1930-х гг. // Живая старина. 1997. № 3 (15). С. 7–9.
2. Львова Е.П. Люди и образы старой Москвы. М.: ГЕОС, 2004. 128 с.
3. Жизнь замечательной личности / Е. Львова; беседу вели С. Юрьева и И. Колодяжный // Литературная Россия. 2005. 25 марта. С. 15.
4. Белый А. Котик Летаев. Петербург: Эпоха, 1922. С. 101.

¹ Городская усадьба Суворовых – Н.И. Баранова – Н.П. Гагман, где жил А.В. Суворов, расположена по адресу: ул. Малая Никитская, 13.

² Е.А. Земская (1926–2012) – лингвист, главный научный сотрудник отдела современного русского языка Института русского языка РАН им. В.В. Виноградова.

³ Дворец царя Алексея Михайловича – деревянный царский дворец, построенный в подмосковном селе Коломенском во 2-й половине XVII в. Снесен позднее 1767 г., в 2010 г. была осуществлена его историко-художественная реконструкция, расположен по адресу: 2-я улица Дьяково Городище, 27, входит в состав экспозиций Московского государственного объединенного художественного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника.

5. Проект Дворца Советов. URL: <http://art-architecture.ru/dvorec-sovetov/> (дата обращения 24.03.2015).
6. Ардов М.В. Мелочи архи., прото... и просто иерейской жизни. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1995. 256 с.
7. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012.

References

1. Toporov V.N. Iz Moskovskikh tekstov. 2. "Mifologiya" Moskvy 1930-h gg. // Zhivaya starina. 1997. № 3 (15). S. 7–9.
2. L'vova E.P. Lyudi i obrazy staroy Moskvy. M.: GEOS, 2004. 128 s.
3. Zhizn' zamechatel'noy lichnosti / E. L'vova; besedu veli S. Yur'eva i I. Kolodyazhnyy // Literaturnaya Rossiya. 2005. 25 marta. S. 15.
4. Belyy A. Kotik Letaev. Peterburg: Epokha, 1922. С. 101.
5. Proekt Dvortsa Sovetov. URL: <http://art-architecture.ru/dvorec-sovetov/> (data obrashcheniya 24.03.2015).
6. Ardiv M.V. Melochi arkhii., proto... i prosto iereyskoy zhizni. M.: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh, 1995. 256 s.
7. Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t. / pod obshchey red. N.I. Tolstogo. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995–2012.

УДК 929/908

«Я живу в том месте, где извозчик стоит, а Александр Сергеевич прогуливается...»: воспоминания Вяч.Вс. Иванова и Т.М. Николаевой о Москве 1930–1950-х гг.

Подготовка к публикации, вступительное слово и комментарии:
Никита Викторович Петров

Центр типологии и семиотики фольклора
Российского государственного гуманитарного
университета, Российская Федерация
125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, 6, каб. 168
Кандидат филологических наук
E-mail: nik.vik.petrov@gmail.com

Аннотация. Интервью с Вячеславом Всеволодовичем Ивановым и Татьяной Михайловной Николаевой посвящены частной жизни 1930–1950-х гг., довоенному детству, московской послевоенной повседневности. В интервью упоминаются элементы архитектурного облика столицы, городские предания, излагается устная версия неофициальной истории.

Ключевые слова: Вяч.Вс. Иванов; Т.М. Николаева; детство; старая Москва; городской фольклор; устная история; частная жизнь; 1930-е гг.; 1940-е гг.; 1950-е гг.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
Vol. 7, Is. 1, pp. 27–46, 2015

DOI: 10.13187/ra.2015.7.27
www.ejournal16.com

UDC 929/94(47).084.6

Trans-Don Region in the First Decades of the Soviet Regime: Memoirs of Evdokia Dubinskaya

Preparing for publication, introduction, and commentary
Nina A. Vlaskina

Institute of Social-Economic Research and Humanities
Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences
Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don, 344006
PhD (philology)
E-mail: nvlaskina@gmail.com

Abstract

The interview with Evdokia Dubinskaya describes the first decades of the Soviet regime in the Trans-Don region. The publication comprises of narratives about rural mode of life in 1930s, establishing of the first collective farms, a failed attempt to settle in the Kuban region, returning to the home village, and organization of the first child camp.

Keywords: collective farms; Kuban; flood; Cossacks, peasants; pioneer camp.

Я познакомилась с Евдокией Назаровной Дубинской (в девичестве – Литвиновой) в начале августа 2014 г., во время совместной этнолингвистической экспедиции Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН и Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета в Зимовниковский район Ростовской области. Родственница моей будущей собеседницы, Полина Николаевна, говорила нам о том, что мы обязательно должны пообщаться с Евдокией Назаровной – обладателем уникальной памяти и замечательным рассказчиком. Идя в один из вечеров на интервью, я надеялась на интересный, но недолгий разговор (у пожилых респондентов не всегда бывает достаточно сил, душевных и физических, для пространных бесед), в результате же мы провели с Евдокией Назаровной несколько удивительных вечеров – я привезла из экспедиции 11 часов аудиозаписей.

Оказалось, что Евдокия Назаровна в свои 97 лет – она родилась в 1917 г. – обладает потрясающей памятью. Лучше всего она рассказывала о том, что ей самой довелось пережить, поэтому от направленного интервью по формализованным опросникам мы быстро перешли к свободному рассказу. Евдокия Назаровна родилась в станице Крестовой Астраханской губернии (ныне – село Первомайское Ремонтненского района), участвовала в становлении первых крестьянских совместных хозяйств – крупной сельскохозяйственной артели имени Анацкого (на территории нынешнего Ремонтненского района), овцеводческого колхоза «Красный чабан», уже в Зимовниковском районе Ростовской области.

В памяти Евдокии Назаровны запечатлелись и исключительно ценные для этнографа события – свадьба в Крестах середины 1920-х гг., на которой она присутствовала, будучи девочкой, калмыцкий быт начала 1930-х гг., включая фрагмент традиционной свадьбы, о которой она помнит благодаря тому, что в эти годы отправлялась с отцом на заработки в Калмыкию. Настоящая публикация включает фрагменты воспоминаний Евдокии Назаровны о событиях 1930-х гг. – сельском быте, организации первых колхозов, неудавшейся попытке обосноваться на Кубани, возвращении на родину и обустройстве, организации одного из первых детских лагерей в Задонье.

В речи Евдокии Назаровны проявляются некоторые черты южнорусских говоров, в частности, мягкая финаль глаголов в третьем лице единственного и множественного числа настоящего времени (*поподкидывает, заставляють* и др.), произношение местоимения *что* как *шо*. Поскольку эти диалектные черты регулярны в речи респондента, в тексте они не отражаются. Однако мы сочли возможным передать на письме особенности произношения некоторых диалектных слов. Произношение предлога *у* при существительных в родительном падеже как *в*, произношение звука *в* как *у* неслогового нерегулярны, поэтому они приводятся в тексте, там, где они были замечены. Оставлены также некоторые отличающиеся от литературных формы слов.

Во время беседы в продолжение всех сеансов записи неоценимую помощь мне оказывала дочь Евдокии Назаровны – Светлана Андреевна Дубинская – известный человек в районе, много лет проработавший в образовании. Реплики Евдокии Назаровны отмечены ее инициалами, реплики Светланы Андреевны – инициалами С.А. Вопросы интервьюера выделены жирным шрифтом, пропуски текста обозначены многоточием в квадратных скобках, редакторские исправления и добавления в текст внесены в квадратных скобках. Проводила и расшифровывала интервью Н.А. Власкина.

Скажите, а у вас там, в селе Кресты, калмыки были? Жили?

Е.Н.: Нет, в Крестах калмык не было, а тут от [...] они жили так, сами по себе, по хуторам. Где там прицепились, в степи, и так жили. Ходили. Было, как идет: «Хозяин, арбот¹ есть?» Папа, мама уважали калмык, никогда не пропустит. Калмыки никогда не просили, как цыгане. А идет: «Хозяин, арбот есть?» – «Есть, есть, заходи». Наши папа, мама уважали калмык. Хоть нет там работы, а они всё равно, лишь бы накормить человека. Накормят, поведут его в дом. Бывало так, что у базу² кизеки резать весной. Зимний же это помет раскидает, а утапывается хорошо, и получается, называли кизеки, гной³. Порежут его, посушат, это было топливо.

С.А.: Самое хорошее топливо для печки хлеба, выпечки хлеба было.

Е.Н.: Ставлют, там он поподкидывает, это первая их работа – чистить канавы. Канаву папа заставляет чистить.

С.А.: Заборов тогда не было, а весь их участок обносился, я даже это помню, бегали по этим канавам, и дреза⁴ росла. Дреза, дреза вокруг, выше меня ростом, ужас какие эти. Вот эти канавы и обчищались вместо забора.

Е.Н.: У нас был огород, ну впереди как, возле порога, а то был же там, где скирды стояли. То был огород. А дальше был сад, рядом с нами четыре хозяина жило, ни в одного в огороде ничего не было. Абсолютно. Бурьян рос и всё. А мы с папой, уже ж я подросла, мы с папой копаем, это уже после, как с Кубани пришли в тридцать втором году. Копали, сажали, цветы у меня возле порога, клумбы там такие. И как в огороде в том и кукуруза, и подсолнухи, и картошка, и чеснок, и лук, и кабаки, и что только хотишь.

С.А.: Ну, всё свое было.

Е.Н.: Люди идут и удивляются: «Ой, Назар Сергеич, наверное, колдун. Ни у кого ничего нет, а у Назара Сергеича он что». А тогда были мельницы паровые, это, ветряные. На мельницах же мололи муку. Придут люди и говорят: «Ой, там у Назара Сергеевича

¹ Арбот – искаженное *работа*.

² Баз – огороженное место при доме для содержания скота, скотный двор.

³ Кизяк, гной – высушенный или переработанный навоз, используемый в качестве топлива.

⁴ Дреза – многолетний листопадный колючий кустарник семейства пасленовые.

в огороде – там это рай, рай». А то ж мирошник – пожилой человек. Кто ни придет, все хвалят. И он решил прийти, специально посмотреть.

С.А.: Человек, который молот муку, назывался мирошником.

Е.Н.: И он решил прийти посмотреть. Пришел это, зашел в тот переулок, а квартал целый, четыре еще двора, а дворы были широкие. Ни в одного нету ничего, а в нас виднеется ж там. И он прям через те канавы попрыгал, пришел до нашего огорода, и своим глазам не верит. Не верит глазам: да как же так. Ни в кого ничего, а у Назара Сергеича всё вот такое. Красота, одна красота и всё. И там кенаф¹, вы его тоже не знаете, кенаф. Я его сама не знала, кенаф.

С.А.: Растение такое.

Е.Н.: Растение такое, как ветка, а с него делали шпагат. А цвело оно розовым цветом, как розы, прямо вот так, как виноград, вот такие комки цветов. И папа тож привезли с Краснодарского края, этот же кенафчик – то розовым, подсолнухи – желтым. Красота невозможная. Так он не вытерпел, пришел к папе и говорит: «Назар Сергеевич, ты, наверное, колдун». Папа говорит: «Да, я колдун. Могу тебя научить колдовать». – «А как?» – «Да вот так, вставай рано, вставай рано, бери лопату, иди, копай. А днем посеешь, посадишь, а на вторую ночь – опять, бери лопату, копай, до утра накопаешь, а днем посеешь». Вот так отвечали. Ну что еще вам?

А как вы оказались на Кубани?

Е.Н.: А на Кубани как оказалась...

С.А.: Не так, давайте сначала за коллективизацию вы расскажите, мама.

Е.Н.: Дальше уже коллективизация. В двадцать девятом году, оно началось еще с двадцать восьмого года, начали уже вербовать, уговаривать людей в колхоз.

С.А.: Ходили по селам агитаторы такие.

Е.Н.: В колхозы. Приезжали из района комиссия, три-четыре человека, каждый вечер и агитируют в колхоз. А люди ж не знают, а что такое колхоз. «Да вот, будем работать вместе». После войны что осталось же. Лошадей забрали на войну, пооставались – у кого кривой, у кого слепой, у кого больной конь, а быков порезали, тоже пооставалось там несколько. Ну теперь, а их же и уговаривали: «Что ж вы будете делать с своим, у вас один бык. Что вы с ним будете делать? Вот у вас один бык и в соседа один бык, уже два быка, вы можете вже плужок зацепить и вспахать свою полоску, а нет – так вот соберемся все вместе». И показывает даже на примере: на столе что-нибудь тяжелое поставит, вон гирьку или что. «И вот смотрите, вот я одним пальцем – тяжело поднимать, я не подниму. А вот двумя пальцами я уже поднял. Вот так и мы. Если мы сплотимся и будем работать вместе, и как у нас будет хорошо. Мы вспашем, уже полосок этих не будет у вас, будут, то было наше, нет, то было мое, а теперь будет всё наше. Вот мы общими силами вспахали, посеяли и уберем общими силами. Сколько уродит – сколько разделим – там, сколько кто работал».

А люди что-то сразу не пошли некоторые в колхоз. У колхозы не пошли, а некоторые – записаться записались, а работать не хотели, ну люди непривычные. Лежит дома, скажут, придет там бригадир: «Идите на работу». – «Что я пойду за палочку работать?» И лежит дома, не работает. А когда пришел отчетный год, отчетный год, а за год люди, сколько кто работал, заработали этих палочек, трудодней. Получали и по три тонны зерна, и по пять тонн зерна, ну всё: и пшеницу, и ячмень, и просо, и всё. И горчицу на масло, всё получали на трудодни. А тот тогда лежит и думает: «А-а, хорошо тот получил». А в него ничего нету. Вот так. Ну сперва, первый урожай когда.

С.А.: Нет, ну вы ж еще забыли сказать, как некоторые ж саботировали. Вот она ж говорит, а некоторые даже говорили им: «Что вы соберетесь туда, будете все вместе, как под одним одеялом спать», та-та-та-та-та. В общем, всякого.

Е.Н.: «Не ходите в колхоз, не ходите. Вы будете с одной чашки все йисть, и жены будут общие. Не будет у каждого жены, а общее».

С.А.: Многие перепугались.

¹ Кенаф – гибискус коноплевый (*Hibiscus Cannabinus*), его волокно используется для изготовления упаковочных тканей и мешков, выработки ковров и скатертей, стебли – для изготовления бумаги и картона.

Е.Н.: А люди боялись, не шли. А кто пошел, и получилось хорошо. И так хорошо, такие люди радовались.

С.А.: Тем более у нее отец такой трудолюбивый, он сразу там в почете был, он вообще никогда не пропускал.

Е.Н.: И агитировали, что у вас всё заберут: и коров, и там овечки, свиньи, у вас ничего не будет, всё заберут. А забрали в колхоз только быков, сбрую и это, ну возилки, ярма там, хомуты там для лошадей. И соединили всё.

С.А.: В общем, животных и техника, которая была.

Е.Н.: Как хорошо, всю рабочую технику.

С.А.: Как колхоз назывался, скажите, чтоб знали.

Е.Н.: И называли колхоз имени Анацкого¹. Ну был такой, наверное, знаменитый человек, погиб на войне, имени Анацкого, председатель колхоза был Другалёв Никифор Николаевич. А завхозом был Терентий Миронович...

С.А.: Говорили мне, и я забыла тоже.

Е.Н.: Сразу выскочило, Заполиванный. Сергей Миронович Заполиванный был.

С.А.: Терентий Миронович или Сергей Миронович?

Е.Н.: Терентий Миронович Заполиванный.

И что потом? Коллективизация...

Е.Н.: И потом, потом колхозы начали хорошо работать, много люди вже поднялись с колен на ноги, а врагам, врагам-вредителям, не понравилось это. И начали вредить. И начали отправлять на Кубань, начали опять же: то в колхоз уговаривали, а теперь начали уговаривать этих же колхозников ехать на Кубань. На Кубани земли хорошие, будете получать хорошие урожаи.

С.А.: Это ж была политика еще и правительства.

Е.Н.: Будете жить, куда там. Там и виноград, там и мед, там и сады, там и всё, хлеб белый. Ну и уговаривали – люди ни в какую не хотят. Всё ж бросить свое добро, подворье бросить и куда-то, Бог знает где. Не хотят ни в какую. А им говорят так. Уже опять приезжает комиссия, так же уговаривает, что если вы по согласию не схотите ехать в Краснодарский край, то вас так вышлют, как выслали кулаков. Подогнали подводу, не спрашивают: что там, ты хочешь, не хочешь ехать, подводу подогнали, что в руки узял, то и всё. И так кулаков увезли куда-то далеко, не знаю.

С.А.: В Сибирь.

Е.Н.: «Вот так и с вами сделают, если вы не согласитесь ехать в Краснодарский край». Ну люди ж каждый думают: «Если мне ехать с пустыми руками», а тут говорят: «Если сколько ты подвод, волов, ну быков, сколько ты возилок запросишь, сколько тебе. И всё заберешь, забирайте всё, что можно поднять. Только останется там хата, сарай, это, подворье. А то всё заберете». Ну, правда, они всё так и сделали. Кому две – мы две подводы, другим – три, третьим – четыре. У некоторых пять подвод. И так в пять подгоняли. А пока выехали, только выехали с Крестов, в одних начались роды. Там прикрыли одеялом или рядом² бричку, родила на дороге, по дороге прямо. А там еще что-то случилось. И вже наши первые вже приехали в Приют...³, а те еще и не выезжали. Приехали в Дивное⁴, Дивное тогда было – Гардачи называлось.

Это рядом с Армавиром? Или другое?

Е.Н.: Да, это туда, Армавир, Гардачи.

С.А.: В сторону Краснодарского края.

Е.Н.: А тут же от нас это Кресты, потом Цымбулук⁵, а потом Кормовое⁶ и Дивное, теперь оно Дивное, а тогда было Гардачи. Это нас привезли туда, сгрузили. И коров люди

¹ Анацкий Пётр Антонович (1879–1918) – участник трех войн, полный Георгиевский кавалер, в годы Гражданской войны командовал Степным фронтом, штаб которого некоторое время располагался в селе Кресты.

² Рядно – домотканое полотно.

³ Имеется в виду село Приютное, ныне – районный центр Республики Калмыкия.

⁴ Село Дивное в настоящее время входит в состав Апанасенковского района Ставропольского края.

⁵ На картах описываемого периода не обозначен.

⁶ Кормовое – село, в настоящее время входит в состав Ремонтненского района Ростовской области.

везли, и собак везли, и мы собаку везли на возилке. Всё, всё, раз... Ну они по-честному сделали. Как сказали, так и всё забирали. Ну а тут же привезли, а сколько ж их там, как сгрузили, сгрузить – сгрузили, а потом не дождемся, когда придут же нас, вагоны.

С.А.: Поезд.

Е.Н.: Когда вагоны подадут.

С.А.: Поезд, поезд. С Дивного до Краснодара надо ехать на поезде. В Дивном они разгрузились.

Е.Н.: Через двое суток только, наверное, подали вагоны. Вагоны такие, рабочие. Погрузились, и повезли нас в Краснодарский край. Сюда на железную дорогу привезли, на вокзал, где там, опять же там сгрузили, а вже с Краснодарского края подводы пришли быками, и каждому: вот у нас две подводы, мы ехали на двух, так и там две подводы подогнали, нагрузили и привезли в станицу Лабинская¹. В станицу Лабинскую. А она такая станица, в длину строилась, больше строилась по-над речкой. И километров, наверное, пятьдесят в длину. Ну и расстановили нас же там. Нас поставили к одним, семейно, люди живут семейно: дедушка, бабушка, дочка, внучка, и нас поставили в эту семью. Ну какая жизнь для семьи? А бабка такая свильливая², такая.

С.А.: Так вас же сколько приехало, вы ж не сказали, сколько вас приехало: отец, мать, вы и брат. Четверо вас приехало.

А остальные сестры-братья?

С.А.: А остальные поумирали.

Е.Н.: А остальные уже ж, те замужем, те замужем пооставались. А Наточку ж...

С.А.: В Днепропетровск брат забрал.

Е.Н.: И нас четверо оста... Ну жили-жили мы, не дает эта бабка нам жизни, и всё, не дает. Матится³, нельзя ни щепку подобрать, ни кору, чтоб там, начнут же что-нибудь сготовить кушать. Ни печки. С ведра папа сделали печку, прорезали внизу, чтоб подкладывать эту, котельчик становить, ну живем как-нибудь. Коровка, телок есть. Там до речки – деревьев там не видно на ту сторону, мы даже и не знали, что на ту сторону есть, еще живут люди. А потом одно время ночью в репродуктор кричат, свистят. Как его называют, вода пошла, как назвать?

Ледоход? Половодье?

Е.Н.: Лето, прямо сухо, ни дождя, ничего.

Наводнение?

Е.Н.: Ага. Потом кричать же: убирайтесь. А! Строилось как, прямо на куту⁴. Тут высоко-высоко проходит улица, а эти построились прямо на куту. И эта вода как пошла, ни дождя не было, ничего. Как кричат: «Вода, потоп, потоп!» Нам – папа, я, мама – вышли на бугор, а папа коровку отвязали, она была там, аж возле речки базок. Телка и корову привели до порога и собаку отвязали. А она, вода, моментально набирается, набирается, уже вот-вот-вот в дом набезит. А дом стоит на таких сваях, на что там, на кирпичках же или на камнях, не знаю.

С.А.: На камнях, какие там кирпичи тогда были.

Е.Н.: Но высоко стоит, сантиметров на восемьдесят от земли. И как набрался этот уже двор, корове уже выше живота так, а телка папа затянули у коидор, а собака, пока можно было ему бегать, бегал-бегал во дворе, а нигде не выскочишь, двор плотно загорожен, а потом уже видит – беда, что совсем уже он начал выть, папа позвали его, он пришел сюда, и завели его. Так он с телком рядом, в коридоре лежат. А вода всё выше, всё выше. Сантиметров на десять, папа говорит, только не дошла. Вот восемьдесят сантиметров вода не зашла. Вот так шла вода быстро. Папа говорят: «Я должен был и корову тянуть у дом». Ну ничего, стала вода, остановилась, чуть-чуть тише, тише стали идти. А уже к утру стало. Так люди там уже привычные, начали ловить, у людей видно, крючки уже поделали, петли поделали. Уже видно стало, мы оттуда спустились, а там над речкой вода только идет по руслу, по руслу, ну по круче. А тут у нас, я ж говорю, тогда деревья были, мы не видели, что

¹ Лабинская – в настоящее время город Лабинск, районный центр Краснодарского края.

² Свильливая – лукавая, увертливая, своенравная.

³ Матиться – ругаться, сквернословить.

⁴ Кут – угол, край станицы.

с той стороны. Вот так сильно вода шла, что все деревья эти поломало, и видно на той стороне еще село, село. Ну люди тут, мужики ловят. Тот поймал на крючок: и гуси плывут, и куры плывут, и овцы плывут, и помидоры, и капуста, и бураки¹, ну всё плывет и всё. Ну кто, я говорю, люди там привычно, ловят, кто что. А одни лошадь как начали ловить петлями, четыре мужика, петлями. Хотят накинуть на... а она, бедненькая лошадь, видит же, что спасать ее хотят, сюда бьется, а ее волна как ударит на ту сторону. Ну вытащили. И всё-таки одному кинуть – не достанут. Только подплывет, кинут – не попадет петля. Но один всё-таки кинул, петлю затянул и выволок ее. Он весь побитый, весь в крови, шкура порватая. Но деревья что повалило, а он плыл и везде. Ну это так было на Кубани.

А в каком же это году было?

Е.Н.: На Кубани были в тридцать первом году. В тридцать первом году. Наши повезли первого, ну с марта месяца, в тридцать первом году привезли туда. А там создалась тройка, враги народа работали. Создали тройку – три дяди таких, что и ходят и днем, и ночью ходят до каждого. Ну там не в позднюю ночь, может, ну до нас приходили в одиннадцать ночи. Приходят и говорят: «Кто вам давал эту квартиру?». Им отвечают: «Нам в колхозе дали». – «Как? – говорит. – Какое они имели право распоряжаться квартирой? В этом доме есть хозяйева, они приедут, будут жить. Так что спокойно». Они не били нас и не гнали в шею. А вот а словами так, вроде как уговаривали: «А вот уезжайте по-хорошему. А не уедете по-хорошему, хозяйева приедут, приедут, будете жить вместе с хозяйевами». Ну кому это понравится. Всех предупреждали вот так.

И к нам так же зашли, к нам в дом зашли три человека. Я уроки сижу, делаю вечером, часов в десять вечера. Папа тут что-то там починяет, мама прядут. А у нас собака злая была на цепу. И сразу как загавкает, а он уже и дверь оттуда открывае, а дверь на улицу-то сразу, откроешь – и на улицу, летняя дверь. Заходит в комнату дядя такой, кругом посмотрел, посмотрел, а мы ничего ж там еще и не раскрывали. И сундук, и там ящики позабитые, железом позабитые, ну нам квартиры нет.

Это с той квартиры, что я говорю, бабка, дали еще одну квартиру. Дали как домик, ни хвилек², а там же домик он строится. И прямо, ну абсолютно ничего: ни столбика, ни палки, ничего, стоит одна хатка, и всё. А сама и сейчас думаю: «Как же мы думали жить?» Думали, решили вырваться хоть с того гнезда. Приехали, с папой посмотрели, ну что, переходить. Одну возилку-бричку привезли вещей, зеркало сверху, а зеркало большое, так метр рама в нем, красивое зеркало, на куче, на том лежим, зайчики, а я в своем домику, правда, чисто в домику, не обвалено, не оббито. Паутину поснимала всё там, пыль повытирала, пыляку сняла. Ну одна комната и всё, и тут маленький коридорчик. Всё поприбирала и на улице, всё поподметала, готово.

Ага. Подходят три дяди, те ж три дяди, три дяди. Подходят: «Кто вам давал эту квартиру?» – «Нам в колхозе дали». – «Какое они имели право распоряжаться чужими квартирами? Не занимайте эту квартиру, у ней есть хозяин, приедет, и вы будете вместе жить». А я тогда и стою. Они сказали и ушли. А я и стою. Ну что делать. Уже вещи здесь половина, и другую половину папа привезут. Привезут, да опять так нагружать тут. Думаю, бросила всё, кому оно нужно, бросила и как пустилась, бегала быстро, побежала и успела прибежать. Прямо добегаю, добегаю, а папа уже сидят, уже всё нагружено, и лошади уже выходят со двора. Папа: «Но», а я как крикну: «Пап!» – «Что такое?» Я – отак, отак. Пришли три дяди, сказали, чтоб. Ну всё. Сгрузили назад эти вещи, папа поехали, опять же поехали у колхоз, этой же подводой, квартиру. А они – дали. «Вам же дали», и всё отак-отак. «Давайте нам квартиру». Дали квартиру, на бугру квартира, прямо подъехали, да ты что! Дом – красавица. И начали жить. Начали жить – и в эту квартиру, я ж говорю, три пришли, три дяди. И говорят: «У этой квартиры есть хозяйка, она придет, будете вместе жить». На второй день появляется хозяйка, а брат уже уехал.

Домой?

Домой, братик, братику было девятнадцать лет, ночью на улицу хоть не выходи. Выходит, ну а хочется ж, молодежь, пойдут, а там наших как начнут голышами, голышами.

¹ Бурак – свекла.

² Хвилек – флигелек.

Камнями прямо били?

Ну били голышами, даже одного, наверное, ну точно не знаю, убили или нет. А то, если что не схочет, кидается, значит, с ними вроде, обороняется. Его как поймают, с одного всю одежду сорвали, порвали на клочья и ногами потоптали, это одному так. А другому прямо, то всё кричал, оборонялся, а потом уже упал, начали его бить и стянули с него все вещи, порвали на клочки, ногами потоптали, и он уже не стал кричать. Так братик, я не знаю, живой он или убили его, Бог его знает, а братик, и мама приказывали: «Сынок, да не влипайте в это, раз видите, что начинает драться, не влипайте, уходите». И он – правда. Или слушались, или сам, самому было страшно. Они с другом понаблюдали это, видят, что вже, считай, убили человека. Так они как рванули убежать. Прибежали до нас, застучали, а мама всегда, как придет братик, застучится, мама: «Сынок, ты одетый или голый?» А он: «Открывайте, я одетый». А то разденут, наголо разденут. Но они прибежали – убежали оттуда, как зашли, и сразу прямо брат говорит: «Папа, мама, завтра мы с другом уезжаем, не будем, – говорит, – ждать, пока нам головы попробуют голышами». И на второй день уехал братик. А мы остались втроем. Мама прибалывает, и я тогда как расплакалась, папу уговаривали: «Давайте ехать», а папе понравилось дуже¹ – земли много, да тут посадим сад, да тут посадим картошку, да тут всё. Там огород такой, как, ну гектар, наверное, не меньше гектара. Ага. Мама: «Да на грец² оно тебе нужно, да что ты там. Они ходят, досками загорожено, а они поприбивают доски, только поприбивают, утром пойдут – всё, доски оборватые, какие на дороге лежать, а какие висят. Опять папа ремонтирует.

А куда он доски прибивал?

Ну там же, там есть забор, забор, забор. А оно [подворье] как раз над переулком. И загорожено досками, это ж не мы загородили, там было загорожено. А мы ж приехали, и [местные] начали вредить, там ихних, пообрывают доски, папа поприбивает. На второй день придут – оборванные, те на дороге валяются, а тех совсем нету. А какая тут... Опять. Мама ругают. А такой двор большой! Вот хоть верите, хоть нет. Мама говорит: «Зови папу завтракать». Я вышла – папи не видно. Во-он аж вот там, вот там, вот там где-то воруются³, чуть-чуть видно, что. Ну я ж говорю: гектар, это ужас. А им тоже ж. Любили папа землю копать. Ну и всё. И я плачу, плачу. А потом, после тех трех, женщина пришла на второй день, и тоже: «Кто разрешал квартиру? Это квартира моя, я приду. Или добровольно уходите, или я приду, будем жить вместе». Спрашивает у мамы: «Как вы, согласны со мной вместе жить?» А мама говорят: «Нет, нет». Они говорят: «А Бог его знает, как можно: две семьи – жить в одной квартире. Это надо дочку спросить». А я сижу на печи, на русской на печи, читаю книжку, урок учу. А она говорит: «А как дочку звать?» – «Дуняшка». Она подходит до печи: «Дуняшка, ну как ты, согласна со мной вместе жить?» – А я говорю: «Нет, не согласна». – «Ух ты, какая строгая, ты корень пропустила глубоко?» – А я говорю: «Через печку в землю». – «Хух, какая ты цикавая⁴. Вот приеду, и будем жить вместе». Я говорю: «Нет, не будем, и всё». И она ушла, а я как начала плакать, и к папе с тем, что я уеду завтра: «Я уеду». А мама плачут: «Дочечка, что ж ты въедешь, а я ж болею, как же?» А папу не уговорим, всё, а потом уже и папа сдался, и начали. Коровку продали, одна коровка стоит, стоит, ни пастись не выходит, худая. Коровку продали, собаку людям отдали, в общем, там что пораздавали, людям пораздавали. На базар что вынесут, никто не берет, не покупает.

И туда ехали на двух возилках, оттуда – бричкой. Бричкой – взяли, наняли, так он, бричкой отвезли, отвезли первую бричку вещи, а потом приехали уже, нас забрали, и мы поехали домой. Приехали домой. Не домой, да, это длинная сказка. И поехали. Папа остались, будут ехать, как вещи наши погрузят, папа с вещами будут ехать, а мы на таком же поехали поезде. В Краснодар приехали, мама больная, я тяну маму, тяну ящик, там ящик каким чином остался. Ну, с Краснодара выехали, в Дивную приехали. В Дивную приехали – и идем же прямо. А мост, мост недалеко уже через Маныч, мост. Там специально дежурные, милиция стоит там, домик, милиция там живет, и они говорят, не пропускать зря кого. Ну а мы ж пошли, пошли, приходим, а нас не пропускают. Надо пропуск, надо в

¹ Дуже – очень.

² Грец – черт, нечистый. На грец – зачем.

³ Воруются – двигаться, шевелиться, ворочаться.

⁴ Цикавый – бойкий, смелый, чересчур острый на язык.

Дивном брать в сельском совете пропуск. Мы просились-просились, мамочка старенькая. Я прошу: «Мама больная». Ни в какую не пропустят. Пошли мы назад в сельский совет же, а там людей – уже по три – по четыре дня ждут, очередь, и никак не дождутся. Ну а мне как-то тут уже посчастливилось что ли. Встретилась девушка с нашего села, повстречались, поздоровались, она говорит: «Ой, Назаровна, та мы, – говорит, – я, – говорит, – уже три дня живу здесь и никак не дождусь очереди». А очередь – ужас, лежат люди по двору, и в совете полно. Ну а тут или, може, сжаловались на мамочку, эта девка со мной подружались, и приходим в сельский же совет, прямо в сельский совет зашли, мама ж больная, просим. И они сразу выписали пропуск, сразу выписали, и эта девушка помогла, через, уже через Дивную тянут тот ящик, и вышли вже мы, ну уже последние дома, тут уже степь, и видно вже мост. А мост недалеко так, ну, с полкилометра, може, или несколько метров. Сели отдохнуть под последним домом там, на завалинку, сели, отдыхаем, а смотрим – из моста выехала, выехал кто-то парой лошадьми, бричкой. А эта девка сразу говорит: «Ой, вон мой братик поехал, Петя поехал». А я: «Да откуда он, братик?» – «Нет, то братик поехал, то братик». И она подхватывается, дальше отбегает, машет платком и с тем, что братик, и всё. И я вышла, машем платком, машем платком, а он едет, не видит. И уже доезжает до села прям, чи, может, ему кто сказал, чи сам как-то. Увидел, что машет. А так он бы в село въехал, и разминулись бы. Мы машем платком, машем, он увидел. Смотрим – поворачивает, едет к нам. И действительно, ее брат. Так вот нам посчастливилось, а то я не знаю, с мамочкой бы, что, пеши идти шестьдесят километров, мама больная. Ага. На бричку сели, мы с мамой на ящик сели, а она села с братом, на доске сидят. И они приехали. Ну что еще?

Расскажите, как дальше. Очень интересно вы рассказываете. Что дальше было? Как вы вернулись? Вы потом в Кресты вернулись?

В Кресты, вот это ж прямо домой, прямо до порога тот парень нас подвез, наш дом остался целый, ну в общем, всё целое, не, не всё. Хвигель, кому-то надо были окна, наверно, строился, а в хвигеле окна красивые, большие. Так прям от так, а он же хвигель, и я ж вам говорила, и амбар. Так отак отрезанный, так аккуратно отрезанный хвигель, а коридор и погреб, коридор и кладовая остались до того, до сарая. А от эти углы забратые, и окна забратые. Ну мы за тем не жалели абсолютно. Дом абсолютно целый, ни стекло не разбитое, потому что там у нас организовали какой-то, назвали какой-то квартал, квартал. Вот неграмотный мужик там сидит, неграмотные мужики вечером собираются со всей улицы, собираются там в доме, что там у них.

С.А.: Разговаривают, новости там.

Е.Н.: Курят, плюют там, харкают. Ага. И в доме уже как у кибитке. Столы, два стола длинные, две скамьи длинные, там что ты куда! Ну! Сходятся.

С.А.: Все со всего же квартала этого.

Е.Н.: Квартал называется. А мы ж это с мамой приехали, сразу я тут, посадили возле порога помидорчиков немножко, то перчик, что там. Картошки немножко, с ведро, прям возле порога. И тут я клумбы посадила, цветы. Ну с мамой-то, а живем у той кладовочке, где осталася от хвигеля кладовочка, кладовочка и колидор. У колидорчику печечка, у нас была печечка, так она и есть. В кладовочке живем. И смотрим же на этот дом, на свой же дом, жалко, стоит такой бедный, скучный, ну считай: немазанный, небеленый, подваленный, уже некоторые углы обвалены. Смотрели-смотрели, и мама и говорят: «Дочечка, давай, – говорит, – хоть углы позамазываем». А дождь, и дождь, и дождь, и дождь. Каждый день дождь идет. То до обеда, то после обеда. Уже возле двора возле нашего лужа стоит уже зеленая, а мама говорят: «Давай хоть грязюкой эти углы позабываем». – «Ну давайте». – «Яму не будем копать, а прямо грязь, сбием вот так грязь». Пошли в огород, посмотрели там старинные, давние, загата стоит, она уже сгнила.

С.А.: Загата – знаете, что такое?

Нет.

Е.Н.: Загата – канава.

С.А.: Загата – это вокруг сараев раньше делали из соломы забор. Вот как загородка для сарая. И зимой овцы там или коровы выходили сюда, а всё это было, спрессовано было уже, солома сбита, ну чтоб там, наверное ж, ставили какие-то эти, палочки, чтоб оно не расплзалось.

То есть это как забор перед сараем, чтобы овцы не разбегались далеко, да?

С.А.: Да, и тут как зимой выход был. Вот, это загата. К загате там же столбы, и ворота ж, и открывалось, и там поили, там кормили, и всё такое. А на ночь загоняли в сарай, чтоб тепло было, вот так. Животные ж должны были прогуливаться. Так, [рассказывайте] дальше.

Е.Н.: Ну вот мы пошли, ту загату посмотрели, как раз оно уже поперепревало, принесли несколько грязюки, сдвинули вот так, я замесила ногами, ну позамазывали, где здорово обвалилось, позамазывали черной глиной. Ага. На второй день уже я собираю конские, конский кизек, кто коров прогнал, я собираю, песка натаскала в балке.

С.А.: Потом поновляли, так называется.

Е.Н.: Поновили, а представьте, в сарае – у нас полный сарай оставалось лесу, лесу: доски, бревна хорошие такие.

С.А.: Отец был хозяин, поэтому.

Е.Н.: И вот, наверное, Кирилл же продал его, всё это продал.

С.А.: А Кирилл – это зять был старшей сестры.

Е.Н.: Из наших же бревен и досок кто-то строил, и понадобились ему эти окна. И хвигеля отрезали половину. А в сарай, что было в углу – грабли, лопаты там, вилы, тляпка, глина белая, куча глины лежит – ничего не тронута. Ничего.

С.А.: Потому что вроде бы ж собрание было всегда, начальники собирались, никто туда не лез.

Е.Н.: Никто не за... В доме даже, знаете, полик, у передней полик, не кровать, а полик, а на полику там то полсть, то рядно, то там.

С.А.: Полик – это лавка.

Е.Н.: Куртка пооставалась там, как лежала, так и лежит. Ну ничего-ничего не тронута. Ну и полазили мы это с мамой, потом поновили, а лестница сохранилась.

С.А.: Мам, а сколько ж вы там были, в Краснодарском крае, что вот за это время, за этот промежуток это всё осталось? Сколько ж Вы там были?

Е.Н.: В тридцать первом году, в марте, мы туда приехали, а оттуда в марте... Ну год. В марте месяце оттуда уже мы приехали.

С.А.: А в тридцать втором уже приехали. За год даже никто ничего не растянул.

Скажите, а в тридцать втором году, я слышала, голод был сильный.

Е.Н.: В тридцать первом был сильный голод, потому что, вот потому ж и.

С.А.: Вот это ж так и образовался голод, потому что их туда перекинули, люди, там не давали, ну не посеяли и всё.

Е.Н.: Представьте себе: в марте месяце надо сеять, ну по домашности там кто вскопал, а то сеять надо, а они в марте месяце посылают в Краснодарский край. Уже не посеяно, ну вот.

С.А.: И оттудова они вернулись в марте. Опять чем-то надо сеять. Вот и голод.

Е.Н.: И образовался голод. Селами люди вымирили, селами. Вот в селе все умерли.

А когда голод был, Вы были в Лабинской или уже вернулись в Кресты?

Е.Н.: Мы уже вернулись в Кресты, мы у Кресты вернулись и тоже голодные были, вернулись, папы еще не было, мы с мамой вернулись, живем с мамой, а папи еще нету. А мы же начали тот дом мазать, помазали дом, побелили, со ставнями. Голубые ставни, повытирала, оно всё, снаружи вся паутина, ну всё повытирала. А мужики там же, в комнате, улыбаются, смотрят там: «Дочка, дочка, вот еще вытри, вот-вот, вытри». А мне-то хорошо, что он показывает, где. А в хате ж, из комнаты уже стекло не видно, уже там.

С.А.: Заросло дымом и пылью.

Е.Н.: Дым, ага. Всё, как побелили дом, ну кто не идет, так: «Ой, сразу видно, что хозяйева есть, сразу видно, что хозяйева есть». Ну опять, прошло несколько дней, дом у нас – красавица, с мамой в доме копаемся, мама и говорят, мама пошли посмотреть, что ж там мужики делают: читают, или рисуют, или что. Полный зал! Сидят, курят, плюют, харкают, а говорит, а дыму! Топор вешать можно. Мама заходят, и стены черные, как у кузнице. Мама заходят, начали бурчать, говорить: «Ай-яй-яй-яй-яй, мужики, да что ж вы делаете, чем же вы дышите, уже от дыму не видно окон, что ж вы харкаете на пол, да еще и разотрет его так». Ну они молчат. Мама там побурчали и вышли, ничего не сказали. Приходят, мне рассказывают. А потом говорят: «Я скажу Андрею Васильевичу, – безграмотный

совершенно, а он начальник был, начальник, – я скажу Андрею Васильевичу, может, разрешит выбелить». Ага. На второй, на третий день заходят, а он один сидит, с внучками, у нас рано открывались, а он сосед, через улицу. Три внучки у него, он кричит: «Идите сюда!» Они поприбегают, он целый день с ними играет. Днем мужики на работе, а вечером же приходят в этот гвалт.

С.А.: Обсуждают дела насущные.

Е.Н.: Политикой занимаются. Ну, мама заходит, а он же ж с внучками. А мама и говорит: «Андрей Василеч, давайте, – говорит, – я вам выбелю, мы вам выбелим у комнате. Ну что это вы в такой грязи сидите». Он: «О! Кузьминична. Пожалуйста, пожалуйста. Если можно, пожалуйста». – «Ну, – говорит, – давайте ключи, мы завтра начнем». Он маме ключи с удовольствием отдал, ага. Мама приходит, говорит: «Андрей Василеч разрешил завтра выбелить». А у нас же глина есть вон в сарае, набили глины, размочили глины, на второй день как узялись, один стол вынесли, одну скамью вынесли, ну один нужно ж стол, на столе чтоб. Я черную грязь собираю по стенам да по потолку, а мама за мной белит, белит, белит. Стол длинный, на одном столе стоим. Выбелили комнату, выбелили, окна повымывали. А окна – тут же эти, стенки, называли короба. Рамы голубые, короба голубые, всё ж повынимали. Красавица. Землю мазать противно было, пришлось, лопатой тягали.

С.А.: Счищать.

Это с полов?

С.А.: Ну да, с полов, они ж не были полы.

Е.Н.: Полов не было, земля.

С.А.: Там же земля была раньше, там не было полов, там земля и мазалась, вот они же счищали всякую гадость, а потом же начали мазать.

Е.Н.: Я окна повытирала, а окна, стекла – не видно на улицу, повытирала всё, красота, красавица-комната. Побелили, у зале побелили за день, стол вынесли, всё уже сюда, в переднюю, зал закрыли. На второй день утром прибегают, а у нас как раз стол стоит, до порога он прибегают, мужик зашел, но тут же стол стоит, не пройдешь: «О, Кузьминична, вы белите?» – Мама говорит: «Сейчас в зале побелили, а теперь от у передней». Он повернулся, ушел. Ушел, мы за сегодня у передней побелили, всё побелили, тоже так же красоту сделали, стол вынесли, скамью вынесли и в коридоре побелили, вышли с коридора, вот такой замок прицепили на дверях. Там от света замок был.

И там остались?

Закрыли этот дом, а тут верандочка, на верандочке пол помыла, всё, красота. Приходит Андрей Давыдович¹ завтра, приходит: «Кузьминична, дайте ключ». А мама говорят: «Андрей Давыдович, ключа я не дам». – «Как это вы не дадите?» – «Да так, не дам и всё. Издеваться, – говорит, – так над комнатой, что вы сотворили с нашей комнатой?» – «Так это ж дом не ваш!» А мама говорят: «А почему не наш?» – «Вы его бросили, уехали». Ага. «Это ж квартал, это ж уже государственное». А мама говорят: «Так почему ж ты этот квартал не привел к себе? У тебя тоже дом же есть? Что ж ты не привел? Что ж ты шел через дорогу с внучками играть? Почему ты дома не играл?» – «О-о, будем жаловаться». А мама говорит: «Жалуйтесь». И он прямо со двора хлопнул калиткой, ушел прямо, наверное, в сельский совет жаловаться. Ну а мы ж с мамой копаемся там возле порога. Перчик, что там, картошка, не знаем, что там, пололи, наверное. Вот тебе. Прибегают верховой, а он же как хлопнул калиткой, открыто, так, что верховой без остановки как бы заскакивает во двор, а мы тут во дворе, а он же там нажаловался, он прямо как закрутит лошадь, прямо аж лошадь вот-вот сядет на задние, на задницу. Крутит, дуже страшный человек. «Кто вам разрешал в этот квартал, почему не открываете квартал?» – Мама говорят: «Я не открою». – «Почему, этот квартал государства». – «Это моя квартира, мой дом, я ключа не дам». Он открывает: «Судить будем! Судить будем!» Мама говорить: «Судите, я не открою. Имеете право открывать, открывайте, заходите, а я ключа вам не дам». Не отдали ключ, он рванул, побежал в сельский совет тоже, наверно, жаловаться, что не дают ключ, и до сих пор мы его не видали.

[...]

¹ Вероятно, имеется в виду Андрей Васильевич, представитель начальства, о котором шла речь ранее.

Рис. 1. Е.Н. Дубинская с родными, село Кресты, 1933 г.
(фото из семейного архива Е.Н. Дубинской)

И ото я до марта месяца [1934 г.] поработала. А тут депеша, на заведующей детплощадки. Срочно высылайте пять человек на заведующую детплощадки. Как начали в колхозе выбирать девчат. Кого ж посылать. Та совсем неграмотная, другая совсем неграмотная, а третья буквы знает, но неграмотная. Она не хочет ехать, но что ж она поедет, ей стыдно ехать, она ж неграмотная, что ж. Уже они там собирают-собирают, вызовут одних – та не схотела, другая не поехала, ну кое-как таки собрали четыре, а надо пять. А пять надо – знают, что я – только вытяну я, стыдно вроде колхозу, что. И меня пятую послали. И сняли меня с кладовщиков, как раз один приехал с армии парнишка, Репкин Ваня, и его поставили кладовщиком, а меня послали учиться. И в тридцать четвертом году меня уже. Тридцать четвертый, тридцать пятый, тридцать шестой – я три раза была на курсах.

С.А.: Тридцать пятый, тридцать шестой – у вас даже фотография здесь есть.

Е.Н.: Уже работаю заведующей, и опять посылают меня, опять посылают пять человек обязательно, и с заведующей меня снимают и опять посылают учиться. Теперь, значит, уже три года, я уже работаю заведующей, три года работаю я ученой заведующей, а то я год проработала еще воспитательницей. В тридцать седьмом году уже опять пришла депеша, что немедленно зимой, немедленно организовать лагерь, местный лагерь организовать для детей. Зимой, зимой.

А зачем зимой лагерь?

Зачем? Ну затем, чтоб детей в лагерь.

А зимой они разве не в школе?

Нет, ну, слушайте ж. Зимойю – за зиму чтоб приготовили, пока в мае месяце дети закончат учиться. А на лето чтоб у лагерь. И наше правительство заворушило. Нашли место, нашли там амбары, а я вот не скажу, и сейчас не скажу. Четыре амбара и землянка-кухня.

С.А.: А подождите, вы уже за пионерский лагерь хотите рассказать? О, вот это интересно.

Как – зимой лагерь?

С.А.: Ну они готовят зимой, к маю чтоб он был готов. Потом в мае, чтоб они вошли в готовые эти.

Е.Н.: Чтоб подготовили, пока дети закончат в мае месяце, чтоб лагерь уже был готов. Ну, и правительство заворушилось: как начали готовить. И там сделали такой не лагерь, а чудо-лагерь сделали. Там подвал, там, видно, раньше жил человек богатый, там подвал – такой подвал, холодильник, что в жизни такого ни у кого нету, как что был подвал. И там

продукты, там лед, наши, наши ж набили льда. Набили, он подвал сделанный четырехугольный, сделали закрома так сантиметров на семьдесят вышиною, наверное, или восемьдесят. А в эти, значит, канавки, кругом заборчик, а кругом набивают льдом. Лед, на речке бьют лед, потом привозят, сюда кладут лед, разбивают его.

Рис. 2. Комсомолы на заседании бюро райкома комсомола в селе Ремонтном Ростовской области, 1936 г. (фото из семейного архива Е.Н. Дубинской)

С.А.: Вырывается подвал, накрывается так же камышом опять, потом лед засыпали соломой, и он всё лето до самой... Это у нас и в «Красном чабане» было, я жила, и в «Юбилейном»¹ так раньше делали, да.

То есть это зимой его набирали и туда забивали?

С.А.: Закладывали, и он всё лето, и потом кастрюли же с продуктами, и никогда ничего не пропадало. А сейчас холодильники – отключат свет, и всё. Дети травятся, дети травятся. А тогда не травились дети.

Е.Н.: А сам же, сам же он так сделанный, как бассейн.

С.А.: Цементом обрабатывали.

Е.Н.: Цементом, цементом, всё заделано цементом. Весь же в цементе, куда там: и пол, и весь, и эти ж заборчики цементом, крепкие, чтоб они не разбили же, когда понабивают, потом соломой накрывают, а на солому кладут такие рештаки деревянные, как пальцы.

С.А.: Рештаки – это вот сбитые такие.

Как щиты?

С.А.: Как щиты, только щели есть.

Е.Н.: А на рештаки – туда уже и мясо кладешь, и борщ становишь, кастрюлю становишь на эти рештаки. И оно стоит у нас там.

¹ «Красный чабан», «Юбилейный» – овцеводческие совхозы в Зимовниковском районе Ростовской области.

С.А.: Не прокисало, не пропадало ничего, потому что это был холодильник.

Е.Н.: И всё было приготовлено, как только ученики, школа закончилась, родительское собрание в школе, родители, всех же вызывают родителей. Родители на собрание пришли, начали им объяснять, родителям, что.

С.А.: Что такое пионерский отряд, да? Вы ж должны были организовать пионерский отряд еще там, да?

Е.Н.: Ну да, на собрании объясняют родителям, что теперь дети у детплощадку уже не пойдут, а пойдут в лагерь. А люди сразу: «А шо цэ такэ – лагерь?» А раньше ж людей как судили, судят, говорят: «Отправили в лагерь». И сразу люди боялись. «А шо цэ такэ лагерь»? Ага. Потом собрание кончилось, они у меня спрашивают: «Дуся Назаровна, а шо цэ такэ лагерь? Расскажуй». А как? И на собрании ж задают вопросы: «А шо ж оны там будутъ йисты, диты? А шо ж оны будутъ там делать?» Им объясняют: дети будут там отдыхать, там речка, там будут купаться, отдыхать, продукты там будут у них, и всё у них будет. Ага. А люди боятся. Первый раз же боятся. А кого выслать в пионерлагерь? Выслать в пионерлагерь надо пионер... Ну как бы назвать.

С.А.: Пионервожатую.

Е.Н.: Пионервожатый нужен. А его негде взять. Кого? Литвинову, Литвинову. Пионервожатый – Литвинова, заведующая лагерем – Литвинова, всё Литвинова. Вот хоть верите, хоть нет. Пятьдесят человек детей – нас две женщины в лагере. Пионервожатая, ну я, и кухарка. И всё. От хоть верите, хоть не верите, как хотите.

С.А.: Всегда рассказывает, и мы поражаемся всегда.

Е.Н.: Ага, поражаются и кое-когда не верят мне. А я говорю: «Что ж я буду вам врать, что ли?» Нету возле нас ни мужчины, хоть бы какой-нибудь там калека мужчина был, чтоб в лагере мужской звук был. Нету. Одни дети и нас две. Правда, дети, что большие уже, уже и по двенадцать, по тринадцать лет есть дети, девочки уже вот такие есть, ага, большие. Ну, однако, как вот сейчас послушаю в лагере: там и милиционер, там и врач, там и пионервожатая, там и сторож. Почему ж я была в степи за двенадцать километров от села, в степи, я была, считай, вдвоем мы были с ней.

С.А.: Вокруг пшеничное поле.

Е.Н.: А вокруг лагеря пшеничное поле, прямо так обпахано пшеничное поле чуть не в человека. И оно нам сделало, прямо как двор. Красиво так! А тут широкая дорога, заходим – ой, боже мой! Ну вот же ж мы когда пришли в лагерь.

С.А.: Вы ж не рассказали, как вы одели их, как вы вели их в лагерь. Ну-ка расскажите. Это ж самое главное, интересное. Никто ж не знал, как одевать, как что там, горн там.

Е.Н.: В общем, когда объявили детям, родителям в школе и сказали, что родители все для детей должны пошить трусики. Раньше ж то без трусиков ходили. А тут же дети пойдут купаться, чтоб были во всех трусики. Одежда будет наша, мы ихнюю одежду снимаем, наша одежда, в нашей одежде. Ну а трусики чтоб были во всех. Ну на второй день после этого уже начали наши эти из площадки с нашей все кровати, всю-всю мебель туда возить. Возят женщины, возят там, амбары там выбелены, вычищенные, амбары хорошие, вывозят туда наши кровати все, становятся женщины. Ага. Я получаю продукты. Ну от вы хоть верите, хоть не верите. Я, я ж говорю, я заведующая, получилось, что я заведующая, я пионервожатая.

С.А.: И завхоз тоже, и повар.

Е.Н.: Я получаю продукты, получаю продукты. Быкох запрягли, две женщины со мной. Подъехали в колхоз, в колхозе до кладовой. Я получаю с кладовой. Вот слушайте. Мешок муки, мешок пшена, мешок крупы пшеничной, муки мешок, крупы лошадиной...

Овсяной?

Е.Н.: Овсяная. Мешок сушки на компот, яблоки, сушеные яблоки, вишни там. Получаю всё. Представляете, сколько я получила на руки?

С.А.: А мясо еще.

Е.Н.: Мешков сколько получила. Получила я всё это.

С.А.: А мясо?

Е.Н.: Мяса еще нет, мяса еще нет, я от это получаю, и всё такое. Всё получила, подъезжаю до магазина, до того магазина, в котором я и работала. В магазине беру мешок сахару, мелкого, не рафинаду, мешок сахару мелкого, беру четыре коробки печенья. Две коробки печенья – раньше были такие куколки, то лошади. Одна сторона розовая, одна

белая. Вот такие пряники – два ящичка. А другие ящички – просто такие белые, как вот сейчас, белые, в сахаре.

А формой, как лошадь, сделаны?

Е.Н.: Она прямо вырисована, печенье вырисовано, как лошадка и как кукла. И головка есть, ну рук же нету, а так. И представьте: сколько я продуктов получила на детей! Привезли все продукты, все в кладовую, там кладовая хорошая, в кладовую всё поставили, а харчевоз уже нам привез мясо, масло, яйцо, молоко, растительное масло, сливочное масло, всё вот такое нам привез уже харчевоз. Не нам, а меня там еще нету, а то продукты.

С.А.: И посол уже там, всё уже там, да?

Е.Н.: А там уже всё-всё-всё. А сегодня уже отправили и кухарку, и последних деток, тех, которые сироты, тринадцать человек, они ж тут ночевали, домашние-то домой пошли, а эти-то здесь ночевали, сегодня ихние кровати отправили и кухарку отправили, посуду отправили, всё. И кухарка нам до обеда уже наварила борщ, и вот эти две женщины, которые возят, расставили кровати. Ну они ставили сами и смотрели: сколько можно тут поставить. Амбары два, большущие-большущие, длинные. А два чуть поменьше. И так же вот так стоит кухня, эта землянка длинная, тоже длинная, а так стоит два амбара. А потом здесь два амбара. И получилось как двор, как двор получился. И до того хорошо уже рабочие сделали, хорошо. Прямо вот заходишь – тут же пшеница кругом, как ворота вроде. Как заходишь, тут на воротах стоит корыто. Половина корыта воды, возле корыта это.

С.А.: Рештак?

Е.Н.: Рештачок, рештак. Тут рядом рукомойник, рештак. Рядом полотенца ж висят, рештак.

С.А.: Мыло, мыло было?

Е.Н.: А как же! Рукомойник – на десять сосков рукомойник, мыло тут же лежит. Руки, дети, ноги ополоснули на рештак. И тут полотенце прошлогоднее, мы им же приказываем, детям, что вот, ноги вытерли, и по рештачку, в рукомойнике руки помыли. А кто умывается. Ну говорю, кто там хочет – умылись, вытерли полотенцем, полотенцев ж куча висит. И по рештаках, до стола прямо рештаки лежат, по-над порогом, и до стола, до столов, столы кругом, с рештаком, и сразу идите, садитесь за столы. Дети сразу тож всё, сели за столы, ну на столе клеенки не было. Мне это одно не понравилось. То всё хорошо, а то не понравилось. Кухарка начала их кормить, начали мы носить, и я, и она начали носить, и женщины эти, накормили детей, и женщины позавтракали, всё женщины тут сделали, женщины всё: кровати все убраны, все застелены, всё как ото в больнице, одеяло вот так сложенное тут, одеяло видно, одеяльце видно, так красиво, беленькое, как... Открыли, откроешь, на дверях простынями завесили. И вот представляете, мух было мало, мух очень было мало.

Так чистота же.

С.А.: Чистота и в поле, там ни животного, никого нет, поле, это только черепашки должны были быть. Так, мама, я, знаете, что до сих пор не могу понять, вы же не рассказали, как вы шли туда в этот отряд, как у вас получилось красиво это, как видели вас с горном. Это тогда или когда образовали пионерские отряды? Я вот это вот уже спутала.

Е.Н.: Пионеротряд когда организовали, еще в школе, а в школе ж привезли галстуки, привезли маленьким детям октябрятские...

С.А.: Мам, подождите, давайте уже закончим за лагерь. Значит, всё там было прекрасно, и вы там прожили три месяца.

Е.Н.: Да.

А что дети делали, когда вы были в лагере?

С.А.: А я просто хотела уточнить, как вы туда шли.

Е.Н.: Пришли мы с детьми, пообедали, легли мы, как только пришли.

А вы пешком шли в лагерь?

Е.Н.: Мы пешком, решили пешком. Вышли, это если б не языком рассказать, это видеть только. Когда провожали детей, дети утром все пришли в детплощадку. В детплощадке я их передела все в свою одежду: у девочек розовые платица, с цветочками.

С.А.: Сама шила, она ж шьет. На гитаре играла, на балалайке играла.

*Рис. 3. В центре Е.Н. Дубинская. Середина 1930-х гг.
(фото из семейного архива Е.Н. Дубинской)*

Е.Н.: У мальчиков – голубые трусики и тут, как это, жилеточка, красиво так, голубое, голубое с розовыми. Знамя красное, и тут барабанщик.

С.А.: И горн даже был.

Е.Н.: Горн – а как же, горн, горнист. И этот, барабанщик, горн и знамя. Ну вот, все свои места знают.

С.А.: Вы же репетировали, да? Вы перед этим их репетировали.

Е.Н.: Да, они у меня отрепетированные. Господи, я сколько лет работаю, я их уже там, они у меня, хоть верите, хоть не верьте, они, детки, у меня были, как ангелы. Без моего разрешения и шагу не ступнет, без моего разрешения.

С.А.: И вот это же пшеницы было поле – и она сказала: никто не пошел, не повалял, ничего не сделал. Пятьдесят человек.

Е.Н.: Ну, когда мы пришли, да, вот я ж расскажу, как мы шли. Во дворе одела, а двор, вы же не видели, как у Светы, точно так, как у Светы. Что два двора занимает, так в том дворе у нас игральная была, а в этом дворе – сюда заходят в столовую. Ну здесь их, зашли все дети, я переодела их, красота такая, а там уже родителей собралось возле того двора.

С.А.: Думали плакать, думали всё, что там они будут.

Е.Н.: Ну если пятьдесят человек детей, пятьдесят родителей, по одному если пришли только.

С.А.: Так еще начальство же какое-то было.

Е.Н.: Не было никого пока, пока-пока, слушай.

С.А.: Ну свои-то были, колхозные какие-то были?

Е.Н.: Одеда, строго-настрого приказала, но они давно знают, дети ж, за эти годы я их вымуштровала, они знают, кто с кем идет рядом, кто за кем идет, что, в шеренге если идете, чтоб не улыбались, чтоб не дергались, чтоб никуда не разглядывали, шли, а идите, как струна. И так они у меня и ходили. Ну тут я их переодела. А там уже, в том дворе, не в дворе, а за двором, на улице, людей собралось – это сколько учеников, сколько родителей пришло, а потом еще такие кто поприходили, а потом приехали председатель сельского совета Бугуславский и с секретарем приехали сельского совета, из колхоза приехали секретари это обое: Фёдор Афанасьевич и Владимир Иванович – приехали секретари на линейке¹. Тут просто митинг, митинг и всё. Я детям приказала, ну тут подняли, развернули знамя в этом дворе. Всё, дети, шагом марш, в одну шеренгу, шагом марш, в тот же двор. И приказала: «Смотрите, никаких улыбок, никаких выскаков, там что-нибудь кричать, мамы там будут – вы ничего не обращайтесь ни на кого внимания». А там же ворота уже открыли, люди как хлынули во двор, дети маршируют, маршируют, а родители некоторые плачут, стоят, плачут. «Да куды мы вас отправляем, да шо ж вы там будыты йисты». Ну в одну шеренгу, потом я скомандовала: «Шеренга, в два ряда шеренга». Шеренга построилась в два ряда. Стоим же, барабаны и горн, а потом знамя, и с песнями вышли ж. Ну всё это прекратилось. Тут начали выступать секретарь один, секретарь другой, выступают перед детьми, и главное – все приказывают, один выступил, чуть не одинаковая речь, и другой: «Дети, да смотрите, Дусю Назаровну слушайте, если вы не будете слушаться Дусю Назаровну, сразу из лагеря будем провожать, выгонять, слушайте». И там ну много кой-чего говорили: «Да смотри, да только слушайся». И всё. Только слушаться. Никаких ни уходов, ни... Другой выступает, тоже ж такое выступает. Секретарь сельского совета выступает – тоже ж такое. Главное – никого нет, одна Дуся Назаровна. Только ее слушайте, и всё. Ну, потом я – марш, всё, барабан, барабан, горн, как застучали, закричали, и песню как: «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед». И от двора выходят. А матери цепляются до их, а я им приказала, детям: «Мамы будут цепляться, вы ни в коем случае не выходите». Ага. Они – мать цепляется, а оно идет, отталкивает. Вышли, тут сразу завернули, уже по улице прямо нам идти.

С.А.: Двенадцать километров!

Е.Н.: И ты идешь, и все-все эти родители и секретари колхозные ехали за нами, мы с песнями вышли за село, а председатель колхоза уехал. За село вышли, тут я дала им, значит, свободно поиграть тут, всё, знамя свернули, и тут родители начали прощаться. Ой, боже мой! Плачу сколько! Да что вы! И дети некоторые плачут, и мамы плачут. Да суют им что-то йисты, ну а мы, а я ж так и объявила, что будем идти пеши, двенадцать километров, для нас это ничего не стоит. Ну всё, спустились и пошли мы пеши. Пошли, а оно ж в мае месяце, трава зеленая, цветочки везде, свободно пошли, девочки цветы рвут, и пошли мы. И так незаметно дошли. Ну попался лиман, зеленый такой, зелень там, то цветы, васильки, то березка, то еще какие там цветы. Заячьи это.

С.А.: Ушки.

Е.Н.: Ну всякие там цветы. Ну, давайте отдохнем. Сели отдыхать, я за дорогу составила четырехстишье, думаю, ну как же, в лагерь заходить, там же нас будут встречать, мы ж молча не должны заходить. И придумала:

Ох, ты, лагерь наш родной,
Принимай, наш дорогой!

Ну четыре слова. И давай с детками учить. Разучили. Пойдет? Пойдет.

Здравствуй, лагерь наш родной,
Принимай нас, дорогой!

Мы как только придем, будем заходить, там же женщины нас будут встречать, сразу крикнем женщинам вот так: «Здравствуйте!» И они нам скажут: «Здравствуйте». Ну заходим, а тут же как раз камыш, родник, тут пролив был, знаете, откуда, там уже родник такой, заросло зеленью, а тут камыш, и как раз напротив лагеря. Видно, они ходили ж, ну рабочие переходили, переходить можно. И дети с тем, что давайте перейдем здесь. Я говорю: «Нет, дети, мы не знаем, какая глубина, что ж мы будем по камышу лезть? Порежемся, то-

¹ Линейка – вид транспорта, длинная многоместная открытая повозка, в которой сидят боком к направлению движения.

другое». Ну они ж как я сказала – всё. А кругом обходить – это целый километр. Ну а так идти, по-над прудом, по-над тем же каналом, а потом пруд начинается, потом аж на греблю¹ – это полкилометра. Да назад же идти опять сюда ж точно. И только до гребли дошли, ой, боже! Дети как вскричали: «Дуся Назаровна, давайте скупаемся, давай скупаемся!» – «Не-не-не». Ничего, никто и до воды не подошел. «Придем, – говорю, – мы поморились, мы употели, пообедаем, потом наша воля будет купаться». Пришли ж ото. До угла дошли до этого, раскрыли знамя, барабан, в горн заиграли, всё, музыка. И песню заиграли. Выходим уже ж до лагеря, доходим, только доходим до лагеря, две женщины и кухарка выскочили, встречают нас. Я детям говорю: «Давайте, “Здравствуй, лагерь наш родной, принимай нас, дорогой”». Женщины: «Ой, здравствуйте, дети!» – «Здравствуйте!» – «Заходите, заходите». И ото зашли мы, а потом после обеда как легли отдыхать, а уже в пять часов вечера проснулись.

С.А.: А ну что вы тут делали, вот быстренько скажите и...

Е.Н.: Ну вот проснулись. И сразу: «Стройтесь, пойдем на речку». Все построились, голенькие, ну в одних трусах. Построились, уже знамя не берем, горн не берем.

С.А.: Конечно, что там делать со знаменем. Купаться со знаменем – это вы уже слишком.

Е.Н.: Только под барабан. И пошли на речку. И тут же я им сразу рассказываю. Смотрите. Ни один чтобы не выбежал наперед, ни один чтоб ногу не помочил. Если же хоть один без моего разрешения помочит ногу в воде, то все не купаемся, все идем назад. Мы не купаемся. Вот так, смотрите. Приходим, ну я ж команду: «Ну всё, остановились». Там, на куту, трава зеленая, они выстроились над прудом все стоят, готовы прыгнуть в воду. Я говорю: «Нет, дети, полезу я первая, проверю воду, какая вода. Может, вода негодная купаться, может, нельзя там вообще купаться». Я говорю: «Смотрите, я недалеко от гребли, ну значит, прыгну в воду, и буду руку вам выставлять. Увидите вы мою руку из воды или нет. Ну, опустилась в воду, глубина большая, руку подняла, и они не видели мою руку. Я выплыла, метра два проплыла, еще окунаюсь, еще опять же поднимаю, я, когда выплыла, говорю: «Увидели руку?» Они говорят: «Нет, не видели». Ну, я метра два проплыла, говорю: «Ну, теперь смотрите». Опять же показываю им руку, они увидели пальцы мои, значит, тоже глубина хорошая. Ну всё, третью партию проверяю. Всё, везде прошла, до самого конца пруда дошла, проверила. Ага. Ну вот, те старшие купаются вот здесь. «До гребли близко не подходите», – потому что, я когда нырнула, там слишком большая глубина и гребля неровная там. Там яма какая, канава какая, камни какие-то, ну накидало что-то. «До гребли близко не подходите, вот здесь купайтесь. И ни в коем случае чтоб никто не баловался. Без меня никто не идет». Ну скомандовала первой группе: «Ну, первая группа, заходи, старшие». Только зашли первая, и Каменюкин тот же, что я всегда рассказывала.

С.А.: А, Каменюкин, самый балованный.

Е.Н.: Водой, водою одной девочкам в лицо, в лицо. Я команду: «Каменюкин, ну-ка давай сюда». Он выходит. Я говорю: «Мы как договаривались, что баловаться нельзя». – «А я не балуюсь». – «Как это ты не балуешься? Ты девочкам брызгал в лицо, ты брызгаешь в лицо, она захлебнулась, она закрывает глаза, и потом здесь так же много воды. Она захлебнулась водою и тонет. И при тебе утонула. И ты говоришь. Разве можно брызгаться? Ни в коем случае чтоб не брызгались». Ну всё. Эти плавают, другие пошли, третьи пошли. А я только стою над берегом, наблюдаю, наблюдаю, как купаются.

С.А.: Ясно, вы и своих так учили. Всех выучила плавать, все умеют внуки. Семь человек – и всех выучила.

Е.Н.: Покупались, ну не знаю, без часов, главное – работала без часов. Ну, уже чувствую, что хватит уже, команду: всё, выходим. Вышли все. «Ложитесь на спину и руки закладываете вот так. Все за голову руки. Все так легли. Лежат на зеленой траве, лежат, загорают, загорают. Ну там минут десять чи двадцать полежали, некоторые даже аж заснули. Ну, я команду: «Подъем!» Все поднялись: «Давайте опять в воду». Опять они в воду, опять они купаются, ну сколько, я же чувствую уже: хорошо покупались. Выходим. Выходят. «Ложитесь на животики». Легли все на животики, опять говорю: «Руки держите за головой». Так же они лежали так. Одна сторона загорала, потом другая должна загорать.

¹ Гребля – плотина.

Полежали – третий раз. Три раза хорошо покупались, хорошо позагорали. Ну, хорошо уже покупались. Ну хватит, всё уже, и пошли домой. И пошли туда. Говорит, чем занимались. А чем занимались – придем же ж оттуда – так там у нас и стихотворения, и всякие – да что ты!

С.А.: Но самое главное забываете сказать. А пирамиды¹ когда делали? Вы же еще и пирамиды с ними показывали.

Е.Н.: Пирамиды, делаем пирамиды. Пирамиды, маршируем каким-то там. А вечером костер разжигаем, нашла я за амбаром, таз как раз попался такой, корыто вроде. Так туда накладем, разожжем сырые дрова, потом подкладываем, одно дым только, и комаров нет. И у нас до двенадцати часов и песни, и что, и танцы, и что только мы делаем. А пирамиды – это я днем делаю. Днем занимаюсь – пирамиды всякие, начиная с трех человек по двенадцать. И вот за всё лето только два раза приходила комиссия. Приезжала. Мы с кухаркой пошли, никогда не отдыхали днем, а то говорю: «Давайте и мы пойдем у пшеницу», еще пшеница стояла. Взяли одеяло, постелили, легли, лежим. А в трусах же, а халаты сняли там же, в этой, ну в амбаре, где я живу. В амбаре, там же мой кабинет. А потом пришли, в трусах в одних положились, у бюстгальтерах, лежим. Я так лежу. И вот что-то мне кажется, как гул какой-то, как будто бы кто-то разговаривает. Подниму голову, не слышно. Положу голову – опять гудит, кто-то где-то разговаривает.

С.А.: По земле ж слышно.

Е.Н.: Потом уже в третий или в четвертый раз так уже так решила приподнять – ой, их три дяди идут, только из-за пшеницы только головы видно, что идут. Я сразу и: «Ксения Ивановна, пошли скорее, к нам идут». Мы тогда по пшенице, туда, халаты натянули, успели. Вышли, они приходят, а дети ж все спят как раз. Они: «Ну как вы тут?» Ну мы рассказали, как мы, как живем, как что. «Как кормите? Как, чем?» Они зашли, а дверь закрыта ж простынями в амбар белыми. Они так открыли, видно: ребятишки спят в белом: белые кровати, белые наволки, всё хорошо, хорошо. Посмотрели всё. «А кормите чем?» А мы говорим: «А мы вон сейчас покажем, чем мы кормим». И борщ варим, и пирожки печем, и блины, и вареники, и что мы только там не готовим. Всё готовим. Садитесь». Они сели. Так мы как начали им таскать: борщ, потом соус с мясом. Соус – знаете, что такое?

Мясо с картошкой, с луком, да?

Е.Н.: Мясо с картошкой, соус. Потом пирожки, а пирожки с печенкой, с картошкой и пирожки сладкие у нас же там, и яблоки есть, и всё, и сладкие пирожки, и кислое молоко. А кислое молоко как сметана получается. Каждый день ее квасим, она восходит. До вечера оно расходуется. Завтрак, обед, полдник. Так они как начали есть. Говорю: «Вот так мы детей кормим». – «Да вы что, вот так кормите?» Ну наелись, они пока проснулись, посидели, дети проснулись, вышли дети, ну там – кто в туалет, кто... Как начали мы – и пирамиды ставить, и что только я не творила. Маршировала. Маршируют, как солдаты, как солдаты, в ногу маршируют все: и малые, и большие – все маршируют. Сперва помаршировали, потом это...

Пирамиды, да?

Нет, не пирамиды. Ну пирамиды – пирамиды с трех до двенадцати как начала ставить, ой! Так я часто думаю: вот интересно, ни разу ни один на пирамиде не упал. Ни разу не испортили пирамиду. И на сцене я выступала в клубе, ни разу. И мостики делали, и стойки делали, и что только не делали. Из двенадцати человек – такая вышина, и ни один не упал, не испортили. Ну вот пирамиды. Потом как начали маршировать, они маршируют, цепку. Я команду: «Цепку!» Делаем цепку.

Цепку?

С.А.: Цепочка.

Е.Н.: Они делают цепку, я стою посреди двора, команду: «Влево, влево, влево, влево». Они влево и закрутили меня цепкой. Закрутили, я осталась в середине, они кругом. Они только сидят, на друг друга поглядывают. Цепка раскрутилась, раскручивается. Потом: «Гусиным шагом!» Сперва утиным шагом. Утиным идут шагом, вот так же, поприседают – утиным, потом я: «Гусиным шагом!» Гусиным шагом, руки расставляют, кричу: «Гуси-гуси! Есть хотите?» – «Да-да-да».

С.А.: Гуси-гуси! – Га-га-га.

¹ Пирамида – гимнастическая или акробатическая фигура из людей, стоящих друг на друге.

Е.Н.: «Летите!» Они тогда поднимаются, руки расставляют, а они [проверяющие] глаза повытаращили и смотрят. Это как же, как же вот такая, детей сколько, а я одна там.

С.А.: Пигалица, да? Еще пигалица, а сама и...

Е.Н.: Это ужас. Так после того тогда меня пригласили выступить на сцене, так дети ж пирамиды ставили, вот эти, что я рассказывала, на сцене. Так люди глаза повытаращали. После разговаривают.

С.А.: Откуда вы это всё взяли, мам? Ну откуда вот вы взяли? Кто-то ж говорил где-то.

Е.Н.: Ну мы ж-то были на курсах.

С.А.: А, на курсах. Всё хорошо, ага, всё понятно.

Е.Н.: А я ж тебе часто, кажется, рассказываю. Потому ж меня и посылали на курсы, что знали, что с меня выйдет человек, а те неграмотные. Все придут, в столовую зашли, нажрались, придут и спать до вечера. Ни заглянут, что задавали на дом. А на дом надавали – и книжечка по... медицинская книжка. Как ребенку сделать там...

С.А.: Повязки, перевязки.

Е.Н.: Могли чтобы повязку делать. И там игрушки как, как пирамиды ставить, как и стихотворения, и сказки.

С.А.: И речевки ж там.

Е.Н.: Игры, я никогда не лягу ж, приду со школы, я ж не лягу, покушаю. Они спят, я всё равно не лягу, сяду на свою на постель, сижу, книжечки я все эти перечитаю, все посмотрю, как перевязывали. А завтра нам же у классе показывают, как забинтовать, руку поломал, или шапку сделать на голове. Никто не может делать шапку на голове. А я сделала в классе шапку на голове, получила «отлично». А назавтра ведут на практику, в больницу, на практику, где показывают, всё показывают. Хирургический там показывают: то рука, то голова.

С.А.: Всё ясно. Так, дальше.

Е.Н.: А я сделаю шапку.

С.А.: Ну и пробыли вы три месяца, да, мам? Там.

Е.Н.: Три месяца.

С.А.: В конце августа вы их уже домой всех вернули.

Е.Н.: Двадцать пятого августа. Двадцать пятого августа закончилось уже, приходим домой, а здесь уже распоряжение: разделить детей. Уже эти дети взрослые. Прямо, ну наша Аня, двадцать первого года, уже шестнадцать лет.

С.А.: Племянница была без родителей.

Е.Н.: И Василенко, уже по пятнадцать – по шестнадцать лет. Большие ребята. Большие. И решили сделать интернат. Интернат – на углу, как заезжаешь, у Кресты – управо идет, на углу стоит дом большой, то сделали с него интернат. А питаются дети со столовой с общей. Столовая проходит – сюда рядом она. А их тринадцать человек.

С.А.: Просто жили, а учились в школе, да? В интернате жили, а учились.

Это для сирот интернат был?

С.А.: Для сирот же, и у кого родителей не было?

Е.Н.: Сироты, круглые сироты, круглые сироты. Ни отца, ни матери. Тринадцать человек. И им ото со столовой принесут цибарку¹, тринадцать порций. Здесь же они ели в детсадишке, ели как, никогда ж ничем не... Всё давали, всё ели, а здесь порции, позавтракают когда, потом аж обедать, а оно не наелось. Они увидят меня тогда после: «Дуся Назаровна, нам плохо здесь». Я говорю: «А почему плохо?» – «Да что она, принесет у цыбарке, а оно, пока донесет, там набираю, вроде хватае, а разольется, оно... добавочки никогда нет». Вот так. А потом говорят: «Мотя заболела, Мотя заболела». Заболела – положили ее. «А где ж она?» Не в больнице, а в какой-то пустой, хата пустая, совсем далеко отсюда. «Положили, – спрашиваю, – где?» Показали. Я набрала яблок, дома набрала яблок, прихожу до ней. Она, бедненькая, лежит, само дите плачет, одиннадцать лет девочке, что же, посыпало по ней. Она лежит, плачет: «Дуся Назаровна, как вы хорошо, что пришли. Здесь никто ко мне не заходит». Принесет, кушать ей что-то принесут, да и всё. А так, чтоб проведать – никто не ходит. Само дите ночует в чужой хате. А мне так жалко ее было. Мотя.

С.А.: Ну, так чем закончилось это всё?

¹ Цибарка – ведро.

Е.Н.: Ну и всё закончилось.

С.А.: Разделили – те в школу пошли, те в интернат, да?

Е.Н.: Те в школу пошли, те – в интернат.

С.А.: А вы тогда пошли телефонисткой.

Благодарности

Публикатор выражает искреннюю благодарность за помощь в работе этнолингвистической экспедиции сотрудникам Зимовниковского краеведческого музея, отдела культуры администрации Зимовниковского района Ростовской области и лично Марианне Юрьевне Федосеевой, Виктору Глебовичу Лушину, Светлане Андреевне Дубинской и Полине Николаевне Дубинской. Публикация подготовлена в рамках работы по проекту «Исторические формы и современные способы функционирования социокультурных институтов на Юге России» (базовое бюджетное финансирование ИСЭГИ ЮНЦ РАН, № госрегистрации 01201368164).

УДК 929/94(47).084.6

Задонье в первые десятилетия советской власти: воспоминания Е.Н. Дубинской

Подготовка к публикации, вступление и комментарии
Нина Алексеевна Власкина

Институт социально-экономических
и гуманитарных исследований
Южного научного центра
Российской академии наук, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
кандидат филологических наук
E-mail: nvlaskina@gmail.com

Аннотация. Интервью с Е.Н. Дубинской посвящено первым десятилетиям советской власти в Задонье. В публикацию включены рассказы о сельском быте 1930-х гг., формировании первых колхозов, неудавшейся попытке обосноваться на Кубани, возвращении на родину и обустройстве, организации детского лагеря в Задонье.

Ключевые слова: колхозы; Кубань; наводнение; казаки; крестьяне; пионерский лагерь.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
Vol. 7, Is. 1, pp. 47–52, 2015

DOI: 10.13187/ra.2015.7.47
www.ejournal16.com

UDC 929/94(47).084.6

The Role of Biographical Stories in the Ethnographic Research: The Case of Interview with Fedora Kravchenko

Preparing the material for publication and introduction
Irina A. Kuznetsova

Research Centre for Traditional Culture
Government Budget Scientific and Creative
Institution for Culture of the Krasnodarsky Krai
Kuban Cossack Choir, Russian Federation
5, Krasnaya Street, Krasnodar, 350063
E-mail: i.a.kuznetsova@gmail.com

Abstract

The interview with Fedora Kravchenko, born in the Uspensky District of the Krasnodarsky Krai, actualizes the issue of the research potential of biographical materials collected in ethnographic expeditions. The gap between individual stories and generalized facts is discussed. The peculiarities of youth relationships and marital strategies in the Kuban region in the pre-war period are characterized.

Keywords: ethnographic interview; individual stories; family; wedding; sung couplets; Krasnodarsky Krai; 1920–1930s.

В этнографическом исследовании биографические истории, как правило, играют роль дополнительной информации, позволяющей корректировать ход интервью и последующую работу с собранным материалом. Сведения о социальном статусе семьи и о жизненном пути собеседника позволяют определить степень его вовлеченности в традиционную культуру. В других гуманитарных дисциплинах, активно использующих метод интервью и разрабатывающих сходную проблематику, внимание к биографическим материалам более пристальное. Для специалистов в области устной истории и социологии [1, 2] этот вид источников – один из основных, активно он используется также в междисциплинарных областях, например, на стыке устной истории и фольклористики [3], устной истории и визуальной антропологии [4], устной истории и этнографии [5–7]. Функцию вспомогательного материала он выполняет в диалектологических исследованиях [8].

Специфика же этнографического интервью состоит в том, что оно предполагает выход на уровень обобщений, описание того, что типично уже во время записи, соответственно биографические истории обычно остаются за рамками исследований.

Уклонение от записи личных историй может быть вызвано не только исследовательскими задачами, но и этическими предпосылками¹. Многим собеседникам пришлось жить в эпоху социальных потрясений. Гражданская война, репрессии, голод

¹ См. об этом подробнее, например, в дискуссии [9].

затронули в той или иной степени все старожильческие семьи. Обобщающий разговор, не акцентирующий внимание на конкретных событиях жизни, дает возможность обойти травмирующие воспоминания.

Тем не менее описание повседневной жизни станичников в 1920–1930-е гг. и именно в кризисные моменты представляет особый интерес. Биографические нарративы, зафиксированные в ходе полевых исследований, играют роль источников личного происхождения в той культурной среде, для которой они не типичны. Нечасто мы встречаем дневниковые записи или мемуары людей, переживших голод 1933 г., участвовавших в коллективизации и т.п. Если цепь исторических событий мы можем восстановить, привлекая самые разные материалы, то о соблюдении норм и обычаев, о бытовании явлений культуры в данный конкретный период может свидетельствовать лишь тот, кто принимал в событиях непосредственное участие.

Полевые исследования Центра традиционной культуры Кубани направлены прежде всего на сбор материала, позволяющего реконструировать традиционную культуру кубанских станиц. Выявление фольклорных текстов, описание обычаев и обрядов, которых придерживались ушедшие поколения, позволяет очертить модель традиционной культуры, отталкиваясь от которой, можно было бы говорить о трансформационных процессах. Особый интерес в связи с этим представляют свидетельства станичников, годы рождения которых приходились на первые два десятилетия XX в. Описания явлений культуры в данном случае – это не пересказ со слов старших родственников, а повествование от том, что окружало наших собеседников в детстве. Соответственно во время проведения полевых работ фокус исследования смещался к периоду активного бытования традиционной культуры, тогда как описания обычаев более позднего периода ускользали из поля зрения собирателя. Собеседник, опираясь на детские воспоминания, давал подробные описания обычаев и обрядов, которые в его личной жизни не соблюдались или соблюдались не в полной мере. Интерес этнографов и фольклористов к повседневному и праздничному быту советского периода проявился лишь в последние годы, когда поколение старожил, способных описать период 1920–1930-х гг., ушло.

Несмотря на то что специальных исследований традиционной культуры, опирающихся на биографические истории, мало, рассказы о личной жизни присутствуют во многих интервью. Сложность представляет презентация подобных историй. Часто они являются иллюстрацией или комментарием. Растворенные в тематическом интервью, они не представляют того, что можно было бы назвать биографией или историей жизни.

В настоящей публикации представлены фрагменты интервью, состоявшегося в 1999 г. во время работы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции в Успенском районе Краснодарского края, с Федорой Федоровной Кравченко, в девичестве Никитиной, родившейся в казачьей семье в станице Убеженской Лабинского отдела Кубанской области в 1912 г. Интервью проводила и расшифровывала И.А. Кузнецова. Для публикации была сделана подборка биографических историй о выборе супруга и свадьбе. Исключение составляет короткий рассказ о несостоявшемся браке соседки. Федора Федоровна была прекрасным знатоком свадебных обрядов, от нее записано 18 песенных текстов, подробные описания ритуальных действий, однако в судьбе самой женщины свадьбы не случилось – ее история представляет собой как раз такой случай, когда традиционный и личный опыт существенно разнятся.

В тексте полужирным шрифтом выделены вопросы собирателя, в квадратных скобках восстановлены необходимые по смыслу слова, даны пояснения публикатора, отточием маркированы выпущенные фрагменты.

Я дружила с мальчиком – родители мои не знали, что я дружила, и его не знали, что он со мной дружил, потому что мы выходили замуж не с тем, с которым мы дружили, а за кого родители отдадут. Потому что бывает, родители знают друг друга. По состоянию жизни и по потомству берут. Вот, например, парень хороший, а родители нехорошие, там или воры, или чужбинники. Чужбинники – ну чужим трудом – по огородам лазит, такой смелости, мелочные воры, нехорошего поведения.

[...]

Нас называли кугучане. Это нижняки, а нас – кугучане¹. Мы там в центре встречались, где колхозная контора, только чуть туда дальше, протока там. И вот с одним парнем танцевала с критическими страданиями. Вот эта же гармошка играет, а он пошел танцевать, вызвал, ногой притопнул, ну мне. Девчонки: «Ну пойди, Федор, ну пойди». Я вышла.

Он:

Уж ты, милая моя,
Крути хуртой², как и я.

А я:

Ой, ты, миленький мой,
Я ж не успею за тобой.

А тогда встаю и говорю:

Самолет летел,
Крылья терлися
А мы не звали вас,
А вы приперлися.

Ой, тут аплодисменты, а тогда он:

А у милашки, у моей
Все по новой моде,
Пальто, платье во дворе,
А дрова в комодке.

А я тогда, ему же надо на ответ:

А у милого мово,
Аккуратненький носок,
Восемь курочек садится,
А девятый петушок.

И пошла танцевать, тогда он:

Ты ж меня спидманула,
Ты ж меня сподвила,
Ты ж мене, молодому,
Вечерить³ не дала.

А я тогда подошла к нему:

Да я вечерить дала,
Но не дала ложки,
Налила в черепочек,
Как собаке, трошки⁴.

Тут всё визг, визг, и подалась из круга. А вот сколько ходили туда, как только идем: «О, кугучане идут, и Черепочек идет». И вот это меня прозвали Черепочек, через это страдание.

[...]

Я вот расскажу за себя, что у меня получилось. Я с одним парнем задружила. Он интересный парень был, балалайкой же играл. А пост, не разрешают же ни петь, ни танцевать. Давайте [играть в игру] в «чью душу желаете» – надо чёй-то делать. Ну и они же ж, ребята. А казаки же ж мы, ну и он казак. А казаки тогда ходили не в брюках, а в штанах. Штаны на учкурах⁵, а учкуры в лямки вдевают... Ну я с ним задружила осенью. Вот осень, зима, а весна подошла – подошел же ж этот пост. Ну и начали в «кошки-мышки», или в «чью душу желаете». Он побег – надо ж было перебегать, а он или надулся, или не знаю, у него эти штаны соскочили, и запутался или плохо застегнул... и схватил тогда и понес в сторону. Опостылел он мне, не могу глядеть. Кричат: «Федор, у Трофима штаны соскочили, иди учкур вдевай!» Всё он меня и так, и так уговаривал.

¹ Нижняки и кугучане – наименования жителей разных концов станицы Убеженской.

² Хурта – бранное слово; пыль, буран, метель.

³ Вечерить – ужинать.

⁴ Трошки – немного.

⁵ Учкур – узкий ремень для штанов из сыромятной кожи или из конского волоса.

А вот с каким я прожила 54 года, он мне проходу не давал. А я с ним не хотела дружить. А ему это на руку, он начинает его критиковать.

[...]

Они [были] на рыбных промыслах в Махачкале, ну ему 16 лет тоже было, и он там погадал. Какая-то гадалка была, он говорит, от локтя и до пальца она узнавала. Цыганка она, или молдаванка, или грузинка, или кто она и вела по руке, и говорит: «На кого загадал, с тем ты и будешь жить». И вот он уверен. У меня другой кавалер был, я с ним дружила, а с ним – нет, и он ко мне не подходил. А где какой парень со мной не повстречался, а он поперек. А потом, когда я у него отпросилась, я ему пообещала, я говорю: «Петя, если нас судьба сведет, что ты будешь мой муж, а я твоя жена, тогда как хочешь», – и заплакала. А он тогда: «Ну, пускай», – поднял меня, а тогда вынул платочек с кармана, вытер слезы. Вот такая дисциплина была, вытер: «Ну и гляди, не убеги». Он же в черкеске¹, у черкески кинжал же, он распоясывался с поясом, а мене ж пригласил, черкеску расстелил и посадил минут на десять-пятнадцать – немножко. Вечером мы шли из центра. И я согласилась с ним посидеть. Ну он тогда сказал, имя мое не называл, кто знал меня – все знали, что он не называл меня, девкой когда я была. Он: «Эй, ты слышишь!» Девчат всех называл там – Тоня, Маруся – всех называл, а меня не называл, и я с ним не дружила. И вот это, когда он приехал оттуда, что погадала ему, он тогда проводил меня до двора и говорит: «Вот так, любовь моя, любишь ты меня, не любишь, но я тебя люблю всей душой и сердцем. Добровольно я тебя возьму в жены или худо, но всё равно ты будешь женой моей». И рассказал мне. Я ему: «Петя, если судьба сведет нас, ты будешь мой муж, я твоя жена, тогда, как хочешь, а сейчас не губи меня». А он всё трубит свое.

[...]

Ребята на улицу ходили и в двенадцать лет, и в одиннадцать. У нас одна, Лоскутова, вот где остановка, но тут уже другая хата построена, она с одиннадцати лет с мальчиком задружила. Ей бы, она десятого года [1910 – И.А.], а он с одиннадцатого, на год помоложе. И он ее никуда, она красивенькая была, голубоглазенькая такая. И он ее до девчат и до ребят не допускал, подруг она не имела. Он шесть лет с ней гулял, а замуж не взял. Уже у них было по-супружески, родители не схотели его: «У, чабанова дочка». Ее отец был чабан – пас овец, ну и его родители не схотели. Дак он что, как он жил с ею, [той,] какую взял, и он говорит: «Я не себе взял, а родителям». И он с ней так плохо относился. Она и приличная, и красивая, он говорит: «А мне не к сердцу, она мне как сожительница». И так он и жил, по женщинам ходил, какие без мужьев, а с ней плохо.

[...]

Родители ходили сватать. Вот мне шестнадцать лет было. Сестер поотдавали, я была наследница, последняя у родителей, уже на мене перевели наследство свое, я должна их доглядеть. Ну вот сватают. А их там три сына, и приходят его родители до моих родителей.

А сам жених идет вместе со сватами?

Нет. Вперед родители с родителями. Если согласны родители отдать, тогда идут с женихом. А я с ними в школу ходила, с ребятами, Тарасовы фамилия. Ну и приехали же они, ну что. С родителями поговорили, я об этом не знала. Теперь вызывает отец мой: «Федор, ты западинских² ребят знала Тарасовых?» Я говорю: «Знала Федьку, Шурку и Николая. Но только Федька и Шурка Тарасовы, а Николая Мамриненкин». Она сразу, вот женщина, ответила, что у Тарасовых мама умерла, а у Мамриненко папа умер, и вот они сводные братья. Она сразу, женщина: «Ну что, они тебе нравились?» А я говорю: «Нравились». Они мне все три нравились. Почему? Потому что они ходили в одинаковых рубашках, одинаковых фуражках, скромно себя вели. Я им рассказала. И тогда женщина говорит: «Ну все ж таки, кто из их тебе больше понравился?» А я тогда как стояла, да говорю: «Да это же не птичечка, что вот сидят на ветке три, да я поймаю. Они мне все три нравились, а так, как же я вам скажу, мне для жизни он же один мне нужен, а вы за трех говорите. Дак я вам отвечаю за всех за трех». А тогда говорю: «Вы меня извините, они мне понравились, но я вашим ребятам не нравлюсь!» Она сразу: «Почему?» – «Ну, потому что, если б я вашим ребятам нравилась, я не дома сижу, а в праздник и на улицу хожу, и на

¹ Черкеска – верхняя мужская одежда кубанских казаков.

² Западинские – жители хутора Западного, расположенного в 6 км от станицы Убеженской.

скачки, и на кулачки, а он ни один, никто со мной не побеседовал и об этом не сказал. Значит, я им не нравлюсь. Так есть у ваших ребят барышни, вот нехай берут их и живут с ними». Повернулась и пошла. Вот так сваталися. Я их видела и с ними в школу ходила.

[...]

Я вам за замуж за свой расскажу. Ну встречалась я с ним, уже нам по двадцать два года было. Вы меня извините, надо же уже соединиться же, а это в тридцать третьем году, у нас на столе крошки не было, оладьи кукурузные, у нас же всё позабировали. Ну и он пришел как-то раз на день, на день Красной армии. А он работал на пожарке, ну и ему там денег какую-то лепту кинули, заплатили. Он пришел: «Ну, сколько ты меня будешь тянуть?» Я говорю: «С родительской воли я не выхожу, хоть я с тобой сколько буду дружить, но за кого родители отдадут, за того и пойду» [...]. Родители в кухне были, а я в дому, ну он же ко мне пришел и пошел к родителям в кухню. Думаю: «О, чего его туда понесло, в кухню?» И сколько он там побыл, минут пятнадцать, не знаю, шапку одел – тогда боже упаси в шапке зайтить в комнату – надел шапку, пошел. Я утром захожу в комнату, отец говорит: «Ну, дочка, соглашаешься с Петькой жить, с Кравченкиным?» Я: «Ну, куда ж деваться, уж годы идут». – «Ну, счастливо вам. Я у него спросил: “А она тебе нравится?” Он говорит: “Она мне понравилась – еще я в трусах бегал, хочу чтоб она... на всю жизнь понравилась”». А он [отец – И.А.] говорит: «Ну, я ему сказал: “Пойди, возьми брачное свидетельство, и живите с Богом”». Свадьба какая же? У нас крошки хлеба не было.

Он пошел, он же ничего мне не сказал, ушел. Вечером пришел, принес, а бригадер дал ему зарплату. Ну сейчас пол-литра, а тогда чекушки¹ были. Он взял, бригадиру купил эту чекушку, и пошли до секретаря. Пришли до секретаря, он же у него как свидетель, и вот нашли нашу домовую книгу, он поглядел, что у Никитиных ребенок. «Ну вот, – говорит, – это моя жена будет». Ну и выписал ему свидетельство брачное. И этот же расписался за него, свидетель, бригадир. Он поставил чекушку и пошел. И принес, моему отцу-матери показал. Родители думали, что и я ходила туда. А я туда и не ходила, и не была. Ну вечером он заходит, на работе же он, зарегистрировался и на работу он пошел. А оттуда пришел и сказал отцу-матери, что я женился, ну и пришел к моим, преподнес и чекушку отцу поставил. Заходит в дом и дает мне. Я около стола была, а он кладет бумажку: «На». Я взяла и почитала. Ага, как же написано: «муж Кравченко Петр Константинович, жена Кравченко Федора Федоровна». А я говорю: «Петя, – повернулась к нему, – а как же это получилось, там же я согласия, согласия же спрашивают?» – «Ты сказала мне: “Если родители отдадут, то и я согласна буду”. Я ж пошел до родителей, отец-мать разрешили, ну я пошел и зарегистрировался».

Вот такая у нас свадьба была. И прожили мы 54 года.

Примечания

1. Биографический метод в социологии: история, методология и практика / под ред. Е.Ю. Мещеркиной, В.В. Семенович. М.: Институт социологии РАН, 1994. 147 с.
2. Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. 381 с.
3. Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индик, 2001. 376 с.
4. Бойко И.В., Литвина Н.В. Чулеш и Кишинев, XXI век: Межкультурная коммуникация староверов-беспоповцев, челканцев и шорцев: полевые материалы 2001–2005 гг. М.: Археодоксія, Карпов Е.В., 2005. 178 с.
5. Тугорский А.В. Биографический метод сбора полевой информации // Полевая этнография – 2008: материалы международной научной конференции / под ред. В.А. Козьмина, Н.В. Юхневой, И.И. Верняева. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2010. С. 11–21.
6. Граница и люди. Воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка. СПб.: Издательство Европейского университета в С.-Петербурге, 2005. 484 с.
7. Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии: материалы экспедиций 2011–2012 годов / отв. ред. С. Амосова. М.: Сэфер, 2013. 382 с.
8. Русская деревня в рассказах ее жителей / под ред. Л.Л. Касаткина. М.: АСТ-Пресс, 2010. 512 с.

¹ Чекушка – бутылка (водки) в четверть литра.

9. Этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум On-line. № 5. С. 6–166. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/005/05_01_forum_k.pdf (дата обращения 05.03.2015).

References

1. Biograficheskiy metod v sotsiologii: istoriya, metodologiya i praktika / pod red. E.Yu. Meshcherkinoy, V.V. Semenovoy. M.: Institut sotsiologii RAN, 1994. 147 s.
2. Rozhdestvenskaya E.Yu. Biograficheskiy metod v sotsiologii. M.: Izdatel'skiy dom NIU VShE, 2012. 381 s.
3. Razumova I.A. Potaennoe znanie sovremennoy russkoy sem'i. Byt. Fol'klor. Istoriya. M.: Indrik, 2001. 376 s.
4. Boyko I.V., Litvina N.V. Chulesh i Kilinsk, XXI vek: Mezukul'turnaya kommunikatsiya staroverov-bespopovtsev, chelkantsev i shortsev: polevye materialy 2001–2005 gg. M.: Arkheodoksiya, Karpov E.V., 2005. 178 s.
5. Tutorskiy A.V. Biograficheskiy metod sbora polevoy informatsii // Polevaya etnografiya – 2008: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii / pod red. V.A. Koz'mina, N.V. Yukhnevoy, I.I. Vernyaeva. SPb.: Izdatel'skiy dom SPbGU, 2010. S. 11–21.
6. Granitsa i lyudi. Vospominaniya sovetskikh pereselentsev Priladozhskoy Karelii i Karel'skogo peresheyka. SPb.: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v S.-Peterburge, 2005. 484 s.
7. Utrachennoe sosledstvo: evrei v kul'turnoy pamyati zhiteley Latgalii: materialy ekspeditsiy 2011–2012 godov / otv. red. S. Amosova. M.: Sefer, 2013. 382 s.
8. Russkaya derevnya v rasskazakh ee zhiteley / pod red. L.L. Kasatkina. M.: AST-Press, 2010. 512 s.
9. Eticheskie problemy polevykh issledovaniy // Antropologicheskiy forum On-line. № 5. S. 6–166. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/005/05_01_forum_k.pdf (data obrashcheniya 05.03.2015).

УДК 929/94(47).084.6

Роль биографических историй в этнографических исследованиях: интервью с Ф.Ф. Кравченко

Подготовка к публикации и вступление
Ирина Анатольевна Кузнецова

Научно-исследовательский центр традиционной культуры
ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор», Российская Федерация
350063, Краснодар, улица Красная, 5
E-mail: i.a.kuznetsova@gmail.com

Аннотация. Интервью с Федорой Федоровной Кравченко, уроженкой Успенского района Краснодарского края, актуализирует вопрос об исследовательском потенциале биографических материалов, собранных в ходе этнографических экспедиций. Обсуждается вопрос о соотносимости личных историй и обобщенных фактов. Характеризуются особенности взаимоотношений молодежи и брачные стратегии на Кубани в довоенный период.

Ключевые слова: этнографическое интервью; личные истории; семья; свадьба; частушки; Краснодарский край; 1920–1930-е гг.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
Vol. 7, Is. 1, pp. 53–63, 2015

DOI: 10.13187/ra.2015.7.53
www.ejournal16.com

UDC 929/94(47).084.6

The Interview with Anna Yakovlevna Chumakova

Preparing the material for publication and commentary
Svetlana V. Martynova

Southern Federal University, Russian Federation
105/42, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344006

Rostov Regional Museum of Local History, Russian Federation
79, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344006
E-mail: sve50487871@yandex.ru

Abstract

The material concerns the period of 1920–1930s, describes the political, economic and social phenomena and processes of the period, such as the establishing of collective farms, the famine of the 1930s, anti-religious policy, Decossackization, etc., discloses the features of the Don Cossack's everyday life.

Keywords: Don Cossacks; collective farms; famine; Decossackization; antireligious policy; everyday life; holidays.

Экспедиционная работа с Анной Яковлевной Чумаковой проходила в станице Березовской Даниловского района Волгоградской области. Это старая казачья станица: первые упоминания о Березовском городке относятся к 1698 г. [1]. В разное время здесь работали диалектологи, этномузыкологи, этнографы из Волгограда, Москвы и других городов. Совместная этнолингвистическая экспедиция Южного федерального университета и Южного научного центра Российской академии наук проходила в Березовской, а также в других населенных пунктах Даниловского района в 2009 г.

Анна Яковлевна родилась в станице Березовской в 1914 г. и прожила в ней почти всю жизнь. В течение трех дней с этим замечательным носителем традиции работали участники старшего состава экспедиции – Н.А. Архипенко, Н.А. Власкина, М.А. Карпун. А.Я. Чумакова – очень внимательный человек, вдохновенная рассказчица. От нее удалось записать не только биографический нарратив и тексты, характеризующие свадебный, погребальный обряд, фрагменты народного календаря, но и красочные былички, которые она слышала от старших родственников, семейные предания о дедах, участвовавших в русско-турецких войнах, подробные повествования о дореволюционном быте. Аудио- и видеозаписи бесед с Анной Яковлевной вошли в учебную картотеку примеров звучащей диалектной речи и активно используются на занятиях Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ЮФУ в рамках курсов, посвященных региональной проблематике.

Для настоящей публикации отобраны фрагменты разговоров, описывающие станичный быт 1920–1930 гг. и элементы обрядности и верований. Вопросы интервьюеров

выделены полужирным шрифтом, ремарки публикатора заключены в квадратные скобки. Интервью приводится с сохранением авторского стиля повествования.

Ну, девчат, что вас интересует?

Расскажите, нам, пожалуйста, про свою семью.

Ну, семья наша была... Я бы сказать никак не могла бы, я вот сейчас с Олей, какая ухаживает, и мы разговаривали, а я говорю: «Оля! За свою жизнь – я не обижаюсь на нее». Почему? Потому что раз не была разутая-раздетая, голодная не была, побираться не ходила, в работниках не работала, значит, это ж моя жизнь, я ее прожила не даром. Несмотря на то что у нас не было отца. У нас отца убили в двадцатом году, восьмого сентября. Лишь только начался двадцатый год. Мы остались – самому старшему не было десять лет, а самому младшему не было два года. Да еще один умер шестнадцатого года. А мы четверо вот, Николай Яковлевич, тетя Надя Бочарова, я и дядя Ваня, что вот не ходил у нас – мы четверо остались, и вот я теперь из четверых осталась одна и живу такую долгую жизнь. Разве можно обижаться на это? Белый свет – он самый милый. И самый добрый. А за эти годы всё было. Были колхозы, были и... всё. Гнали нас туда, как, всё равно, подневольных каких. Но всё пережили. А жизнь началась у меня с четырнадцатого года. Я четырнадцатого. Вот и прожила я ее, вот уж будет девяносто пять лет восьмого сентября.

Рис. 1. Анна Яковлевна Чумакова показывает старинный сундук – семейную реликвию (фото Н.А. Архипенко)

А вы сказали, что сгоняли в колхозы...

Ну, колхоз. Колхоз вот, я туда пошла, меня, я не знаю, в тридцатом году – это пятнадцать лет же мне было, да?

Шестнадцать.

Вот. Это ж в колхозе я была в тридцатом году. В двадцать восьмом году тут был у нас малый прудок. Его прудили. Но это еще по себе жили. И с двора человек. А у нас человек: дедушка болел, брат совсем не ходил, а я была это главная у них. А мама же – уехать пруд прудить, этих оставить нельзя и скотина во дворе – это же мы по себе жили, были быки и коровы.

Вот я и начала свою жизнь с этого прудка. И нас только две было: одна одиннадцатого года (тетиного Надиного, сестрино), а я была четырнадцатого. А это все были мужчины и ребята. Ну у нас некому было ехать. И вот я на этом прудке начала работать. С этого прудка... Тут приезжает мама, говорит, я тебя записала, будешь ходить в портняжную учиться. Такие были, ну сами еще по себе жили две и открыли мастерскую. А мастерскую открыли, чтобы набирать молодежь обучать. И меня она уж, мама, определила: «Вот тебе мой прудок остается», и я пошла в эту портняжную мастерскую. Это было двадцать восьмой год, уж конец двадцать восьмого. Двадцать девятый год – такие начали налоги налаживать, что не под силу. Они их платили-платили, а с нас-то никакого дохода не имеют-то, нас десять человек набрали учеников. Ну и всё. И в двадцать девятом году и говорят: «Ну, девки, всё. Мы вас отпускаем».

Это двадцать девятый год – ничего. Тут пошло массовое раскулачивание, расказачивание, всё. Тут одни [нрзб.], энтих увезли, энту угнали, убили, энту уже расстреляли, энту уже ничего неизвестно. Это двадцать девятый. А тридцатый – весной всех нас в этот колхоз. Работники. Вот мы... А тама навезли (у людей-то отбирали), тама сундуки попривезли: и крупы, и масло, и мясо, и сало, и яйца, и там какая-то страсть. Они, эти новые власти-то, кидают, куски. Куски кидают, наелись уж, всё! Наелись и всё бросают, всё! Это тридцатый год.

Тридцать первый тоже еще... В тридцать втором году ни себе есть нечего, скотина полегла, совсем полегла! Боронуем, а приехали двадцатипятидесятники¹. Они не имели никогда землю и не знают, что такое. И вот говорят, что мы землю обрабатываем, на ней такая молоканка², осот пошел, трава, этого зерна нигде нету, его растащили. А это молоканка да осот. А скотина лежит. Они: «Вы что? Да как же, вы же не пахали! Сверху соскребли, она вот и растет, трава-то. Нам не надо качество, нам нужно количество». И вот «количество» – мы и пришли, вот эта жизнь-то привела. К «количеству». Вот. И вот это «количество-количество», скотина полегла. Это было тридцать второй год, весна.

Всё. Приезжает брат мой старший. На лошадях работали. Ему осенью идти в армию да надо дома кое-что поделывать. А плуга пришли. Понятия не имели ни о плугах, ни о тракторах. А трактора были эти, фордзончики³: «Пых-пых-пых!» – идет. Двигается, господи, как всё равно какой-то, ну... Теперь пришла я да спрашиваю бригадира. Ну бригадир мне: «Ну, ладно, поезжай, поезжай». Я поехала. Тут была переправа, паром ходил, всё. Я всё, и лошадей переправлю, всё на девяти парах. Я знала, какая Михайловка⁴, какой был этот... поезд. Я этого ничего не знала. Ну и поехала. Поехала... «Ты будешь ехать, дядя будет родный мой и этот, Нюры Манушкиной отец, – он мой крестный был, – и дядя, ты между них, они тебе и запрягут, и отпрягут, и всё. Ты им лишь только галушек сваришь». Дали какой-то там муки – суррогат, уж всё, уж ничего, пышка вот такая расплывчатая – там и отруби, и дранка⁵, и всё на свете – не с чего уж, покидали всё. Так вон, какое брали с людей добро, и всё покидали за один год, за полтора.

Ну что ж, поехали. Привезли эти плуга. Тут же он меня встретил, всё. И в колхоз. Прихожу в этот колхоз. «Запрягайте быков, ежайте бороновать». Запрягли быков, доводим, а он – хамывсь! – упал. Глаза глядят, ноги только вытянул, а мы сидим, кричим возле этих быков.

¹ Двадцатипятидесятники – рабочие крупных промышленных предприятий, направленные в начале 1930-х гг. в колхозы. Их организационно-политический опыт должен был использоваться для форсированного проведения коллективизации. Согласно решению Пленума ЦК ВКП(б), в деревню должны были отправиться 25 тыс. рабочих.

² Молоканка – молочай лозовидный. *Euphorbia vigrata*.

³ «Фордзон-Путиловец» – колесный трактор, выпускавшийся на заводе «Красный Путиловец» в Ленинграде с 1924 г. по лицензии компании «Форд», копия американского трактора Fordson-F.

⁴ Михайловка – город в Волгоградской области (в описываемое время – слобода), расположен в 68 км от станции Березовской.

⁵ Дранка – корм для скота, крупа.

Вот такие были мы работнички. Ничего. Ну теперь отработали. Отработали, беру, свою ватолу¹ расстилаю, беру, какие там шмотки мои, заворачиваю, закатываю на себя и пошла домой. Прихожу домой, а мама глянула: «Это что такое?» Она считала, меня выгнали из колхоза. Это как можно тогда жить-то? А я говорю: «Ничего. Пришла совсем». – «Да куда ж ты? Теперь тебя вот посадят!» А тогда ж сажали, сажали, расстреливали. «Да тебя ж посадят, а тогда что мы будем делать без тебя?» Ну всё. Я говорю: «Я туда больше не пойду». Ну не пойду и не пойду. Вышла на площадь. А тогда же народу-то было... Туда-сюда метались. Вышла, стоят-то вот кругами все. «Ну, ты что?» – «Да я, – говорю, – ушла с колхоза, теперь хоть куда-нибудь воткнуться техничкой». Куда больше-то? Неграмотная, ничего. Ну и что? А стоят рядом и слышали наш разговор. А тогда ведь не райком был, а РИК² был. Только начинался. Может, ты знала, нет? Но он был тогда РИК, не райком. Потом стал райком. А был приезжий Понуркевич, это тоже нерусский он был, секретарем. И я в этот РИК... Это у меня первые шаги были в правительство [смеется]. И в этом РИКе две недели я пробыла. А тут-то я стала ходить на почту. Всё время почта же сдавалась заказная, техничка носит ее. Прихожу. Там заинтересовались на почте – новенькая, откуда взялась? В колхозе была и вдруг тут появилась. Ну и стали спрашивать. Савищева Мария была. Она там была кассиром, что-то была. Ее начали спрашивать. Она про меня знала, чья я есть и что Манушкина я. Ну, стали ее интересоваться, спрашивать, она им рассказала. А Иван Александрович Мордвинцев, он закончил школу, и его сюда направили работать. И он был за начальника телеграфа. А им надо было... Пришла должность рассыльной на телеграф. Телеграммы там вот эти... Ну какая под роспись, в общем, почта. А он это прислухался: «Давайте, она придет, ты пришли ко мне ее». А у них единицу прислали. Вот я и пошла во власть-то [смеется].

И тут я это пристроилась. А тут в тридцать третьем году жених объявился и забрал меня замуж. И всё. А потом, когда он заболел в тридцать седьмом, я-то приехала, меня сразу же забрали. А когда я поступала первый раз – во, какая была дисциплина! – присягу я принимала, потому что под роспись какая почта? Она вся секретная. Не оглашалась. Значит, я присягу принимала. А уж второй раз меня взяли без присяги. Знают, что я такая, проверенная. И я работала до сорок первого года на почте вот в этой, в связи. Вот так, девчат, с чего начинается Родина.

Бабушка, а тридцать третий год – это же был голод? Что Вы про это помните?

Голод! Такой был голод! Я-то, видите что, я же вышла замуж, а он был военный. И он меня увез в Белоруссию. Я голода не видала. Ни тридцать первый, ни двадцать первый год – голод был невозможный тоже – я его тоже не видала. Почему, потому что сами жили, хоть и отца убили у нас, но состоятельно. Всё у нас было. Ну как середняки были. Вот. А когда его вот убили, а в двадцать первом году – голод, нас всех поставили, раз в сутки мы ходили в столовую, а столовая была, где была аптека. Ее содержала Америка, эту столовую. Вот такой был хлеб – это двадцать первый год, голод, и я этот хлеб запомнила. Высокий парень – вот честное слово, такого скелета живого я за свои девяносто пять лет не видала еще, как я запомнила в двадцать первом году. Он вот, что скелет был. Ему только в эту столовую закрепили, потому что у него не было весу. Это кто не имел весу. Но нас – как отец погиб, нас – сирот. Мы не то что голодные, там, или истощенные. А потом мы приходим домой, а там кормили, ой, боже мой, раз в сутки. И вот мы все четверо ходили. А дядю Ваню мы возили, потому что, чтобы он общался с людьми. Что же, он же не ходил, а мы его возили на колясочке, чтобы он общение имел. А так мы его могли тоже принести домой, да и всё. Ну такой был у нас распорядок, чтобы Ваня в общении был. И вот так.

И двадцать первый год³ – я его опять не видала, но голод был, что люди мерли. Река была вся усыпана народом. Ракушки ловили и там их ловили, на берегу, и ели. Вот эти вот, что улитки. Знаете их?

Да, такие плоские.

Да-да-да. Вот ее отколупывают, а вот это... Ну это их не отколупывают, их берут – в ведро, и лишь только вот закипела чуть вода, и они уже все наружу. Мякоть брали и ели. Это тридцать третий год. Но я его уж не видала. Это тут наши остались, но и они остались

¹ Ватола – грубое самотканое покрывало, одеяло.

² РИК – районный исполнительный комитет.

³ Судя по логике повествования, здесь речь идет о 1933 г.

опять... Корова отелилась весной, а корова телилась – с молоком можно всё есть, и с травой там что-то намешанное, и какую-то там делают мамалыгу, желудки – это осенью, макуху. Вот это страшно голодно было – тридцать третий год, а потом они были, голода, потому что они без конца, голода, были. Ничего не хватало. Хлеба у нас совсем никакие уж были, все земли захлამили, они заросли травами, да молоканкой, да осотом, да ой!.. И вот такая... А то всё я с тридцать третьего года... Он был военный, там пайки давали, так что я уж ничего не знала. В Белоруссии, в Рогачёве.

А когда Вы приехали из Белоруссии?

Да он в тридцать седьмом же заболел, и я сразу, как приехала, сразу на почту пошла на работу. А он не работал, у него не было документов. Он болел. Пока я не съездила ему в тридцать девятом году, когда уже границы готовили войска – вот, когда их готовили, с тридцать девятого года! А Сталина нашего дюже обглаживали. А он – да что он, не понимал? По-моему, всё он понимал. Что, когда Сталинград вот начали [бомбить], вот тут он заворочался. А то Сталин, Сталин! Россия наша проданная.

Бабушка, а правду говорят, что перед войной были какие-то предсказания, что будет война большая? Вот старые люди, говорят, предсказывали, да?

Были, были, были! Да, предсказания были, они все сбывались.

А какие? Что люди говорили?

Ну что говорили. Какая вот жизнь будет, а ее – всё предсказывали, что как народ будет переживать, какие будут голодовки. Да, они, это вот я их запомнила: тридцать третий год и двадцать первый. Это так, как я и запомнила. А сколько их было – да всю жизнь были голодовки! Их, светлых дней-то стало после этой-то войны, стали трошки люди и одеваться, и обуваться, а то их не было...

А вот говорят, что перед войной какие-то столбы видели огненные...

Да. Ну, говорили, тогда бились столбы. Даже говорили люди, что самовидцы¹ были. Они сходились и, говорят, друг о друга ударятся – искры летят, и расходятся. Столбы, говорят, бились. Но я этого-то ничего не видала, а слышать – я слыхала [...].

Скажите, пожалуйста, а в Гражданскую войну тут, в Березовской, кого было больше – белых или красных?

Ну видишь, как... У нас даже вот мой отец, он же служил у Миронова, а он же в белых был, Миронов². А этот Миронов и взял, и сдался со всем со своим полком в красные. И почему он получился в красных... У нас не было ни офицеров, и в той армии не было. Они были все связисты. И мне пришлось в связи работать. И батя был связист, и Николай Яковлевич – связист и служил в связи в действительной, и войну прошёл связистом. Мы в связи, и я в связи, на телеграфе работала. Ну, а так у нас не было офицеров, я этого ничего не знаю. Вот, где были офицеры, там же их забирали и уничтожали их сразу. Их вот у нас в станице, почему у нас, есть еще старые люди везде, а у нас-то нету, один Григорьевич. Но он одиннадцатого года. Он одиннадцатого – это, считай, он был молодым в то время. А настоящих казаков-то у нас нету. Их всех сослали, порасстреляли. Они все загрузили вот эти, гулаги эти все. Вот так. И туда нас посылали всегда. «Ваша земля на Иртыше». Вот какие русские, так выговаривать не давали. «Ваша земля на Иртыше». Вот я на этой земле пока еще живу [...].

Да дела были. Ты знала, Егорка Карнаухов был. Ваня, Егорка... Их дед – его тоже расстреляли. Он же тоже был белый офицер. Ой, да тут у нас всю станицу, тут не было двора такого, чтоб он был... А какие могли – эмигрировали, уходили за границу. Какие смогли, сумели. Ну раньше, может быть, знали. А какие тут оставались, их уничтожали. Их гнали, я не знаю, вот там какие города строят, там одни кости человеческие, вот это, где сейчас строят, там одни человеческие кости! У нас у дедушки брата с шестью сыновьями... Не... Один на Кавказе

¹ Самовидцы – очевидцы.

² Филипп Кузьмич Миронов (1872–1921). Родился в станице Усть-Медведицкой, ныне г. Серафимович Волгоградской области. После революции 1917 г. примкнул к большевикам. Выступал против политики расказачивания. В 1920 г. вступил в РКП(б). Командовал 2-й Конной армией. В феврале 1921 г. был арестован. Устойчива версия, согласно которой Ф.К. Миронов был убит во время прогулки в Бутырской тюрьме по приказу Л.Д. Троцкого. Реабилитирован в 1960 г. «за отсутствием состава преступления».

служил действительную, старший, и пропал бесследно. А у бабушки у нашей служил этот, был, гимназию закончил, и оставили его, как он отлично закончил гимназию, и оставили его в Новочеркасске. Уничтожили! Не дали ему жить даже, всё... Ну казак. Из казаков.

Ой-ой-ой, да как еще трудились! Эти казаки возле чириков¹ ходили. Гоняет быков, а чирики жалко ему, он разувшись. Труженики, труженики простые. Но любили, если уж загуляют, то действительно стоном стоит станица. Они там эти и песни, и боже мой! А какие компании были – по улице идут, не помещаются, родства-то помногу. У нас, вот у моего отца двоюродных было восемнадцать. Братьев одних восемнадцать двоюродных! И девять сестер двоюродных. Вот как. И вот это – девять сестер и восемнадцать – это сколько?

Двадцать семь.

Вот. Вот сколько было. Это не его сестры, а двух еще причитай его сестер. А сейчас живут рядом – не знают. А тогда – какая свадьба, какое горе у кого, а у нас его, горя, было в нашей семье – это какая-то страсть, не было в станице столько горя, сколько в этом дворе было. И все шли, и все окрикивали, и все оплакивали, и все горевали. Вот так вот, вот такие были семьи, вот такое было родство, девчат. И все знали. А знали – это до пятого колена обязательно, а то до седьмого. Это было родство. А до третьего колена не венчал священник. Только в четвертом колена можно выходить за брата за четвертого. Не венчали [...].

Бабушка Нюра, Вы сказали, рассказывание было в двадцать девятом году.

Да вот, казаков уничтожали.

Так прямо и говорили, что это рассказывание?

Да-да, рассказывание, рассказывание, да. Раскулачивание, рассказывание. Казаков уничтожают. Раскулачивали кого – казаков да и вот этих баринов, какие имели свои вот лавки. Они все поехали, ничего с собой не взяли. Мухина три дома, они их оставили. Они взяли с собой то, что могли унести, ну, может, золотишко прихватили, и всё. Они ничего никто не взял.

[...]

А тогда [в 1946 г.] очередь были, ой-ой-ой, по ночам не спали, а по триста, по двести пятьдесят грамм давали хлеба на человека, и вот пока ты дождешься сайку. Ну что же, у нас свое было. И вот один раз идет Сергеич, получил вот порцию. Получил порцию и идет, а баба Маша, этих, чья уж она была, Господи, Костина, Марья, сидит пухлая, глаз не видать у нее, он к ней подходит: «Ну здорово, Филипповна». Она: «Слава Богу, а ты кто будешь?» – «Да ты мене не узнаешь? Иван Сергеич Чумаков». – «А, Иван Сергеич, не дай помереть мне, я всё уж». Она уж всё, ей жить уж. Он говорит: «Не дам, Филипповна, не дам. Вот я сейчас несу эту порцию, получил, на тебе, и ешь, пока наешься. А я посижу с тобой. Я тебе сейчас водички принесу, чтобы ты его не сухой ела, а попивала». Пошел, ей там в кружку почерпнул воды, пришел с ней, сел. Приходит, я говорю: «Да где ты был? Ну до сих пор тебе не было». Я говорю: «Ну что, ничего нету», – пайка-то нету. А он говорит: «Да я Филипповну кормил». Я говорю: «Как, Филипповну?» – «Ну она доходит, всё уж, у ней глаза запухли, она почти ничего не видит, сидит только вся, трясется. Я ей отдал». А мама говорит: «Господи, да как догадался, да хорошо ты сделал. Может, она еще отойдет да еще поживет». Она после этого сколько в больнице поваром работала. А ему там и операцию делали, прободная язва желудка была, так она всегда ему принесет всё свеженькое в палату, Филипповна. Вот как. Добро сделаешь – добром тебе и плотют.

[...]

Бабушка, а Вы помните, как церковь ломали?

Ну как же, ну как же я не помню ее! Вот церковь. Да какие же головы пустые! Да разве можно такую сокровище ломать, а хлеб гноили в степе. Да вы что ж ломали! Вы доказывали вроде казакам: «Взорвем вашу церковь». Вроде бы, а вам она не нужна. Да вы бы ее берегли для зерна бы. Не надо ж, никому не открывали бы ее, но вы бы ее для зерна. А зерно гноили. Гноили! А люди голодовали. Вот голод почему был. Вот при этой власти [...]. Вот эта церковь наша – ее взорвали дураки. И ходили с росписями и обманывали людей.

Собирали росписи, да?

Под роспись! Ее под роспись сломали. Почему? Потому что они раздали комсомольцам эти тетрадки. Они приходят и говорят: «Церковь восстанавливают. Распишитесь». Наш дедушка: «Ой! Слава тебе, господи, хоть есть храм у нас». Берет эту ручку, расписался.

¹ Чирики – кожаные туфли.

Он говорит: «Ты за что расписался? Ее взрывать будут». – «А! Давай я порву!» – «Нет, теперь не порвешь». Вот как делали. Дедушку нашего, и то приходили и так вот обманули. Он расписывался. «Ее будут открывать». А это взрывать ее ходили обманным путем.

И вот, когда уж ее всё, взрывать, так собрали пионеров, комсомольцев и было, сам вожак-то, с третьего квартала, Балахонов. И он водил вот этих всех. А у нас, у дедушки, у дяди Романа гулянье как раз, у Лидина у дедушки, Турчиной. А бабка такая была, ну вроде того, как они состоятельные, да в счете живут, да созна... Ну гордилась этим, с гордостью. И вот эти-то ходят, она выбегла, а тут Костю, в школу ходит, его – раз наложили на его – принесть, облигации взять. Он пришел: «Да облигации говорят, чтоб я подписался, дай, баба денег». Ну дали ему. Он подписался, еще на чего-то: «Дай денег». Она: «Да это что такое?» И вдруг они ходят, шумят над каждым двором: «Сдавайте хлеб, сдавайте хлеб». И остановились над этим двором. Она выбегает, была пьяная, как схватила его вот так вот за грудь, трепанет – ни одной пуговицы не осталось у пинжака, всё поотлетело. Ну и чего ж там.

Посадили?

Нет, ее не посадили. Так вот их же сразу сослали. Ну и вот. Через них вся семья-то. Она-то осталась, пришла, и тут и замуж выходила. А она, семья-то, там же вся поумирала: и сын, и муж, дядя мой, и внучка. А она-то пришла и вышла замуж на Горин¹ и жила. Видишь, какое – гордость. Вот погордилась, а семья и пошла. Может, еще бы так, дюже-то к ним сурово не отнеслись бы, а тут, видишь, Костя пришел, опять подписываться на облигацию. И вот так вот и раскулачивали. А такие же ходили и шумели, над каждым двором: «Сдавайте хлеб, сдавайте хлеб, сдавайте хлеб». А дети, вот небольшие, вот эти, пионеры, с галстучками красными, в трусиках таких в коротеньких, рубашечка беленькая, они одетые, все эти, по форме. А это комсомольцы. Тут уж у них значки комсомольские, и вот ходят по всей станице. Этот по нашему кварталу пошел, энтот пошел по другому, энтот – по третьему пошел. И так ходили.

Бабушка, а какой престол был у церкви, престольный праздник?

Престольный праздник наш был Рождество Пресвятой Богородицы. И церковь была Рождество Пресвятой Богородицы, и престол², она рождественская, наша эта церковь.

Рис. 2. Храм в станице Березовской на картине неизвестного художника (в святом углу в доме А.Я. Чумаковой, фото Н.А. Архипенко)

¹ Горин – хутор в Даниловском районе Волгоградской области, расположен в 12 км от станицы Березовской.

² Иван Сулин упоминает в станице Березовской две церкви, обе освященные во имя Рождества Христова. Одна была освящена в 1802 г. (из дубового леса на каменном фундаменте), в 1859 г. перенесена на кладбище, а вторая – каменная, однопрестольная, пятиглавая, освящена в 1885 г. [2]. В настоящее время в станице действует православный старообрядческий приход храма Рождества Пресвятой Богородицы.

А какой батюшка был последний, помните?

У нас два было.

Два было, да?

Всё время два священника. Такая церковь была, такой приход был большой, так что два священника. У нас был вот, где сейчас Колодкина живет, он – отец Александр Лавров, казак был, а вот, где жила Васина, этот дом был, это тут Пудовкин был, священник. Вот, два священника. А Головачев был титор¹, нет, не титор, он был вторая рука у попов. Там были, да кто ж он был то? Псаломщик, он псаломщиком был. [...]

Рис. 3. Храм в станице Березовской на фотографии 1930-х гг. (фото из фондов Краеведческого музея станицы Березовской)

А псаломщик – какие у него обязанности?

Псаломщик²? Он управляет всем. Он помогает священникам, он служит обедни, ежели не управляется священник. Псаломщик большую роль играл. А титор – это он вот этим всем: поминаниями, всеми поминками, это титор распоряжается. Вот ты пришла, даешь поминать, подаешь поминание, тебе на нее ложат свечку. Ты свечку идешь и ставишь, какому хотишь святому. К какому ты больше это... Ну, там свечи, бывало, зайдешь в церковь, там всё было в свечах, ни одной нигде не было промежуточки, чтобы не горели свечи. Везде свечи. Люстра была огромная среди церкви. Ее зажигали только вот эти, восковые. Такие маленькие свечи не зажигали никогда. Потому что она зажигалась [в] большие праздники, ставилась вот такая лестница, к ней доступа-то больше не было, и вот с одной стороны идет и с другой. И они лишь ее крутят, и ставят свечи, и зажигают, ставят свечи и зажигают. Так вот, загорится эта люстра с этими свечми. Так такой красоты нельзя!.. А тут эти голоса всё поют. Говорят, что наша церковь – таких было в нашей вот области две, вот только где еще одна, я не знаю. А строил один хозяин. Пожертвовали казаки, а потом хозяин, возглавлял самый, жертва – это одно, а он – он давал средства большие, а это казаки помогали, на средства казаков. Эта церковь дорогая была. [...]

Вы сказали, что по большим праздникам было много народа. А какие это большие праздники?

Большие? Пасха, Рождество, Крещение, потом эти... Успение. Это Успение Господне, когда святятся яблоки, груши, всё. Тогда ж не ели ничего, пока не осветят в церкви. А сейчас

¹ Ктитор – церковный староста.

² Псаломщик – низший церковный служитель в православной церкви; дьячок, пономарь.

лишь только такой завязался, как его уж – хрым-хрым, едят. Вот такие праздники большие были. Ну и когда самое главное было, когда нашей церкви наш престол. Вот он богатый тоже был. Съезжалось много народа на престол. Это престольный день. Вот это она и называлась – Рождество Пресвятой Богородицы церковь и Рождество Пресвятой Богородицы – престол. И престол такой, и церковь так же. Она одним именем славилась.

Бабушка, а когда в колокола звонили?

Колокола? Да колокола, их сбрасывать-то начали. Там же, вот это вот, она снятая, одной же главы не было уже, с нее уж содрали. Там, по-моему, я-то уж не вижу, а когда видала-то...

Нет, там все.

Все? Ну, это на другой, это, наверно, на фотографии. Это сфотографированная церковь. Сфотографировал ее один тут, в Атамановке¹ был [...].

А когда колокола звонили? В праздники?

Ну, колокола, их сразу же запретили. Они не звонили уж, всё. Ее закрыли, в ней одно время был хлеб, принимали, а хлеб принимали от людей, от граждан, налог налаживали, и люди везли хлеб в церковь. А у нас стоял приемщик. А он с этого, с чинов был. Они у нас жили. Ну и вот. И теперича, по-моему, колоколя это, колокола, потом уж их, когда уж колокола сняли, тогда начали купола снимать, а взрывали – уж куполов не было. Ее в тридцать седьмом взрывали. Но я думаю, ее как раньше взорвали. Вот что-то я думаю, это неправда, кто ее так перепутал? Мне кажется, раньше ее взорвали, церковь. Все плясали по иконам и по ризам по этим всем. Ой-ой-ой, что делали это, делегатки, все эти партийные, все эти... Пошли во власть, им же дали в руки это, власть-то. Боже мой! А эти только, наш народ, схватятся за голову: «Боже мой, боже мой! Да вам же за это отвечать, вам же за это отвечать». Это же грех непростительный. Как это можно – надругиваться над святыней? Это же не нами, это же не нами всё. А теперь вот видите, как? Берутся, восстанавливают всё. А у нас даже вроде хотели часовенку поставить в станице, и под часовенку не находят место. Что ж такое, такая площадь, и не находится часовенке место? И теперь, говорят, ничего не будет.

Бабушка, а пришлось отвечать вот этим людям, которые на иконах танцевали? Бог наказал как-то?

Да они же взяли псалтири и пошли читать, потому что им есть нечего, по упокойникам. Вот это – не наказал? Вот, как было. Они пошли читать, куда ж им деваться, там хоть кусок положат, поминали ж умерших-то. Ну, вот так, девчат. Они говорят, а как же вот иконы, я говорю, плясали по ним. Сложили их в кучу и плясали по иконам. И носили даже... Ты не носила, Альбина [собеседнице, сопровождающей интервьюеров], тебе не шили ничего с ризы? А то с ризов шили. А то так: пошили, а кресты-то сорвали, а под крестами-то другая ж. Тут она была голубая, риза, вот, а тут крест сорвали [...].

Бабушка Нюра, скажите, пожалуйста, на Новый год раньше ходили по дворам, пели?

Ходили, ходили, да как же! И на Новый год... Новый год ходили славили, а под Новый год гадали ходили. Ходила и я. Это гадали. А как гадали? Вот, у нас забор был, дощеччатые ворота. Мы заходим к нам, но мы живем-то на отшибе, а нам нужно центральную улицу, где много движения. Вот заходим, ворота есть дощеччатые, заходим во двор, снимаем валенок и кидаем за ворота. Через ворота кинули, а ребята уж тут нас ждали. Похватили наши валенки, мы остались на снегу с одним валенком. И вот один валенок снимаем и становимся в одних чулках на этом валенке, а валенок-то кто ж пойдет принести, они их уж унесли. Ребята. Вот такое было в нашей жизни гадание.

Теперича тут отгадали. Теперь пойдемте курей ловить. Кто кого поймает. И какую курицу. Ежели черная курица, значит, я за черного выхожу, рыжую – значит, за рыжего. Ну петуха – значит, за другоженца, что раз женатый был. Ну, пойдем. Валим петухов этих. И я ловлю петуха. Курей было. А как? У одной – заходишь в чулан, а подловки-то² нет.

¹ Атамановка – хутор в Даниловском районе Волгоградской области, расположен в 13 км от станицы Березовской.

² Подловка – чердак.

Сразу лестница на подловку. И мы по этой лестнице на этот боровок-то¹. Куры сидят, а мы там их – хоп-хоп, они на теплом сидят – похватали. Приношу: все курочек поймали, а я петуха принесла. Значит, за другоженца я выхожу. Но пока его не было. Я не знаю, может он был женатый. Я не знаю. Он привез, ходил какой-то всё время. Мне-то, я еще ничего не соображала.

Ну вот. Теперь жених. Ходим, спрашиваем, кто жених. «Заходите в дом». Вот нас в дом пригласят. Приходим, расстилают шубу в переднем углу, ставят садиться на эту шубу. «Теперича говорите, кто». Да, я говорю: «Какого вы мне жениха?». Да вот, такого, такого, такого. А это другая спрашивает, она [хозяйка] ей предсказывает женихов. Ну, что ж, погадали. Всё, успокоились вроде, пойдёмте теперича. А валенки, нам же надо валенки, мы ж без валенок не можем, тогда же были зимы холодные, такие были, сейчас таких зим нету. Тогда снега были – не было кольев видно в плетне.

И вот так гадать ходили, курей ловили. Теперь мы это всё проходим, а потом уж идем мы славить Христа, с Новым годом. Вот приходим: «Можно пославить?» – «Славьте». Это – с Рождеством ходили, а это – с Новым годом. Это:

По полю, полю
 Сам Бог ходил,
 Божия Мать за ним ходила,
 Ризу носила,
 Бога просила:
 «Ой, Боже, Боже,
 Создай нам, Боже,
 Жито, пшеницу, – это хлеба просим мы. –
 Жито, пшеницу на всю пашницу.
 Ходит Илья,
 Носит пугу² ситиную.
 Налево махнет – там жито растет,
 Направо махнет – там пшеница растет.

А у нас зерно, мы должны сыпать этому дому, чтоб у них хлеб зародился. И вот так проходим мы, прославим этого Христа. Это на Новый год. Это Рождество впереди, а это – Новый год.

Теперича, что доходит? Доходит Крещение. Ходят на водосвятъе, делали, ярдань³ была, богато делали ярдань, разукрашивали ее. Ой! Там такую ярдань сделают! Выше моста сюда, к нам. Мы с этими салазёнками скатываемся под гору и скорей по этой... А дорога была торная по речке, ездили на Бобры⁴ и даже выезжали у кордона на Даниловку⁵, ездили по речке всё. И теперича идем, там такая ярдань! Стоят два. Это уж они ночью ночуют. Они меняются там: сколько часов простоят – другие. Это казаки всё. Ребята молодые, с удовольствием все идут. Это всё было по себе. Как этого всего не стало, и этих ребят не стало. Вот в каком ты доме живешь [собеседнице, сопровождающей интервьюеров], это был Костин дом, и когда их раскулачили и повезли, а был туман-туман! А уж переправа была паромом. Весной. И такой был туман! А стояли ж там подводы. А тогда были какие подводы – еще только у кулаков всё позабрали: что лошади, что брички, всё, – и посажали кулаков. А [нрзб.] дедушка был. Вот его перевозят, он раз – из лодки – и в воду! И вылезит, и уходит. Его догоняют и опять в лодку. Дедушку! И опять в лодку. И мокрого его повезли, этого дедушку. И когда поехали, загремели хода⁶, а тут конные. Это вот везут их, а тут на лошадях охрана идет, чтобы кулаки не убежали. Они куда побегут, у них ни хлеба куска нету, ни одежи

¹ Боровок – часть дымохода, расположенная на чердаке.

² Пуга – кнут, плеть, хлыст.

³ Ярдань – иордань, прорубь в водоеме, сделанная к празднику Крещения Господня для совершения обряда освящения воды.

⁴ Бобры – хутор в Даниловском районе Волгоградской области, расположен в 11 км от станции Березовской.

⁵ Даниловка – рабочий поселок, районный центр Волгоградской области.

⁶ Хода – бричка.

никакой нет, их взяли, как они были. Вот, как издевались над людьми! Всё, вот как были, так и взяли их. А он заиграл песню. Ой, как вот...

Уж ты доля, моя доля,
Доля бедняка!
Тяжела ты и отрадна,
Тяжела, горька.
Не твою ли, бедняк, хату
Ветер покачнул?
Не твои ли, бедняк, дети
Ходят босиком?
Не твоя ли молодая жена
Просит под окном?

Вот, какую он песню заиграл. Так тут весь яр, навзрыд все кричали, когда их повезли. Кулаки! Они труженики были.

Примечания

1. Королев В.Н. Донские казачьи городки. Новочеркасск: Дончак, 2007. С. 24.
2. Сулин И. Краткое описание станиц Области Войска Донского. Станицы по Медведице // Донские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1894. № 12. С. 460–467.

References

1. Korolev V.N. Donskie kazach'i gorodki. Novocherkassk: Donchak, 2007. S. 24.
2. Sulin I. Kratkoe opisanie stanic Oblasti Vojska Donskogo. Stanicy po Medvedice // Donskie eparhial'nye vedomosti. Otdel neoficial'nyj. 1894. № 12. S. 460–467.

УДК 929/94(47).084.6

Интервью с Анной Яковлевной Чумаковой

Подготовка к публикации и комментарии
Светлана Викторовна Мартынова

Южный федеральный университет, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, улица Большая Садовая, 105/42

Ростовский областной музей краеведения, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, улица Большая Садовая, 79
E-mail: sve50487871@yandex.ru

Аннотация. Материал охватывает период 1920–1930-х гг., отражает политические, экономические и социальные явления и процессы данного периода, такие как появление колхозов, голод 1930-х гг., антирелигиозная политика, рассказывание и т.д., раскрывает особенности повседневной жизни донских казаков.

Ключевые слова: донское казачество; колхозы; голод; рассказывание; антирелигиозная политика; повседневная жизнь; праздники.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
Vol. 7, Is. 1, pp. 64–72, 2015

DOI: 10.13187/ra.2015.7.64
www.ejournal16.com

Reviews

UDC 94(470.54)“193/195”

Demtchenko, I.N. (comp.). Uninvented Stories Prompted by Human Memory: 30, 40, 50s of the 20th Century in the Recollections of Children Having Grown Up Long Ago. Yekaterinburg: Autograph, 2013. 200 p.

Natalia B. Gramatchikova

Institute of History and Archaeology, Ural Branch
Russian Academy of Sciences, Russian Federation
16, S. Kovalevskaya Street, Yekaterinburg, 620990
PhD (Philology)

Department “Faculty of Philology”
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin, Russian Federation
51, Lenin Avenue, Yekaterinburg, 620075
E-mail: n.gramatchikova@gmail.com

Abstract

The article presents a review of memoirs and documentary materials collected by inhabitants of Uralmash and about the Uralmash itself. Most attention is paid to the Second World War and post-war years, although there are a number of interesting documents dating back to the beginning of construction of the factory (1928) and the first five-year period. This book also includes a section written by the honoured teacher of Russia, G.P. Staduhina, about more than a century of School №160 history in the village of Pishma (now located in Ordzhonikidzevsky District of Yekaterinburg). This collection of materials is interesting and worth reading due to the oral history of the Uralmash and the Great Patriotic War in the Urals, and because it gives a “snap shot” of the development of Russian provincial journalism in the early 21st century.

Keywords: Uralmash; Great Patriotic War; factory; school; oral history; Soviet discourse; memories; city legends; tank; dugout.

Книга с неправдоподобно длинным названием, пришедшим, кажется, напрямую из века XVIII, и умудрившаяся утаить в названии главное свое содержание – она об Уралмаше и уралмашевцах – интересна в нескольких аспектах. «Непридуманные истории» составлены из разнообразного и разношерстного материала, представляя собой своеобразную матрешку стилей, нарративов и идеологий, будучи плодом именно коллективного творчества и желания людей сохранить память о локальной истории, связанной, во-первых и в-главных, с заводом Уралмаш (Уральским заводом тяжелого машиностроения (УЗТМ))

и с «соцгородом» вокруг завода, с которыми переплетены личные судьбы всех участников проекта. УЗТМ, заложенный в 1928 г., – место культовое не только для Екатеринбурга (Свердловска), но для всего постсоветского пространства, ибо мало где с такой последовательностью и наглядностью были воплощены в жизнь принципы новой идеологии и технологии и мало где давно обветшавшие здания производят такое цельное впечатление руин ушедшей цивилизации (гостиница «Мадрид», Белая башня, остатки статуй и неработающие фонтаны во дворах и др.)¹.

Рис. 1. Обложка книги

В книге 11 частей, не все они равноценны. Безусловно, центральной частью, «сердцем», издания стали собранные И. Демченко истории уралмашевцев: металлургов, инженеров, учителей, профессоров, преподавателей и др. Однако «сердце» это основательно защищено; и сам по себе этот «кокон защиты» не лишен интереса. Первые три части книги повествуют о биографии депутата И.В. Володина, при чьей финансовой поддержке было осуществлено данное издание. Родившись в семье работников Уралмашзавода, он, как и многие уралмашевцы, оказался всей жизнью связан с этим районом (население Орджоникидзевского района составляет около 200 тыс. человек, так что именование «соцгород» вполне ему подходит). Сложно сказать, в какой мере текст воспоминаний И.В. Володина создан им самим, но, во всяком случае, он свидетельствует о том, что идеологемы и «культурные императивы», воспроизводимые в его автобиографии, вполне близки и комплиментарны основной аудитории создателей проекта, включая и противопоставление «старшего поколения» и «нынешней молодежи», представители которой «и слово не держат, и чужого времени не ценят, и сделать могут все шиворот-навыворот» [2].

Биография И.В. Володина, «человека и депутата», в исполнении журналиста И. Демченко оказывается целиком сшита из огромного количества стереотипов и клише. С зачина: «50 лет назад, накануне новогодних праздников, под рождественской звездой в Зеленом бору родился в семье Володиных долгожданный мальчик, крепыш. Назвали его княжеским именем – Игорь» [3] – текст уверенно покатится в «счастливую новогоднюю

¹ В конце 2014 г. в Центре культуры «Орджоникидзевский» в Екатеринбурге открылся выставочный проект фотографа Федора Телкова «Наследники мечты», посвященный потомкам первостроителей завода и соцгорода Уралмаш. О нем можно прочитать на сайте The White Tower Project [1]. Проект «Культурные лаборатории Белой башни», подготовленный свердловской областной общественной организацией «Группа архитектурных инициатив, событий и коммуникаций», в 2014 г. получил поддержку Министерства культуры Российской Федерации.

пору», подтвердит предсказания астрологов и народные приметы, упомянет «простую рабочую семью», отцовские наказания, «трудности и тяготы армейской жизни», «нацеленность на конкретный результат», пройдет по основным жизненным этапам и вновь вернется к году Тигра и трактовке имени Игорь. Безликость, тиражируемость, радикальное отсутствие личностного начала делают этот текст биографии и своеобразным моментальным снимком состояния российской современной провинциальной журналистики, и знаком «непереваренности», неотрефлексированности официального дискурса, обнажающим конструкции «придворного» биографического жанра.

Текст воспоминаний И.В. Володина «Я родом из детства», несмотря на стереотипизацию и глубокую погруженность в советский дискурс, всё же примечателен тем, как естественно, сами собой прорастают в жизни человека послевоенной эпохи культурные императивы новой идеологии. Присутствует весь набор значимых для советской идеологии персонажей: и пионеры-герои, и Гастелло, и Маресьев, и Зоя Космодемьянская, и Спартак, и Овод, – каждый из них что-то значил во взрослении молодежи тех лет. И всё же личные воспоминания с большим трудом поддаются омертвляющей нивелировке: в них есть несомненно личное, свое, не повторенное за другими: и первая подработка рубкой елок на Новый год, и разговор с «духом машины», и в одиночку вскопанный (ради рыбалки) огород...

Однако штампы советской идеологии лишь на несколько минут уступают авансцену, чтобы снова занять лидирующие позиции в разделе, посвященном строительству Уралмаша. Авторство этой части книги неясно, раздел не подписан, текст эклектичен. Начало «Завода заводов» обескураживает тем же «непереваренным» советским дискурсом: «После свержения царского режима Россия оказалась окруженной враждебными капиталистическими государствами» [4]. Строительство завода показано как деяние демиургическое: в заповедном лесу («на месте векового леса у живописного озера Шувакиш» [5]), в начале времен, словно обнуляется вклад предшествующей культуры («Казалось, здесь не ступала еще нога человека» [6]). Мелькнувшее упоминание о заводе-предшественнике на том же месте во времена Петра Первого служит лишь отсылкой к «недоброму прошлому» («Долгие годы место имело недобрую славу и считалось колдовским»¹ [7]) и прелюдией к боям с колчаковцами и белочехами в здешних лесах. Дремучее, колдовское, непросвещенное побеждается рукотворным созданием нового завода, как нового мира. План и расчет в тексте подчинены иррациональному влечению тысяч безымянных строителей к магниту-Уралмашу: «Ехали целыми семьями и артелями, со своими лошадьми, плотницким инструментом. Ими двигали азарт, желание как можно быстрее построить светлое будущее. Уралмаш притягивал, как магнит» [9]. Впрочем, в том же абзаце можно обнаружить вполне рациональные причины подобного притяжения: «На стройку прибывало множество людей, вынужденных покинуть свои деревни и поселки из-за голода и разрухи» [10]. Подобное расщепленное сознание составителей книги – зеркало сознания ее героев, где идеология и быт, противоречия друг другу, уживаются вместе.

Повествование о начале строительства завода (конец 1920-х – 1930-е гг.) занимает несколько страниц, включая десяток фото, и выстроено по тематическому принципу. Завод рождается неотделимым от памяти о врагах: надпись на медной доске в котловане гласит: «15 июля 1928 года, в день освобождения Урала от Колчака, заложен Уральский машиностроительный завод» [11]. Заметим, что помещенные в «колыбель» завода «враги» (уже другие) оказываются невольными «покровителями» уралмашевских детей: через два десятка лет построенные военнопленными немцами и японцами лагеря, едва освободившись от насельников, будут переданы заводом пионерам («Одним из первых лагерей был “Адуй”, который принял ребят сразу после того, как оттуда вывезли пленных немцев и японцев. Спали в бараках. Вокруг лагеря еще сохранились колючая проволока и смотровые вышки» [12]).

Архитектура Уралмаша позволяет считать район памятником конструктивизма, где улицы-лучи расходятся от центральной проходной завода. Район сохранился и как «топонимический заповедник» [13], о чем свидетельствует часть книги под названием

¹ Тогда как результаты археологических раскопок (1992–1993 гг.) вполне известны и опубликованы. См. об этом [8].

«Экскурсия по соцгороду», где приведены истории всех значимых улиц, а также неофициальные, но хорошо знакомые уралмашавцам топонимы: «маленький Берлин», «Дворянское гнездо», Белая башня, Колчаковский вал, дом-«пила», «самстроевские дома», Летний сад, танковая дорога. По ней, по воспоминаниям уралмашевцев, вывозили на переоборудованных танках урожаи картошки с труднодоступных из-за грязи участков, которые и пахали, случалось, теми же танками [14].

Первая пятилетка в истории УЗТМ (1928–1932) связана с деятельностью А.П. Банникова, выдающегося организатора и харизматичного лидера, урна с прахом которого находится у центральной проходной завода. Основное внимание в этой части сборника уделено поэтапной эволюции инфраструктуры района. Описывается прокладка железнодорожной ветки от вокзала до места будущей стройки, где «основными инструментами были топор, лом, лопата, основным транспортом – тачка и грабарка (тачка, запряженная лошадей)», длинная, извилистая, протоптанная в снегу восьмикилометровая дорога до стройки (так называемая «Веревоочка»), по которой по утрам тянулась пестрая вереница строителей [15]. Приводится технология строительства землянок, включая сарайчики для лошадей. Исторические данные сопоставлены с современной топографией района: большинство землянок находилось на территории, где позднее возвели квартал домов, прозванный «Дворянским гнездом», однако вплоть до конца 1940-х гг. «можно было обнаружить в лесу за Белой башней подобные жилища, вокруг которых резвились дети и хлопотали женщины» [16]. Один из мемуаров следующей части сборника фиксирует удивление женщины, которая, оказавшись в тех местах, узнала, что землянки были вырыты не «на скорую руку» для эвакуированных, а планово, еще для первостроителей завода, и существуют уже второе десятилетие. Перечислены места дислокации барачных поселков (Рабочий, Эскаваторный, Кирпичный), где десятилетиями жили тысячи людей, упомянута их недобрая слава (особенно «молотовского куста»).

Уралмаш и его директор А.П. Банников позиционируются в этом разделе как средоточие силы и самостоятельности. Все проблемы решаются собственными силами, ресурсы изыскиваются на месте: разрабатываются каменный и песочный карьеры, строится кирпичный завод, добывается торф, прокладывается железнодорожная ветка к месту его добычи, осушаются болота, создается подсобное хозяйство, разбиваются огороды. Преобразования затрагивают и растительный мир: после вырубки местных лесов и раскорчевки пней улицы засаживают деревьями и кустарниками, привезенными с Поволжья (не случайно одна из улиц носила название Садовой). Культуртрегерская деятельность завода продолжалась и в создании десятков школ по ликвидации безграмотности, в деятельности курсов, ФЗУ и др.

Значительную долю повествования «Завода заводов» и следующей части, «Экскурсии по соцгороду», занимает описание разнообразных типов жилья, которыми застроен «соцгород», а также его транспортной оснащенности. Так, еще при Банникове приходит черед каркасно-засыпных домов, дешевых, быстрых в изготовлении, призванных решить жилищную проблему на ближайшие 20 лет (снесены эти дома будут только через полвека службы). Основным транспортом поселка был железнодорожный: «Посреди обычной улицы в жилых кварталах ходили взад-вперед паровозы, из их труб валил черный угольный дым. Проложили рельсы от заводской проходной по улице Культуры до лесопилки, по улице Молотова до улицы Победы» (название которой, кстати, не имеет отношения к Великой Отечественной войне и апеллирует к 1933 г.) [17]. В 1931 г. от вокзала до «соцгорода» был пущен трамвай, который не пользовался поначалу популярностью, так как двигался медленнее пешехода. К тому же линия была однопутная, и приходилось подолгу ждать, пропуская встречный вагон. Существовал и свой конный двор, откуда каждое утро выезжала вереница телег, чтобы перевозить небольшие грузы. Автомобили были дороги, вязли в болотистой почве. В 1945 г. автопарк насчитывал всего 130 машин, большинство было оснащено газогенераторами, работавшими на березовых дровах. «На 100 км пробега грузовику требовалось 95 кг дров» [18]. Быт уралмашевцев тридцатых годов был вполне поселковым, мало напоминавшим город: с 1928 г. в центре района работал лесопильный завод, к которому вела железнодорожная линия, идущая прямо посреди центральных улиц района к местам строительства живых домов. Улицы шли по болотистой, труднопроходимой местности, где деревянные мостки заменяли тротуары. Вдоль них «зачастую приходилось прокладывать деревянные рельсы для составов узкоколейки. Рядом размещались

землянки, в которых жили семьи рабочих. Дети собирали грибы и ягоды, росшие здесь в изобилии» [19].

Уже упомянутая часть «Экскурсия по соцгороду», с одной стороны, обнаруживает удивительную стойкость уралмашевских реалий. Например, рынок, первоначально построенный на улице Сталина (Осевая, ныне Орджоникидзе) на месте землянок, был одним из самых крупных в Свердловске, с крытым павильоном (высаженные напротив него привезенные с юга дубы растут до сих пор). За прошедшие восемьдесят лет он лишь на несколько кварталов сменил дислокацию, оставшись на той же улице, и существует по сей день как самый крупный «блошинный рынок» Екатеринбурга¹. Тогда, в 1930-е гг., тут «можно было купить конфетку-подушечку, колечко древесной смолы для жвачки, обломочек жмыха» [21], в 1990-е гг. торговали чем придется, да и сейчас можно «узнать свой вес за 5 рублей». С другой стороны, 1930-е гг. уникальны еще и тем, что в это время закладываются почти все «культовые здания» Уралмаша: водонапорная Белая башня (1931) – на тот момент с самым большим в мире баком (700 кубометров); «старая баня», гудки которой, вместе с заводскими, от которых они отличались по тембру, давали ориентиры во времени уралмашевцам, в большинстве своем не имевшим часов; стадион (1934) – четвертый в стране по числу мест на главной спортивной арене, за ним – стрелковый тир и парашютная вышка; кинотеатр «Темп» (1932) – лучший на тот момент в городе. Детальная характеристика этих зданий не входила в задачу составителей сборника, однако приведены некоторые интересные случаи, характеризующие то время. Например, «Темп» возводился «ускоренными методами», в результате зимой кладка промерзла, и спасло здание только экстренное прогревание: по данным сборника, в здание кинотеатра по деревянным рельсам загнали два паровоза и их паром прогрели помещение (заметим, по данным, приведенным в статье С. Агеева, «Темп» прогревали теплом мощной печи, работающей на коксе, а затем укрепили строительством контрфорсов²).

Наиболее значимая часть сборника (треть от общего объема) – «Воспоминания о военном детстве». Совершенно справедливо утверждается, что именно «зарисовки, мелодии, даже запахи» «раскрывают атмосферу прошедших событий» [24]. Здесь идеология встречается с живой памятью уралмашевцев и их потомков, живущей как часть семейной истории. Большинство авторов воспоминаний – заводская техническая интеллигенция и работники системы образования, т.е. носители и трансляторы советской идеологии. Все они счастливые обладатели достаточно благополучных судеб, раз уж смогли дожить до наших времен и поведать о своем опыте. Конечно, не стоит ждать рвущих сердце откровений, но и воспоминания о детстве тех, кто выжил, содержат достаточно материала для того, чтобы картина прошлого обрела живой объем. Детская память избирательна, но и власть культурных императивов над ней еще не всецельна. Интонация этой части сборника радикально иная, и этот «интонационный слом», который не сможет не почувствовать читатель сборника, и есть знак живого прикосновения «человеческой памяти» как наполнения устной истории. Многим помнится чувство голода, сопровождавшее их все детство и юность, мало кого миновала участь жизни в бараках и землянках, где «земляной пол, земляные кровати, покрытые досками, даже кое-где салфеточки» [25], кто-то вспоминает оцинкованную ванночку, в которой возил детей отец за неимением санок; другие – как учились лепке на фигурах Александра Матросова и Зои Космодемьянской (к вопросу о «естественности» культурных императивов у И. Володина).

Особая страница – «мечты и судьбы». Всего несколько раз эта тема возникает в воспоминаниях, но каждый раз щемяще остро. Мечта – «поступить в училище при драмтеатре», успешные экзамены, но – вынужденный уход «на завод, чтобы помочь старому отцу содержать семью». От мечты удалось увидеть лишь краешек: «И все-таки мне удалось сыграть роль главной героини в пьесе Афиногенова “Машенька” – в самодеятельном спектакле драмкружка нашего конструкторского отдела» [26]. Застудившись на уборке картошки ненастной осенью 1941 г., «Машенька» в ботинках, «снятых с коньков брата»,

¹ О сегодняшнем дне уралмашевской «барахолки» можно прочитать в новостях городского портала [20].

² Согласно экспертизе Научно-производственного центра по охране и использованию памятников, «Темп» был признан исторической ценностью, но, вполне вероятно, уже потерян для города навсегда [22]. О прогревании здания см. [23].

вернулась домой со страшным фурункулезом и навсегда подорванным женским здоровьем.

Реальные человеческие судьбы причудливее воображаемых: шестилетний мальчишка, оказавшийся в голод тридцатых на Украине в детдоме, за ним приезжает совсем еще юная старшая сестра и увозит его «к себе», а на самом деле – в женское рабочее общежитие Уралмашзавода, на единственную свою кровать; переписка школьницы Дины Склюевой с бойцом из Смоленска, у которого погибла семья, до самой его смерти в бою [27]; дети «врагов народа», «сыновья полка», возвратившиеся из Харбина дети белоэмигрантов; старшие дети, спасающие своих младших братьев и сестер; первоклассники, выпрашивающие в завкоме УЗТМ бирку на валенки для учительницы, которая ходит в школу в мороз в одних туфлях [28]. Трудно остановить перечисление...

Есть и общеизвестные уралмашевские легенды: например, парашютная вышка на стадионе. «Недалеко от вышки находились три могилы. Говорили, что тут похоронены, по одним слухам, разбившиеся парашютисты, по другим – диверсанты-неудачники, намеревавшиеся взорвать Белую башню» [29]. Аббревиатура УЗТМ, получившая народную расшифровку «Узбек, здесь твоя могила», отражала военную реальность, когда сотни привезенных из среднеазиатских республик работников не выдерживали недоедания и холодов. Их смертность была катастрофической даже на фоне военного неблагополучия.

В сборнике нет воспоминаний о детстве и юности как о счастливой поре, хотя человеческая память так пластична в идеализации прошлого. Для сравнения, в воспоминаниях вятских крестьян первой трети XX в., собранных В. Бердинских, ощущение детства и юности как соучастия в празднике – одно из ведущих [30–32]. Здесь же совершенно иная интонация, даже в минуты радости и гордости: «Когда я утром шла в 22-ю школу, мне надо было пересекать людской поток, двигавшийся по улице Сталина (теперь проспект Орджоникидзе) к заводской проходной. В темноте невозможно было различить отдельных людей, а только было слышно мерное шарканье подошв и тяжелое дыхание. Ни разговоров, ни смеха, а только целеустремленное безостановочное массовое движение вперед!» [33].

Отдельное место занимают воспоминания об учителях, и среди них – о Григории Александровиче Федотове, «Госаныче», «Бате», одном из инициаторов обходов по семьям, в результате которых выяснилось, что часть детей не могут ходить в школу, потому что вынуждены сидеть с младшими, у части нет одежды и обуви. Не без робости решился он предложить измотанным лишениями матерям организовать «родительский фонд всеобуча» – фонд одежды и обуви на средства родителей, который помог «не потерять» поколение военных детей, пропустивших несколько лет школьных занятий. Вот как вспоминают его пионерлагерь «Коуровка»: «В уральском лесу в моем отряде были семилетняя диковатая цыганочка Маруся и дочь заместителя диркетора могучего военного завода – в общей палате, где теснились двадцать коек, с огромной печкой в середине комнаты (уральские ночи холодны и летом!), и всем вместе я ставила сушить обувь на эту печку, и всем рассказывала в темноте одну и ту же сказку, а утром они рассказывали мне, на каком месте заснули» [34].

Такая же легенда уралмашевских школ – деятельность Г.П. Стадухиной [35], заслуженного учителя Российской Федерации и создателя Музея истории образовательных учреждений Орджоникидзевского района Екатеринбурга. Ее работа «Одна из первых...» по истории школы № 160 в деревне Пышма была создана на основе архивных данных, личных воспоминаний учителей и руководителей школы. Безусловно, такие материалы важны для регионального исторического самосознания и заслуживают публикации. В частности, приведены малоизвестные эпизоды боев между частями Красной армии и чехословацкими legionерами и казаками в июле-августе 1918 г. (в настоящее время установлены памятники павшим и с той, и с другой стороны). В русле «учительской» темы сборника находятся и отрывки из книги очерков-воспоминаний выпускников школы № 30 Свердловска 1954 г.

Таким образом, книга «Непридуманных историй» получилась очень пестрой, но живой и небезынтересной для всех, кто неравнодушен к семейной устной истории и истории региональной, локальной. Попутно, вне желания авторов, в книге отразились процессы, происходящие в массовом сознании и в языке СМИ, что также приближает сборник к тому, чтобы стать своеобразным памятником эпохе, теперь уже нашей.

Примечания

1. The White Tower Project. URL: http://save-the-tower.ru/telkov_1/ (дата обращения: 14.02.2015).
2. Володин И.В. Вместо предисловия // Непридуманные истории, подсказанные людской памятью: 30, 40, 50-е годы XX столетия в воспоминаниях детей, давно ставших взрослыми / сост. И.Н. Демченко. Екатеринбург: Автограф, 2013. С. 7.
3. Демченко И. «И вместо точек ставил многоточие...» Об Игоре Валерьевиче Володине, человеке и депутате // Непридуманные истории... С. 9.
4. Демченко И. Завод заводов. Начало // Непридуманные истории... С. 31.
5. Демченко И. Завод заводов. Начало... С. 31.
6. Демченко И. Завод заводов. Начало... С. 31.
7. Демченко И. Завод заводов. Начало... С. 31.
8. Курлаев Е.А. Археологическое исследование Шувакишского железодельного завода начала XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2002. № 8: Древние и средневековые культуры Урала в евразийском культурном пространстве. С. 164–176. URL: <http://www.ihist.uran.ru/about/cadru/49/> (дата обращения: 14.02.2015).
9. Демченко И. Завод заводов. Начало... С. 33.
10. Демченко И. Завод заводов. Начало... С. 33.
11. Демченко И. Завод заводов. Начало... С. 35.
12. Демченко И. Завод заводов. Начало... С. 42.
13. Агеев С. Топонимический заповедник // За тяжелое машиностроение. 2009. 3–9 февраля. С. 2. URL: <http://biblio28.ru/kraevedenie/toponimika/toponimicheskij-zarovednik.html> (дата обращения: 14.02.2015).
14. Экскурсия по соцгороду // Непридуманные истории, подсказанные людской памятью... С. 55.
15. Демченко И. Завод заводов. Начало... С. 32–33.
16. Демченко И. Завод заводов. Начало... С. 33.
17. Демченко И. Завод заводов. Начало... С. 36–37.
18. Демченко И. Завод заводов. Начало... С. 37.
19. Демченко И. Завод заводов. Начало... С. 51.
20. Казаков И. Здесь пережили войну и голодные девяностые: легендарная барахолка на Уралмаше выручает горожен в кризис // Екатеринбург он-лайн. URL: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-418562.html (дата обращения: 14.02.2015).
21. Демченко И. Завод заводов. Начало... С. 48.
22. Журавлев Р. Посмертно присвоили // Актуально. Информационное агентство. URL: <http://aktualno.ru/view/sverdlovsk/society/7469> (дата обращения: 14.02.2015).
23. Агеев С. Улица XXII партсъезда // За тяжелое машиностроение. 2002. 6–12 декабря. С. 5. URL: <http://biblio28.ru/kraevedenie/toponimika/ulicza-xxii-partsezda.html> (дата обращения: 14.02.2015).
24. Воспоминания о военном детстве // Непридуманные истории, подсказанные людской памятью... С. 61.
25. Воспоминания о военном детстве... С. 66.
26. Воспоминания о военном детстве... С. 65.
27. Воспоминания о военном детстве... С. 83.
28. Воспоминания о военном детстве... С. 104.
29. Воспоминания о военном детстве... С. 67.
30. Бердинских В. Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. М.: Ломоносовъ, 2011. 328 с.
31. Бердинских В. Русская деревня: быт и нравы. М.: Ломоносовъ, 2013. 272 с.
32. Граматчикова Н.Б. Праздник как модель воспоминаний крестьянства XX века: по материалам В. Бердинских и В. Хлопина // Шестые Лазаревские чтения. Лики традиционной культуры в начале XXI столетия: материалы Международной науч. конф., Челябинск, 26–27 февраля 2013 года: в 2 ч. / сост. Л.Н. Лазарева. Челябинск: Челябинская гос. акад. культуры и искусств, 2013. Ч. 1. С. 32–37.
33. Воспоминания о военном детстве... С. 79.
34. Воспоминания о военном детстве... С. 100.
35. Педагог, просветитель, интеллигент, человек с большой буквы: Страницы жизни Г.П. Стадухиной / сост. И.Н. Демченко. Екатеринбург: Автограф, 2014. 144 с.

References

1. The White Tower Project. URL: http://save-the-tower.ru/telkov_1/ (data obrashcheniya: 14.02.2015).
2. Volodin I.V. Vmesto predisloviya // *Nepridumannye istorii, podskazannye lyudskoy pamyat'yu: 30, 40, 50-e gody XX stoletiya v vospominaniyakh detey, davno stavshikh vzroslymi* / sost. I.N. Demchenko. Ekaterinburg: Avtograf, 2013. S. 7.
3. Demchenko I. «I vmesto tochek stavil mnogotochie...» Ob Igore Valer'eviche Volodine, cheloveke i deputate // *Nepridumannye istorii...* S. 9.
4. Demchenko I. Zavod zavodov. Nachalo // *Nepridumannye istorii...* S. 31.
5. Demchenko I. Zavod zavodov. Nachalo... S. 31.
6. Demchenko I. Zavod zavodov. Nachalo... S. 31.
7. Demchenko I. Zavod zavodov. Nachalo... S. 31.
8. Kurlaev E.A. Arkheologicheskoe issledovanie Shuvakishskogo zhelezodelatel'nogo zavoda nachala XVIII v. // *Ural'skiy istoricheskiy vestnik. 2002. № 8: Drevnie i srednevekoveye kul'tury Urala v evraziyskom kul'turnom prostranstve*. S. 164–176. URL: <http://www.ihist.uran.ru/about/cadry/49/> (data obrashcheniya: 14.02.2015).
9. Demchenko I. Zavod zavodov. Nachalo... S. 33.
10. Demchenko I. Zavod zavodov. Nachalo... S. 33.
11. Demchenko I. Zavod zavodov. Nachalo... S. 35.
12. Demchenko I. Zavod zavodov. Nachalo... S. 42.
13. Ageev S. Toponimicheskij zapovednik // *Za tyazheloe mashinostroenie. 2009. 3–9 fevralya*. S. 2. URL: <http://biblio28.ru/kraevedenie/toponimika/toponimicheskij-zapovednik.html> (data obrashcheniya: 14.02.2015).
14. Ekskursiya po sotsgorodu // *Nepridumannye istorii, podskazannye lyudskoy pamyat'yu...* S. 55.
15. Demchenko I. Zavod zavodov. Nachalo... S. 32–33.
16. Demchenko I. Zavod zavodov. Nachalo... S. 33.
17. Demchenko I. Zavod zavodov. Nachalo... S. 36–37.
18. Demchenko I. Zavod zavodov. Nachalo... S. 37.
19. Demchenko I. Zavod zavodov. Nachalo... S. 51.
20. Kazakov I. Zdes' perezhili voynu i golodnye devyanostye: legendarnaya barakholka na Uralmashe vyruchaet gorozhen v krizis // *Ekaterinburg on-layn*. URL: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-418562.html (data obrashcheniya: 14.02.2015).
21. Demchenko I. Zavod zavodov. Nachalo... S. 48.
22. Zhuravlev R. Posmertno prisvoili // *Aktual'no. Informatsionnoe agentstvo*. URL: <http://aktualno.ru/view/sverdlovsk/society/7469> (data obrashcheniya: 14.02.2015).
23. Ageev S. Ulitsa XXII partseyzda // *Za tyazheloe mashinostroenie. 2002. 6–12 dekabrya*. S. 5. URL: <http://biblio28.ru/kraevedenie/toponimika/ulicza-xxii-partseyzda.html> (data obrashcheniya: 14.02.2015).
24. Vospominaniya o voennom detstve // *Nepridumannye istorii, podskazannye lyudskoy pamyat'yu...* S. 61.
25. Vospominaniya o voennom detstve... S. 66.
26. Vospominaniya o voennom detstve... S. 65.
27. Vospominaniya o voennom detstve... S. 83.
28. Vospominaniya o voennom detstve... S. 104.
29. Vospominaniya o voennom detstve... S. 67.
30. Berdinskikh V. Rechi nemykh. Povsednevnyaya zhizn' russkogo krest'yanstva v XX veke. M.: Lomonosov, 2011. 328 s.
31. Berdinskikh V. Russkaya derevnya: byt i nravy. M.: Lomonosov, 2013. 272 s.
32. Gramatchikova N.B. Prazdnik kak model' vospominaniy krest'yanstva XX veka: po materialam V. Berdinskikh i V. Khlopina // *Shestyte Lazarevskie chteniya. Liki traditsionnoy kul'tury v nachale XXI stoletiya: materialy Mezhdunarodnoy nauch. konf., Chelyabinsk, 26–27 fevralya 2013 goda: v 2 ch.* / sost. L.N. Lazareva. Chelyabinsk: Chelyabinskaya gos. akad. kul'tury i iskusstv, 2013. Ch. 1. S. 32–37.
33. Vospominaniya o voennom detstve... S. 79.
34. Vospominaniya o voennom detstve... S. 100.
35. Pedagog, prosvetitel', intelligent, chelovek s bol'shoy bukvy: Stranitsy zhizni G.P. Stadukhinoy / sost. I.N. Demchenko. Ekaterinburg: Avtograf, 2014. 144 s.

УДК 94(470.54)“193/195”

**Непридуманные истории, подсказанные людской памятью: 30, 40, 50-е годы
XX столетия в воспоминаниях детей, давно ставших взрослыми / сост.
И.Н. Демченко. Екатеринбург: Автограф, 2013. 200 с.**

Наталья Борисовна Граматчикова

Институт истории и археологии Уральского отделения
Российской академии наук, Российская Федерация
620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
кандидат филологических наук

Департамент «Филологический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета
им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина
Российская Федерация
620075, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: n.gramatchikova@gmail.com

Аннотация. Рецензия на книгу воспоминаний и документальных материалов, собранных уралмашевцами и об Уралмаше. Наибольшее внимание уделено военным и послевоенным годам, хотя есть ряд интересных свидетельств, относящихся ко времени начала строительства завода (1928 г.) и первой пятилетке. В книгу также входит работа по более чем столетней истории школы № 160 в деревне Пышма (ныне – Орджоникидзевский район города Екатеринбурга), написанная заслуженным учителем Российской Федерации Г.П. Стадухиной. Сборник представляет интерес в качестве материалов по устной истории Уралмаша и Великой Отечественной войне на Урале, а также как своеобразный «стоп-кадр» состояния российской провинциальной журналистики начала XXI в.

Ключевые слова: Уралмаш; Великая Отечественная война; завод; школа; устная история; советский дискурс; воспоминания; городские легенды; танк; землянки.